

МЫ

всё-таки верим...

Надежда
Ажгихина

Катрина
ванден Хювел

**Ассоциация исследователей российского общества
АИРО-XXI**

Надежда Катрина
АЖГИХИНА ванден ХЮВЕЛ

МЫ ВСЕ-ТАКИ ВЕРИМ...

Москва
2025

УДК 929.52

ББК 63.3

А34

Дизайн обложки – Роберт Бест

Дизайн, верстка – Сергей Щербина

Корректура – Елизавета Полукеева, Финли Муратова

Перевод – Ирина Давидян, Антонина Буис, Ксения Адамович, Рошель Рутчлнд

Фото, иллюстрации – Владимир Богданов, Юрий Феклистов, Марк Штейнбок,

Сергей Щербина, а также из архивов: – Катрины ванден Хювел, Фонда Юрия

Щекочихина, Горбачёв-фонда, из статьи Виктории Журавлевой в книге

«Общее прошлое русских и американцев» (М.: РГГУ, 2022)

Ажгихина Надежда, ванден Хювел Катрина.

Мы все-таки верим... – М.: Серебряные нити, 2025. – 294 с. : илл.

ISBN 978-5-89163-401-5

Эта книга, содержащая интервью, статьи и прежде не публиковавшиеся фотографии, представляет собой сугубо личный взгляд на эпоху Горбачёва, реалии гласности, роль российско-американского женского диалога и упущенные исторические альтернативы. Авторы хотели не просто поговорить об истории, памяти и надежде, но пробудить к этим понятиям новый интерес – посредством новой книги, основанной на диалоге, который на протяжении тридцати с лишним лет вели между собой две женщины – редактор и издатель журнала «The Nation» Катрина ванден Хювел и журналист, директор ПЭН-Москва Надежда Ажгихина. Этот оживленный диалог двух журналисток, писательниц и феминисток, начавшийся с их знакомства в первые дни перестройки, продолжается по сей день. В центре их дискуссии – ключевые аспекты Горбачёвской эпохи, в том числе зарождение и непростой путь, пройденный свободой слова в России, роль независимых СМИ, история и память как центральные моменты гласности, политика десталинизации и ее отражение в СМИ, противоречия демократизации и турбулентность 1990-х, возникновение в России независимого женского движения и его связи с аналогичными движениями в США и в других странах.

Главный посыл книги – непреходящая вера в решающую роль диалога между людьми, в данном случае между русскими и американцами. Убедительный пример тому – русско-американский женский журнал «Vy i My» («Вы и мы»), а также проект «InterNation» журнала «The Nation», акции в рамках народной дипломатии и другие.

УДК 929.52

ББК 63.3

© Ажгихина Надежда, 2025

© Катрина ванден Хювел, 2025

© Бест Роберт, обложка, 2025

© АИРО-XXI, 2025

© Серебряные нити, 2025

ISBN 978-5-89163-401-5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
I. Нас познакомил Горбачёв	9
<i>Катрина ванден Хювел</i>	
Вот чему лидеры, сталкивающиеся с глобальными кризисами, могут поучиться у Михаила Горбачёва	25
<i>Надежда Ажгихина</i>	
Тринадцать дней, которые изменили мир	30
II. Семья, детство. Холодная война	39
III. Наш Стив	57
<i>Катрина ванден Хювел</i>	
Мой Стив. Личное воспоминание о Стивене Ф. Коэне	57
<i>Надежда Ажгихина</i>	
Он научил Горбачёва	66
<i>Рой Медведев</i>	
Мои встречи со Стивеном Коэном	70
<i>Кевин Мерфи</i>	
Стивен Ф. Коэн помог нам понять Русскую революцию и Николая Бухарина	79
<i>Джонатан Стил</i>	98
<i>Геннадий Бордюгов</i>	
Прошлое будущее	104
IV. Наш Юра	117
<i>Надежда Ажгихина</i>	
Недолгое время вместе	117
<i>Михаил Горбачёв</i>	
Несколько слов к читателям книги Юрия Щекочихина	138
<i>Джон Кохан</i>	
Путеводитель по абсурду и надежде	140
<i>Кэрл Юланд</i>	
Настоящий журналист	143
<i>Алексей Герман, Светлана Кармелита</i>	
Когда его пугали, он только хмыкал	145

<i>Григорий Явлинский</i>	
Он чувствовал время и его эпицентр	146
<i>Шимус Мартин</i>	
Наши встречи	149
<i>Борис Жутовский</i>	
Портрет счастья, которое было, кажется, совсем недавно	152
<i>Андрей Вознесенский</i>	
Памяти Юрия Щекочихина.....	153
V. О феминизме и женском движении	155
<i>Катрина ванден Хювел</i>	
Гласность для женщин?	172
<i>Катрина ванден Хювел</i>	
«Пролайфисты» атакуют Россию	185
<i>Надежда Ажгихина</i>	
Назад, на кухню	197
<i>Катрина ванден Хювел</i>	
Свободу Pussy Riot.....	202
<i>Надежда Ажгихина</i>	
«Диалог – это огромная ценность». Беседа с Джеки Абрамян для журнала «Ms», 6 октября 2023 г.	208
VI. Журналистика и СМИ	219
<i>Катрина ванден Хювел</i>	
Верю в людей с фонарем.....	240
<i>Надежда Ажгихина</i>	
Пропасть между российскими и американскими СМИ стала глубже.....	244
VII. Об альтернативах	257
Мы – за свет в конце тоннеля.....	273
Независимые американские и российские женщины призывают к миру	277
<i>Григорий Явлинский</i>	
Прекратите!.....	281
<i>Надежда Ажгихина</i>	
Диалог граждан – лучшее лекарство против ненависти, недоверия и милитаризма	287
Постскриптум	292

Предисловие

Первые строки этой книги мы написали в тот самый день, когда Дональд Трамп во второй раз официально вступил в должность президента.

Мы обе, как множество людей в наших странах и в мире, следили за избирательной кампанией 2024 года со смешанными чувствами.

Уже очевидно, что на наших глазах заканчивается старый порядок и рождается новый, и, как миллионы людей, мы испытываем страх и беспокойство – но одновременно и надежду в связи с возникающими новыми вызовами и проблемами.

Свой проект в форме диалога мы задумали несколько лет назад, будучи уверенными, что он сможет помочь нам, и не только нам, лучше понимать, где мы находимся, как мы в этой точке оказались и какие возможности – и альтернативы – существуют.

Наш диалог, как и дружба, начался в Москве в середине восьмидесятых – в годы Горбачёвской перестройки и гласности, когда у многих советских людей и американцев появилась надежда, что холодная война подходит к концу. Было ощущение, что новое мышление, как минимум в области гонки вооружений, приведет к восстановлению взаимного доверия и – диалога. Этому новому духу времени сопутствовало возрождение народной дипломатии.

Мы не наивные люди. Мы давно в журналистике и не можем не видеть, как милитаристское мышление охватывает наши страны, и мы знаем, что это углубляет недоверие и дискредитирует дипломатию, низводя ее до уровня «умиротворителя».

Но мы верим в живительную силу диалога: возможно, это единственное, что может гарантировать нам – не только русским и американцам, но вообще всем – безопасное и лучшее будущее. Поэтому в нашей скромной книге мы делимся нашими личными (и политическими – как без них?) наблюдениями от конца 1980-х до 2025 года.

Наши разговоры – о политике, обществе, СМИ, наших семьях, жизненных перипетиях, не всегда благополучных – мы дополнили некоторыми своими статьями, опубликованными в свое время в американской и российской прессе.

Идея этой книги пришла к нам вскоре после пандемии COVID-19. Это случилось на конференции в Институте Гарримана в Нью-Йорке, где мы обе принимали участие. Мир стремительно менялся, его захлестывала новая волна враждебности, недоверия и пропаганды – вкуче с новой гонкой вооружений. Новая холодная война все сильнее искажала политический ландшафт не только России и Соединенных Штатов, но и мира в целом. Многолетние наблюдатели описывали российско-американские отношения как худшие в истории.

Чтобы реанимировать эти отношения, понадобится много работы. Мы верим, что наш честный и принципиальный диалог послужит частицей этой работы, и надемся, что он вдохновит других.

Нас же, в свою очередь, вдохновляли люди, посвятившие диалогу свои жизни. Это, прежде всего, покойный муж Катрины Стивен Коэн, никогда не отказывавшийся от поиска диалога и как никто понимавший важность альтернатив, и Юрий Щекочихин, чьи публикации изобличали коррупцию и торили путь переменам.

Мы посвящаем эту книгу их памяти. А еще нашим внукам – Мише, Илье и Вэну – чтобы надежда всегда жила.

I

Нас познакомил Горбачёв

Надежда Ажгихина (далее – **НА**). Мы познакомилась благодаря перестройке и гласности Горбачёва.

Это было необычайное время, время, изменившее мир и, конечно, российско-американские отношения.

Тогда казалось, что мечта многих поколений русской интеллигенции – о гражданских свободах, демократии и открытости – наконец начала воплощаться в жизнь. Реформы Горбачёва знаменовали собой поворот от идеологического и военного противостояния с Западом к разоружению, универсальным ценностям и «новому мышлению» с расчетом на общее будущее. Как бы то ни было, они изменили жизнь миллионов людей, прежде всего – советских. Мои сверстники, наше поколение – несомненно, дети перестройки. Когда она началась, мы были уже взрослыми людьми, профессионалами, и в то же время

достаточно юными, чтобы попробовать себя в этой необычайной, быстро меняющейся действительности, в открывшемся нам новом потрясающем мире.

Катрина ванден Хювел (далее – **КвХ**). Начало 1980-х годов. Возможность быть вышвырнутым из страны [СССР] и даже арестованным за книги

Рисунок Марка Вайсборда

была вполне себе реальной. Поэтому Антон Антонов-Овсеенко, будущий основатель Музея ГУЛАГа, отец которого в 1917 году штурмовал Зимний дворец, а позже погиб в сталинских чистках, не раз говорил Стиву: «Никогда не оставляй книги в гостинице». А потом КГБ наведалься в квартиру самого Антона, и там была Анна Михайловна, вдова Бухарина, и были все эти рукописи, напечатанные на машинке, в том числе «Портрет тирана» Антона. Итог: Стиву несколько лет не давали визу. Отчасти из-за рукописей, которые Стив вывозил на Запад, – сегодня это кажется такой ерундой. А отчасти из-за страха, который вызывали у партийных аппаратчиков связи Стива с семьей Бухарина и его самиздатовская книга – книга, в которой он рассказал о той части истории, о которой умалчивала официальная советская история. Я помню, как мы сидели в кабинете директора Института США и Канады Георгия Арбатова, и он напрямую предупредил Стива: «Не играй с этим».

https://b.backbook.me/file/2019/07/31/9c/preview_rect_3d181f99co.jpg

То, что история вызывала тогда такой страх и беспок ойство, делает прорыв к перестройке и особенно к гласности еще более выдающимся. Сегодня мы думаем, что перемены произошли быстро, но они заняли время. Буквально каждый день происходило какое-то новое открытие, расширение границ возможного – и это вызывало горячий отклик и стремление идти дальше по пути этих открытий гласности у вас в стране и восхищало меня как американского журналиста. Обычно это было что-то из истории, из закрытых прежде архивов, то, что заставляло людей по-другому взглянуть на собственное прошлое.

Моя страна тогда «рейганизировалась», у нас было ощущение, что мы катимся назад от тех цивилизационных достижений, которых добились в XX веке.

А в России я чувствовала, как страна открывается, день за днем.

Люди перед газетным киоском в Москве, 1980-е гг. Фото Л. Бергольцева, Московский архив

НА. Люди устали от застоя, им до смерти надоели эти старики у власти: Брежнев, Андропов, Черненко, – умирающие один за другим. Люди ждали чего-то нового, хотя и без особой надежды.

В первые дни и даже недели после назначения Горбачёва генеральным секретарем ЦК КПСС – особого энтузиазма не было. От него, типичного представителя номенклатуры, в восприятии людей, – никто ничего особого не ждал.

Однако гласность была встречена с одобрением. Многие хотели обновления общества, все без исключения, я это хорошо помню. И интеллигенция, и самые обычные люди. Я тогда жила на даче в Купавне и часто ездила на электричке по направлению вполне литературному – Москва – Петушки. На заводы в Карачарово и Серп и Молот ехали из области рабочие, обычно по пути туда пили пиво,

а на обратном пути водку. Я видела, как работяги забыли и про водку, и про пиво. В электричке они обсуждали последние статьи из «Огонька», «Московских новостей», «Нового мира». Обсуждали Солженицына, архивные находки – словом, всё. Это было важно.

КвХ. Мне нравилось видеть, как зимой, на заснеженных улицах, люди останавливались, иногда даже выстраивались в очередь у газетных стендов, чтобы прочесть свежий номер. У «Московских новостей» был такой стенд на Пушкинской площади, рядом с редакцией.

НА. Стояли в очереди, как за самым дефицитным товаром, чтобы почитать. Газетам доверяли, считали, что правда может изменить жизнь к лучшему. На самом деле люди еще до перестройки верили, что журналисты могут добиваться справедливости лучше и надежнее чем все советские институты вместе взятые. А еще русские – мастера читать между строк. Это старая традиция. Даже в условиях тотальной цензуры эзопов язык, мастерство ассоциаций и точность деталей помогали журналистам донести свою мысль до читателя.

Журналистам и до перестройки удавалось помогать людям, попавшим в беду, и даже восстанавливать справедливость. И прессе доверяли больше, чем партии, правительству или советским судам. Люди писали письма в редакцию, приходили лично, порой добираясь туда по многу дней. И во многих редакциях, таких как «Литературная газета», «Комсомольская правда», работали те, кого называли «шестидесятниками», кого вдохновили «хрущевская оттепель», XX съезд партии, десталинизация. Многие журналисты, публицисты и главные редакторы разделяли запущенные «оттепелью» идеи демократизации, реформы и открытости. Таковы были и мои учителя.

Нина Андреева со студентами, 1989 г.

КвХ. Помню бурные баталии в прессе. Что я ценю в европейской и российской прессе и чего нет в американской – это то, что у вас можно спросить: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты». В моей стране принято делать вид, что газеты пишут о событиях объективно. Взять «The New York Times» – там в новостных колонках нельзя выражать личное и вообще никакое мнение. Но эта традиция разрушается. Что касается дебатов – как тут не вспомнить опубликованное в 1987 году в «Советской России» письмо Нины Андреевой.

НА. Да, оно продемонстрировало наличие реальной политической борьбы в обществе – между либералами и «традиционалистами» – борьбы, вспышки которой обостряются и затихают в России на протяжении веков. Голосом Нины Андреевой говорила тогда старая советская

партийная номенклатура, люди, которые не хотели обновления, не желали поворачиваться лицом в Запад и вообще к миру. Эта борьба распространилась тогда на все сферы общества, ее отголоски были слышны во многих семьях. Критики писали о «гражданской войне» в литературе между двумя способами мышления и политического развития. Между прочим, сегодня мы наблюдаем нечто похожее.

А как американские медиа писали о Советском Союзе после прихода к власти Горбачёва? Понимал ли кто-то, что наступают перемены? Или продолжали следовать канонам и стереотипам, сформировавшимся за десятилетия идеологического противостояния?

КвХ. Понадобилось время, чтобы понять. Разные СМИ писали по-разному, качественные, элитарные, таблоиды, несколько гибридных, сочетающие признаки тех и других... Разные медиа, разные аудитории.

Ты спрашиваешь, что люди думали? Те, кто изучал Россию, в смысле, такие, как мой покойный муж Стивен Коэн, считали его появление оправданным. Реформатор, который появился из недр системы, которую многие считали неререформируемой. А люди типа Александра Хейга, госсекретаря при Рейгане, называли Горбачёва «Сталиным в ботинках от Гуччи». Это было в 1986 году. И внутри истеблишмента шли споры, принимать ли Горбачёва за чистую монету или он водит нас за нос. Люди, которые всю жизнь видели в Советском Союзе врага, просто не способны были принять перемены.

Но на рубеже 1988–1989 годов что-то начало меняться. В ноябре 1989 года Кондолиза Райс, в ту пору молодая помощница президента по делам национальной безопасности, пригласила двух специалистов по России на президентскую «дачу» в Кэмп-Дэвиде для встречи с президентом Бушем. Этими специалистами были гарвардский

Джордж Буш и Михаил Горбачёв в Кэмп-Дэвиде

профессор, сторонник жесткой линии и неоконсерватор Ричард Пайпс и Стив. Они были давними оппонентами и не раз схлестывались в публичных дебатах на радио и на телевидении.

Помню, Стив тогда, повесив трубку, обернулся ко мне и сказал: «Что-то меняется». А потом добавил: «Но это 9 утра, слишком рано для меня». А я ответила: «Ты поедешь».

И вот Стив поехал в Кэмп-Дэвид, где два ученых провели несколько раундов дебатов по поводу того, какую позицию по отношению к Горбачёву должен занять президент Буш на предстоящем саммите на Мальте, причем то, что Буш отнесется к Горбачёву серьезно, было, скорее всего, уже решено. Там собрался весь штаб: Кондолиза Райс, Джон Сунуну, Роберт Гейтс – и Стив. Стив потом сказал мне, что понял, что «победил», когда Буш пригласил

сил его сесть рядом с ним на ланче и сказал присутствующим: «Стив – мой россияевед».

Когда в 1987 году Горбачёв приехал в Вашингтон, он устроил прием в советском посольстве для представителей американской «прогрессивной интеллигенции». Там были Джесси Джексон, Джейн Фонда, Пол Ньюман, Стив. Меня не пригласили. Именно там Стив впервые встретился с Горбачёвым. Когда Стив пришел, уже через несколько минут к нему подошел помощник Горбачёва и сказал, что генеральный секретарь хочет поговорить с ним. И вот подходит Михаил Сергеевич и спрашивает Стива – решив, видимо, что автор книги «Бухарин и большевистская революция» должен быть маститым ученым «солидного» возраста: «Это правда вы написали или это был ваш отец? Где ваш отец?» Он не подумал, что такой молодой ученый может написать важную и серьезную книгу. Мне это нравится: «Где ваш отец?» Стив был так счастлив.

И с этого, как ты знаешь, начались их отношения – профессиональные и личные, отношения Стива с человеком, которого он глубоко уважал, – с фигурой исторического масштаба. Знаешь, многие ругают Стива за перестройку, но Стив считал, что предсказал возможность появления кого-то, кто открыл дверь для демократии. И эта дверь очень быстро закрылась, к сожалению.

У Горбачёва было всего шесть лет.

НА. Шесть лет, но какие это были годы!

Ему удалось многое сделать. Он начал ядерное разоружение и конверсию военно-промышленной сферы. И он дал нам свободу. Не все это помнят, но это сделал не Ельцин, а именно он. Гласность была грандиозным явлением. Не существовало адекватного языка, не было опыта – для нас, журналистов и всех пишущих, в первую очередь. И мы всю кинулись это набирать, развивать, экспериментировать... Фантастическим примером был «Огонек»

С Евгением Евтушенко

Виталия Коротича. Кстати, тогда у нас в редакции гуляла шутка насчет того, кого арестуют следующим после Коротича. Это все еще был СССР, еще существовал ЦК с его идеологическим отделом и цензурой. Но наш главред, так же как Егор Яковлев в «Московских новостях» и Александр Чаковский в «Литературной газете», не боялся брать на себя ответственность за новые прорывные публикации – прежде всего о сталинском времени, ГУЛАГе, репрессиях и альтернативных путях развития России. Идея поиска альтернатив внутри социалистического строя была очень актуальной в первые годы перестройки.

И очень важную роль в переосмыслении советского прошлого, без сомнения, сыграли биография Бухарина и другие публикации Стива. Публикация в «Огоньке» последнего письма Бухарина, сохраненного в памяти его

вдовой, стала бомбой. К нам приходили десятки тысяч писем от людей, которые признавались, что ждали этого момента всю жизнь...

Расскажи мне про Стива и его историю с Бухариным. Я знаю, что для вас это стало частью семейной истории. Ты не просто сопровождала Стива, ты записывала на пленку рассказы выживших жертв ГУЛАГа и их родственников, систематизировала материалы, принимала самое активное участие в этой уникальной работе. Как случилось, что Стив как исследователь решил посвятить время и внимание написанию книги о Бухарине?

КВХ. Стива всегда интересовали альтернативы. Возможно, частично это связано с детством, которое он провел на американском Юге, где своими глазами видел последствия расизма, жестокие последствия, и он пришел к убеждению, что была альтернатива расизму и тогда, и потом. А потом – долгие разговоры с Робертом Конквестом, с которым они были большими друзьями (и остались большими друзьями до самой смерти Боба), и Стив приносил ему все эти материалы, и они обсуждали новые публикации про ГУЛАГ.

У Стива был великий наставник – Роберт Такер, профессор Индианского университета. Они как-то разговаривали о будущих планах Стива, и Стив сказал, что ему интересна тема альтернатив, и, когда он упомянул Бухарина, Такер сказал, что это была бы важная тема, никто ею пока серьезно не занимался. И Конквест потом подержал.

Стив, кстати, как-то был у Э.Х. Карра, одного из ведущих специалистов по истории Советского Союза, и тот ему сказал: «Зачем вы, молодой человек, тратите свое время на Бухарина?» Но книга Стива – это не просто биография Бухарина, это биография альтернативной истории.

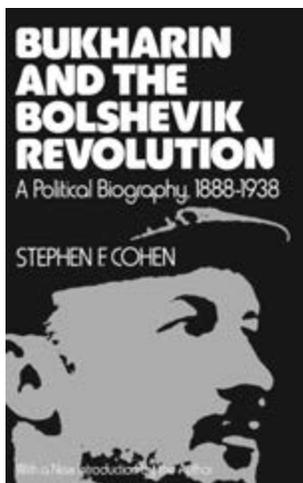

В московской квартире Анны Лариной и Николая Бухарина. 1989 г.

НА. И ее публикация – в смысле, сначала подпольное хождение «тамиздаговских» копий, а потом и официальное издание в «Прогрессе» тиражом 250 тысяч экземпляров – это был знак эпохи.

КвХ. И знак гласности. Я вспоминаю Александра Авеличева, возглавлявшего тогда издательство «Прогресс», потом он попал в опалу. Но реальное руководство «Прогрессом» было у Александра Яковлева, члена Политбюро и полпреда.

Позднее, в 1990-е годы, Стив хотел сделать новое, отредактированное и дополненное, издание своей книги,

поскольку, когда он ее писал в начале 1970-х, он еще не был знаком с семьей Бухарина. Эта работа еще ждет своего часа, когда-нибудь кто-то с правильным подходом и доступом к архивным материалам сможет сделать это. А у нас по этому поводу все время были споры, потому что Стив хотел «распотрошить» книгу, все переписать, а я говорила: «Я думаю, тебе нужно написать 50-страничное предисловие или послесловие». Я считала, что оригинал уже стал классикой, а переписывать классику очень трудно.

Но, так или иначе, с Бухаринными мы жили. Они фактически стали нашей семьей в Москве.

Мать Стива умерла в 1978 году, так что Анна Михайловна Ларина, вдова Бухарина, стала его мамой, а сын Анны Михайловны Юрий – его братом. Родными стали дочь Анны Михайловны Надя, вся семья. Когда мы приезжали в Москву, а мы приезжали два-три раза в год и жили по несколько месяцев, мы сразу ехали к Бухаринным, оставались у них, по дороге покупали продукты. И потом виделись с ними все то время, что были в Москве. Потом Юрий заболел, ты знаешь, у него была опухоль мозга. У Анны Михайловны мы познакомились с Валерием Писигиным, молодым бухаринистом из Набережных Челнов, который потом очень сблизился со Стивом. Он написал две замечательные книги о деревне – в традициях лучшей деревенской прозы. Они были о русских женщинах, живущих в небольших городах, о том, как они «держат на своих плечах небо». Потом он занялся изучением блюза и американской фолк-музыки, и я познакомила его с Питом Сигером.

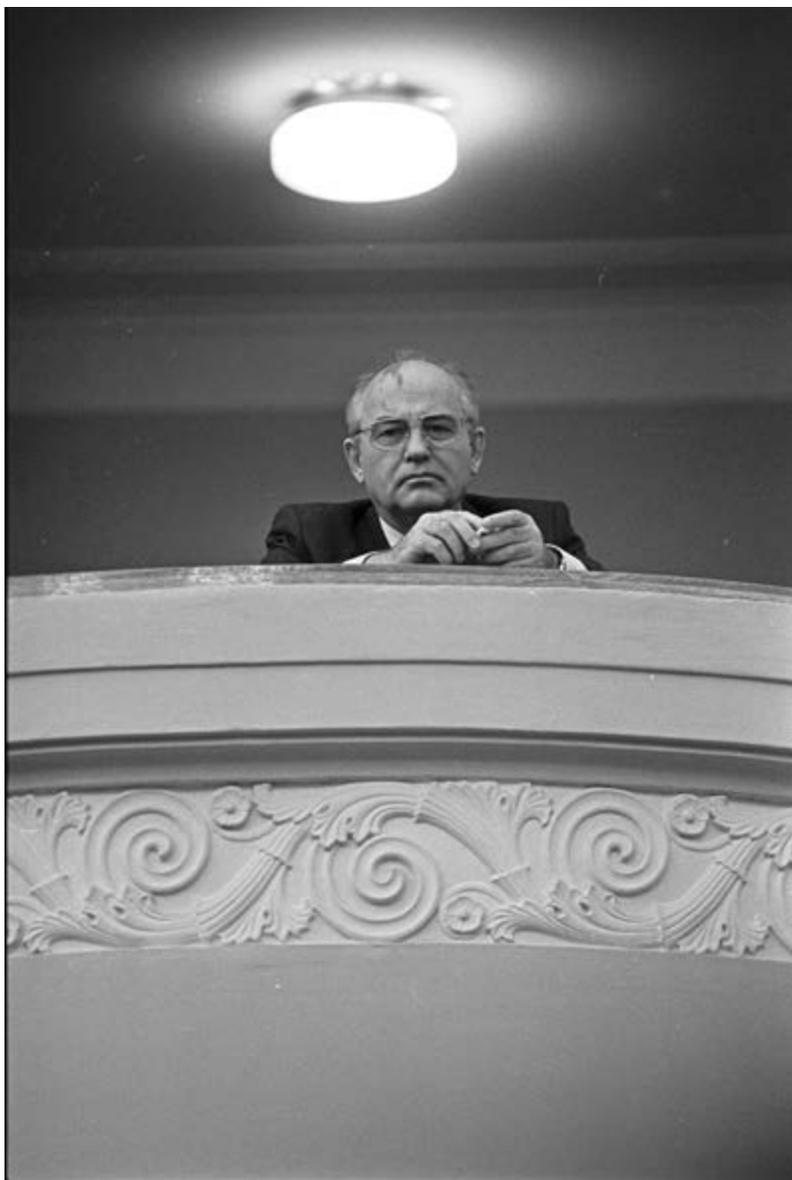

Из архива Горбачёв-Фонда

В 1990-е Анна Михайловна побывала в Колумбийском университете, участвовала в совместном шоу Владимира Познера и Фила Донахью – оно тогда еще на пленку записывалось, – ездила в Италию, потому что там снимался фильм о Бухарине, и путешествовала по Европе. Это было так приятно видеть, потому что она стала звездой.

НА. Да, люди тогда узнали и о ней, и о Бухарине, и обо всей этой, прежде не известной, части истории.

КВХ. Думаю, это важно. Несколько лет назад мы со Стивом были на Кубе, и Стив встречался там с бывшим министром финансов. Конечно, Куба – маленькая страна,

*Михаил Горбачёв. Съезд народных депутатов. 1990 г.
Фото Юрия Феклистова*

но они пытаются осуществлять там версию НЭПа, новой экономической политики. Они разрешают открывать частные кафе, отели, мастерские по ремонту обуви, сохраняя при этом командные высоты, железные дороги, коммунальные службы в руках государства. Но это же альтернативная модель! Стив всегда говорил, что у коммунизма столько же разновидностей, сколько и у демократии. А знаешь что? Горбачёв в конце своей карьеры был социал-демократом.

НА. Да, в конце он к этому пришел. Многие, кстати, пришли к социал-демократическим идеям в конце 1980-х годов. И особенно после. Мне кажется, что люди долгое время не понимали, что социал-демократия была реальным вариантом развития... Все были настолько очарованы неолиберальными идеями и глянцевыми картинками мира, который никогда не существовал...

КвХ. Горбачёв был социал-демократом, и если учесть, что в СССР была только одна партия, в ней могли бы быть различные фракции. И они были: консерватор Егор Лигачев, социал-демократ и реформатор Михаил Горбачёв, и была еще Российская коммунистическая партия Геннадия Зюганова...

А что такое коммунисты, я имею в виду русский коммунизм, сегодня? Зайдите в офис Зюганова – вы увидите там иконы, Гагарина, Великую Отечественную войну и портреты Сталина!

Катрина ванден Хювел

Вот чему лидеры, сталкивающиеся с глобальными кризисами, могут поучиться у Михаила Горбачёва

Сегодня нам настоятельно необходимо переосмыслить само понятие безопасности», – написал год назад, всего через месяц после того, как пандемия COVID-19 поставила жизнь на паузу, бывший советский президент Михаил Горбачёв. Нужно демилитаризовать это понятие, сделать безусловным приоритетом не военную безопасность, а «безопасность человека»: «обеспечение людей продовольствием, водой, здоровой окружающей средой и забота о здоровье людей».

Горбачёв, которому 2 марта исполняется 90 лет, был, возможно, самым радикальным мыслителем в области безопасности, когда-либо возглавлявшим крупную мировую державу, – и уж точно самым радикальным из лидеров ядерных держав. Будучи главой Советского Союза, он развернул вспять опасную многолетнюю политику наращивания вооружений и демократизировал страну, что помогло завершить холодную войну и принесло ему Нобелевскую премию мира. Оставив свой пост, Горбачёв не прекратил настаивать на необходимости нового мышления в сфере безопасности, и недавние события подтвердили его прозорливость. Перед лицом нарастающих глобальных кризисов сегодняшние лидеры должны с особым вниманием отнестись к трем урокам, которые Горбачёв извлек и которым не устает учить других уже три десятилетия.

Первый из них состоит в том, что милитаризация не делает нас безопаснее. Будучи советским лидером, Горбачёв

В Горбачёв-Фонде. 1992 г.

своими глазами видел, как она часто ведет, напротив, к эскалации насилия, подталкивая и другие страны наращивать свою военную мощь. Эти дорогостоящие инвестиции отбирают бюджеты у таких базовых сфер, как здравоохранение и образование, развитие которых как раз помогло бы усилить безопасность человека.

Горбачёв, один из наиболее последовательных приверженцев сокращения вооружений на посту лидера ядерной страны, в 1980-х годах совершил революционный прорыв, призвав к полному запрету ядерного оружия. Благодаря во многом его усилиям, к 2015 году 85 % американских и российских ядерных арсеналов (от уровня периода холодной войны) были выведены из эксплуатации.

Однако его видение демилитаризации остается не только не до конца реализованным, но и подвергается се-

годня растущей угрозе. Ввиду того что срок действия ключевых договоров о вооружениях истек или истекает, некоторые страны, включая США, Россию и Китай, вместо продления этих договоров, принялись модернизировать свои арсеналы. Соединенные Штаты, например, планируют заказать 600 новых ракет дальнего радиуса действия, каждая из которых в 20 раз мощнее бомбы, сброшенной на Хиросиму. Цена? 100 миллиардов долларов. 100 миллиардов, которые, как подсчитала Элизабет Ивз из «Бюллетеня ученых-атомщиков», могли бы «пойти на оплату годового жалованья 1,24 миллиона учителей начальных школ, или обеспечить 2,84 миллиона четырехлетних университетских стипендий или покрыть госпитализацию 3,3 миллиона больных ковидом». Мы обречем куда большую безопасность, инвестируя в здоровье и благосостояние нашей цивилизации, чем в покупку 600 новых способов уничтожить ее.

Второй жизненно важный урок Горбачёва заключается в том, что безопасность начинается с сотрудничества – даже тогда, когда такое сотрудничество кажется невозможным. Известно, что президент Рейган назвал Советский Союз «империей зла». Эта изначальная позиция могла бы отвлечь многих на стороне Горбачёва даже от попыток начать диалог. Но, как не уставал публично повторять Горбачёв, и я сама часто слышала это от него, «если мы не будем пытаться делать то, что кажется невозможным, мы рискуем столкнуться с невыносимым». Поэтому он продолжал настаивать – и в конце концов оба лидера пришли к общему выводу, что в холодной войне не может быть победителей. Как говорил Горбачёв, «мы выиграли только с окончанием холодной войны. Казавшееся невероятным партнерство с Рейганом сделало весь мир безопаснее».

Разумеется, такое сотрудничество еще более важно сегодня, когда «невыносимое» стало подразумевать не имею-

щие границ болезни и несущий угрозу всей планете кризис состояния окружающей среды. То, что администрация Байдена возобновила членство в ВОЗ и в Парижском соглашении по климату, а также готова вернуться к соблюдению ядерной сделки с Ираном, является шагами в правильном направлении.

И, наконец, Горбачёв напоминает нам, что одним из лучших способов сохранения национальной безопасности является поддержание и развитие демократических институтов в стране. Своим примером Горбачёв показал, что даже лидеры, вышедшие из авторитарных систем, могут осуществлять важнейшие реформы, направленные на развитие демократии. Придя к власти в 1985 году, Горбачёв учредил президентские и парламентские выборы, которые были и остаются самыми свободными и справедливыми в истории России. Ставшая его фирменным знаком политика гласности – или открытости – отменила семь десятилетий государственной цензуры. Он даже лично инвестировал в независимую журналистику, передав часть своей Нобелевской премии «Новой газете»^{*} – ведущему органу демократической оппозиции в стране, которая продолжает вести и публиковать важные журналистские расследования.

Но и здесь урок Горбачёва остается трагически невыученным. Пришедшие ему на смену российские лидеры, в том числе Борис Ельцин, который в 1993 году танками разогнал самый свободно избранный в истории России парламент, свели на нет многие его реформы. Антидемократические и авторитарные тенденции нарастают в последние годы по всему миру, в том числе в США.

Прошло 30 лет, с тех пор как Горбачёв оставил власть. Но его фундаментальная провидческая установка на то, что

^{*} В 2022 г. решением суда лишена лицензии средства массовой информации. – *Ред.*

Первое рукопожатие Дональда Рейгана и Михаила Горбачёва. Женева, 1985 г. Фото Юрия Абрамочкина

подлинная безопасность достигается посредством демилитаризации, кооперации и демократизации, особенно актуальна сегодня, когда угрозы нашей безопасности сыплются со всех сторон. Понимание этой новой ситуации в сфере безопасности – это не идеализм. Это реализм.

Опубликовано: The Washington Post, 23 февраля 2021 г.

Надежда Ажгихина

Тринадцать дней, которые изменили мир

35 лет назад в Москве состоялся Съезд народных депутатов СССР.

В июне 1989 года перестройка в СССР стала необратимой. Это показал Первый Съезд народных депутатов Верховного Совета СССР.

В июне 1988 г. на XIX партийной конференции Михаил Горбачёв объявил курс на политическую реформу. В книге «Понять перестройку...», вышедшей в 2006 г., он писал: «Если попытаться охарактеризовать смысл политической реформы, то можно сказать, что это передача власти из рук монополюльно владевшей ею коммунистической партии в руки тех, кому она должна принадлежать по Конституции – Советам... Это была дьявольски сложная политическая операция, можно сказать – “со смертельным исходом” для партийной номенклатуры...». Горбачёв решился на небывалое: реальные, а не формальные, как прежде, выборы парламента. Впервые советские люди могли выбирать из нескольких кандидатов, и выдвигать кандидатов могли не только партийные организации, колхозы и профсоюзы, но и творческие организации, Академия наук, а также коллективы в самых разных городах огромной страны. Люди впервые почувствовали, что их голос имеет значение. Во всех республиках, больших и малых городах развернулась энергичная кампания за выборы кандидатов в народные депутаты, настоящая борьба между старой партийной номенклатурой и новыми людьми, людьми Горбачёвской перестройки.

Народный депутат Юрий Щекочихин в Кремлевском дворце съездов. 1990 г. Фото Владимира Богданова

Я видела это совсем близко

Мой муж, журналист-расследователь Юрий Щекочихин, впервые написавший о существовании мафии и организованной преступности в СССР в «Литературной газете», был выдвинут кандидатом в народные депутаты молодыми инженерами Завода имени Ленина в украинском Ворошиловграде в противовес партийному лидеру региона. Он никогда не был раньше в этом городе. Его кампания объединила самых разных людей, молодых и старых, профессоров, студентов и рабочих – всех, кто хотел перемен. Тогда они победили, Юрий стал народным депутатом. И два последующих года вместе со своими сторонниками стремился выполнить наказы избирателей, успел вернуть городу историческое имя Луганск, добиться реабилитации жертв сталинских репрессий, помочь конкретным людям...

Заседание Межрегиональной группы народных депутатов. 1989 г.

И работал в демократической Межрегиональной депутатской группе, вместе с Андреем Сахаровым.

Среди новых депутатов Первого съезда оказались многие известные писатели и журналисты, ученые, некоторые из них впоследствии стали публичными политиками – белорусский писатель Алесь Адамович, главный редактор «Огонька» Виталий Коротич, главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев, историк Юрий Афанасьев, будущий мэр Москвы Гавриил Попов, лидер литовского «Саюдиса» Витаутас Ландсбергис, будущий лидер Белоруссии Станислав Шушкевич, Галина Старовойтова, Анатолий Собчак, поэты Евгений Евтушенко, Олжас Сулей-

менов, Давид Кугультинов, прозаики Григорий Бакланов, Валентин Распутин... Лауреат Нобелевской премии мира Андрей Сахаров, недавно вернувшийся из горьковской ссылки, стал лидером демократического меньшинства (из 2225 депутатов большинство, 1958 человек, представляли КПСС). Острая дискуссия между Горбачёвым и Сахаровым, резко критиковавшим советскую политическую систему – один из важнейших сюжетов съезда. За их полемикой следила вся страна, прикинув к экранам телевизоров и к портативным радиоприемникам. Заседания транслировались в прямом эфире – также впервые. И миллионы советских людей старались не пропустить ничего из дискуссии, все тринадцать дней. Люди носили с собой радиоприемники повсюду – их слушали на работе, в транспорте, за рулем автомобиля. Вокруг телевизоров в магазинах, парикмахерских, гостиничных коридорах собирались группы людей, вся страна следила за тем, как идет обсуждение прошлого, о котором еще недавно боялись вслух говорить, нашего настоящего и будущего... Люди писали и звонили своим депутатам, просили сказать о важном. И обсуждали с близкими и коллегами происходящее, нередко до утра, стараясь понять, дать точное название происходящему, определить свою собственную позицию...

Необычным на форуме было всё.

В начале Съезда впервые был предложен альтернативный кандидат на место председателя Съезда: депутат Александр Оболенский выдвинул свою кандидатуру против Горбачёва – в знак того, что с практикой безальтернативных выборов должно быть покончено. Депутат Алексей Казанник отдал свой мандат Борису Ельцину. Дискуссия между Борисом Ельциным и «партийным ортодоксом» Егором Лигачевым, предложения нового Союзного договора, обсуждение прошлого, изменения в Конституции – основные темы дискуссий. Борьба старого и нового в каждой из них накалена до предела.

Борис Ельцин и Алексей Казанник

Съезд принял Постановление Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР и Послание народам мира, в них подтверждалась приверженность курса на последовательную демократизацию внутренней жизни страны, приверженность открытому международному диалогу вместо конфронтации, звучал призыв к отказу от ядерного оружия.

В последний день съезда демократическое меньшинство создало Межрегиональную депутатскую группу (сопредседатели Андрей Сахаров, Борис Ельцин, Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, Виктор Пальм), которая выступала за радикальное реформирование экономической и политической системы страны. Именно МДГ, в острой борьбе, за время работы последующих Съездов в 1989–1991

The Nation.

June 13, 1987 \$1.25; U.K. £1

GORBACHEV'S SOVIET UNION

годах добилась принятия ряда важнейших решений, в том числе – об отмене знаменитой статьи 6 Конституции СССР, утверждающей руководящую роль КПСС в жизни страны, об осуждении пакта Молотова – Риббентропа, об отмене цензуры и о свободе печати, гражданских правах и многие другие, которые определили будущий вектор развития страны. Пять Съездов народных депутатов с 1989 по 1991 год сумели заложить основы демократического политического устройства и, что не менее важно, основы демократического самосознания. Осенью 1991 года Съезд принял решение о самороспуске.

Депутаты многое не успели. Партийная номенклатура, бюрократия, которая сопротивлялась обновлению в годы перестройки, в эпоху рынка трансформировалась и укрепила свои позиции. И продолжает их укреплять.

Тем важнее вспомнить об опыте первого Съезда народных депутатов, опыте всенародного стремления к переменам, опыта надежды, и первых шагов свободы и гражданской солидарности. Стремления к диалогу с людьми разных стран, свободному от противостояния. И такой диалог начался! Те, кто его помнит, верят, что он еще возродится.

«Тринадцать дней, которые изменили мир» – так охарактеризовали Первый Съезд народных депутатов участники конференции в Горбачёв-Фонде, на которой выступали историки, эксперты, и участники этого исторического события, которое Андрей Сахаров называл революционным. С этим трудно не согласиться.

Как и со словами воззвания к людям разных стран, выпущенного в июне 1989 года:

«Мы обращаемся к народам мира, к мировому общественному мнению с призывом всемерно развивать обмен идеями и людьми, культурными и духовными ценностями, контакты, диалог на всех уровнях и во всех сферах, совместно искать и находить взаимоприемлемые компро-

миссы ради сохранения мира на земле, ради процветания и прогресса всего человечества».

Тогда все верили, что холодная война и гонка вооружений уйдут в прошлое навсегда. И не только в России.

35 лет назад перестройка, самая мирная русская революция, обрела законодательные рамки и вовлекла миллионы людей СССР в практику непосредственного политического участия, не как безликую массу, но как сумму индивидуальностей, имеющих голос и достоинство. Первый Съезд народных депутатов положил начало новому развитию российской государственности, развитию всего общества. Он вошел в коллективную память. Об этом говорили активисты «Яблока», обсуждая подготовку к муниципальным выборам осенью. О том, что политику меняют люди и их воля к переменам.

Опубликовано: The Nation, сентябрь 2024 г.

Екатерина Бауман. Новый год в СССР

Рождество в США. <https://ru.pinterest.com/pin/174021973073286658/>

II

Семья, детство. Холодная война

НА. Давай начнем с самого начала. С нашей первой встречи. В журнале «Огонек», мне кажется? Я там работала в отделе литературы. «Огонек» был символом перестройки и гласности – еженедельный богато иллюстрированный журнал, и ты, кстати, не только Стив, тоже там публиковалась...

КвХ. Это было в 1989 году. Ты работала в «Огоньке», а я – в «Московских новостях», три месяца. Какое было время! Мы тогда организовали в «Московских новостях» открытое обсуждение, что-то о женщинах и феминизме. «Огонек» и «Московские новости» были, наверное, самыми главными в прессе гласности.

НА. Еще «Литературная газета». Эти три издания были на переднем крае.

Да, удивительное время! Мы с тобой оказались в самом центре того фантастического, бьющего энергией потока событий в Горбачёвской Москве... Нам еще нет тридцати... Мир меняется на наших глазах, и мы принимаем участие в этом невероятном процессе...

Мне кажется, один из важнейших моментов завершения холодной войны – возможность людей по обе стороны бывшего противостояния увидеть друг друга вблизи. Возможность услышать друг друга. Все было интересно! Сколько было встреч, дискуссий, обсуждений, как люди хотели узнать, понять, попытаться что-то важное сделать вместе... Кстати, тогда я не помню, чтобы говорили о том, что «СССР проиграл холодную войну», тогда мы все верили, что вместе будем строить новую жизнь без агрессии и вражды...

И мы узнавали друг друга, подчас с удивлением обнаруживая различия и сходство в своем опыте, опыте своих семей... Расскажи о своей семье. Твой дед – легенда Голливуда, кстати, с российскими корнями. Отец – дипломат, внесший вклад в международную политику разрядки. Твой интерес к России – от них?

КвХ. Семья моего деда с маминой стороны – его звали Юлиус Цезарь Штейн – перебралась в США из Кальварии, это недалеко от Вильнюса, и несколько поколений его предков были раввинами. Он родился в Саут-Бенд, штат Индиана, как многие евреи, его родители в конце концов оказались в американской глубинке. Отец держал магазин, мать занималась семьей, у них было пятеро детей. Юлиус довольно рано покинул родительский дом, уехал в Чикаго и стал офтальмологом. Год учился в Вене, потом вернулся и работал в больнице округа Кук, а еще подрабатывал тем, что набирал группы музыкантов для выступлений в разных местах. Подработка со временем стала основным делом, он оставил офтальмологию и основал в Чикаго собственную компанию под названием «Музыкальная корпорация Америки» («Music Corporation of America», МСА). Они добились признания, подписывали контракты с крупнейшими оркестрами, с оркестром Бени Гудмана, Гая Ломбардо...

Катрина в Голливуде у звезды в честь деда Юлиуса Штейна

Катрина с матерью Джин Штейн, сестрой Венди и отцом Уильямом ванден Хювел в своей квартире в Нью-Йорке, 1994 г.

Моя мама родилась и выросла в Чикаго, потом жила с родителями в Лос-Анджелесе. Они были знакомы с семьей Уорнеров, мама общалась с Барбарой Уорнер... Мой дед много лет был тесно связан с кино и музыкой. После «MCA Music Corporation» он купил «Universal Studios». Так что моя мать росла в атмосфере музыки и кино. Несколько лет назад она написала об этом книгу «Западный рай» («West of Eden»). Эта атмосфера определила ее дальнейший путь, писательницы и издательницы. У них был очень красивый дом в Лос-Анджелесе с видом на город. Несколько лет назад его купил Руперт Мердок и перепродал своему сыну. Мы с сестрой, когда росли, часто там бывали, нас часто отправляли к бабушке и дедушке как бы «под присмотр». Но у нас там было и много друзей...

А мой отец родился в Рочестере, штат Нью-Йорк. Его отец работал на фабрике по переработке горчичного зерна, а мать содержала пансион для рабочих. Они оба практически не говорили по-английски. Они встретились в Рочестере в 1926 году. Моя бабушка приехала в США из Бельгии, жила в 10 милях от Ипра, места ожесточенных боев. Так что Первая мировая война – это был ее личный опыт, то, что она пережила: вся эта грязь, дюйм за дюймом, все то, что мы сейчас видим на Украине, и 700 тысяч погибших в битве при Ипре, – всё это она видела собственными глазами. В 1926 году она с двумя сыновьями оставила свой родной город Лиссевеге и переехала в США, в Рочестер, где встретила своего второго мужа. Мой отец вырос в пансионе для рабочих, там в доме на всех была одна ванная комната. Такой настоящий рабочий класс, и он подростком не раз вечером вытаскивал отца из бара, где тот напивался, потому что был реальным пропойцей. Так он жил до 16 лет. Мой отец был очень умным мальчиком, хорошо учился, и директор школы сказал однажды: «Ты должен поехать в хорошую школу в Долине смерти в Калифорнии». Это был частный колледж на 26 студентов, которые одновременно с учебой работали на ферме, он назывался «Дип-Спрингс». Два года почти без перерывов он проучился в «Дип-Спрингс», и это изменило его жизнь. Музыка, литература, латынь, потом еще два года в Корнелльском университете и два года в школе права. Он по-прежнему оставался близок к своей семье, но, ты знаешь, его родители не говорили по-английски. Он был классическим примером мальчика из бедной семьи, который пробился своим умом. Он выдвигался на выборах в Конгресс против республиканца Джона Линдси, проиграл, но в итоге очень сблизился с кланом Кеннеди. А еще он очень гордился тем, что принял участие в борьбе с сегрегацией в школах в округе Принца Эдварда в штате Вирджиния, провел там год, просто занимаясь объедине-

нием школ. Это было большое дело. У него было два наставника. Один – мой крестный Роджер Болдуин, который основал Американский союз гражданских свобод. Во время Первой мировой войны он выступил сознательным пацифистом, отказался идти на военную службу. Сел в тюрьму, чтобы не служить. Он написал замечательный манифест. Вторым наставником моего отца был Уильям Donovan, «Дикий Билл», самый прославленный американский герой Первой мировой войны, создавший УСС (Управление стратегических служб), которое потом превратилось в ЦРУ. Так что вот такое у него было смешанное влияние.

Что касается меня, то кроме Голливуда на меня в юности оказали влияние дебаты о социальных и гражданских правах, так называемые «коммунистические» слушания. Назвать кого-то коммунистом тогда в Америке значило принизить и даже демонизировать человека. Часто это были люди, которые выступали за права трудящихся, за гражданские права и свободы. Для многих эти обсуждения не были связаны с Россией, это было связано скорее с тем, что они увидели в Советском Союзе. Ты же знаешь, мы несколько лет были союзниками во Второй мировой войне, но потом и все это сотрудиничество в послевоенные годы вылилось в «маккартизм». Навешивали ярлыки, типа «советская марионетка», это постоянно звучало. Да, в США не отправляли в ГУЛАГ, но сажали в тюрьмы, и многие покидали страну из страха. Так что это была такая политическая травма, отголоски которой мы слышим и сегодня. И меня это поражает. Георгий Арбатов как-то сказал: «Вы не можете без врага, он вам нужен для самоутверждения»...

А что о твоей семье?

НА. Я родилась в Сибири, в городе Томске, в семье аспиранта и студентки.

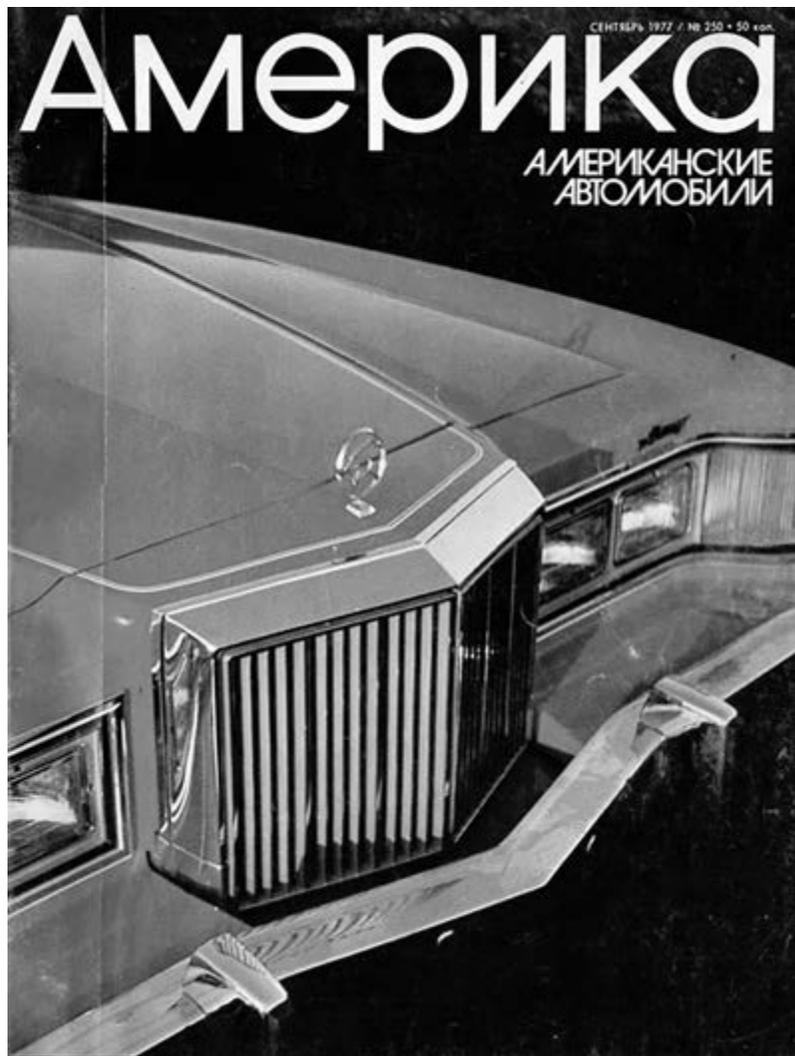
Надежда Ажгихина с родителями Ильей и Алиной, 1967 г.

Моя бабушка со стороны матери была родом из беднейшей рабочей семьи из Анжеро-Судженска в Кузбассе. Ее отец приехал в Сибирь из Архангельска работать шахтером. Во время Русско-японской войны он служил на флоте и довольно рано умер от пневмонии, оставив жену с восемью детьми. Жили они очень трудно, старший сын стал революционером. Моя бабушка была четвертой из восьми детей. Она была одной из первых юных пионеров, потом комсомолкой, а после института получила назначение на шахту – главным геологом. Думаю, она была первой в мире женщиной – главным геологом. Каждую неделю она спускалась под землю и проходила там километры, чтобы определить верное направление залегания угольных пластов. Это было опасно. Несколько раз впереди или позади нее случались обвалы породы. Она была начальником, но она не могла сменить работу, 25 лет она

проработала на одной шахте, а по выходным должна была читать лекции рабочим и не спать ночами, потому что Сталин часто не спал ночами... Двух ее детей воспитывали ссыльные женщины: немка-домработница и польская нянька, бывшая любовница Тухачевского и вдова расстрелянного генерала Петина, рассказывавшая, как они жили в Доме на набережной в Москве... Бабушка, на мой взгляд, была настоящей феминисткой, настоящим лидером. Дедушка был сыном управляющего горнорудной компании Михельсона в Кузбассе, так что бабушка спасла его, когда они познакомились, и потом спасала не раз...

О родных со стороны отца я знаю немного. Согласно семейной легенде, его дед был шведом, осевшим в России после Северной войны и женившимся на татарской девушке. Бабушка была родом с Украины. Однако все их документы сгорели, когда арестовали моего дядю, он позже умер в ГУЛАГе. Потом арестовали моего юного отца, он изучал медицину в тюремном госпитале под руководством опытного врача – австрийского коммуниста. Оба вышли на свободу после смерти Сталина. Отец поехал в Москву продолжать медицинское образование, мама и я поехали вместе с ним. Он стал профессором фармакологии, а мама работала в какой-то секретной космической лаборатории. Она ни разу не была за рубежом, а так мечтала поехать в Париж, собирала книги по французскому искусству, они до сих пор в моей домашней библиотеке. Мои отец и дед, сколько я себя помню, слушали «вражеские голоса» по радиоприемнику и все услышанное обсуждали, спорили. Я с детства помню имена Киссинджера, Кеннеди, Джонсона... Помню журнал «Америка» на русском языке. Было так интересно разглядывать фотографии Нью-Йорка, Чикаго, Детройта, читать статьи об американском образе жизни, искусстве, науке.

В моем детстве Америка сперва возникла в книгах: «Сказки дядюшки Римуса» о мистере Кролике и мистере

Журнал «Америка». 1977 г.

Лисе Джоэля Харриса, «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу, романы Фенимора Купера и Майн Рида... И конечно, Марк Твен, Джек Лондон, Эдгар Алан По. Теодор Драйзер, Скотт Фитцджеральд, Стейнбек, Хемингуэй и Фолкнер – все они стояли на книжных полках. Позже, в старшей школе, пришло время Курта Воннегута и Э. Доктору, Боба Дилана и Тони Моррисон. Мы читали все это в «Иностранной литературе», одном из самых популярных журналов советской эпохи. В СССР была очень сильна традиция литературного перевода, и советские люди могли читать тексты писателей разных стран в прекрасных переводах. Мой интерес не был чем-то исключительным. Многие интеллигентные семьи собирали переводную литературу, подписывались на книжные серии и не жалели на них денег. Чтение было редкой роскошью, доступной и разрешенной. Не забывай, что популярная культура в СССР не отличалась разнообразием, была скучной, ее строго контролировали, и у советских людей развилась привычка читать и обсуждать книги. Зарубежная литература была чем-то вроде виртуального путешествия, книги дарили нам возможность совершить фантастические приключения, показывали прошлое и жизнь за «железным занавесом». Разумеется, у нас было весьма сюрреалистическое представление о внешнем мире и об Америке в частности. И, конечно, советские дети и мечтать не могли поехать когда-нибудь в Америку. Такая возможность была только у дипломатов и высокопоставленных чиновников...

А что ты слышала о русских, о Советском Союзе? Ожидала ли ты, что часть твоей жизни будет связана с этим?

КвХ. Совершенно не ожидала. Я изучала американскую историю, это был мой научный интерес. Но кое-что я знала. Слышала о каких-то культурных столпах, таких, например, как Баланчин. Моя мать была знакома с Балан-

чиным, он ведь сформировал Барышникова, он задал тон культурному пространству Нью-Йорка. Мама была знакома с Франсин дю Плесси Грей и с ее матерью Татьяной Яковлевой, конечно. Мама всегда жалела, что не побывала в России... Она знала Евтушенко, любила Вознесенского. У нее была подруга Мария Бритнева (баронесса Сен-Жюст), которая жила в Лондоне и была близка к королевской семье. Мама всегда романтизировала Россию, для нее это была литература, это была «русская деревня». Она любила Чехова, любила силу слова, дух, отточенность. Дружила с Питером Бруком, знаменитым американским режиссером, жена которого, Наташа, была наполовину русская. У мамы на первом месте было чувство прекрасного, ее притягивали культурные вещи, политика ее не интересовала. Политикой интересовался отец.

НА. Он же принимал участие в разрядке, способствовал улучшению отношений СССР и США.

КвХ. Да, они оба были очень культурными, хорошо воспитанными людьми, их любили. Мама какое-то время была близка со Стравинским, его помощником Робертом Крафтом, то есть она чувствовала себя комфортно с культурными, интеллигентными русскими. И отец тоже. Как человек, близкий к Белому дому, он был вовлечен в разрешение Кубинского кризиса, пусть косвенно. Россия была ему небезразлична. Он несколько раз приезжал в Советский Союз. Помню, он приехал навестить нас в 1989 году и уже через час после приземления в аэропорту стоял на сцене Дома кино, потому что там был вечер памяти Хрущева. Там были Рой Медведев, Анна Михайловна, Стив и мой отец. Переводчики там были ужасные, поэтому Стив начал переводить, а папа только что с самолета, и он был счастлив, это было очень весело. Он был очень заинтересован в том, чтобы между Россией и США установились хорошие отно-

шения, чтобы были гарантии таких отношений, поэтому, как и Стив, он был одним из участников Американского комитета за американо-российское согласие.

Сегодня, как и Стив, он был бы в ужасе от происходящего. Последние годы жизни он хотел посвятить миру, он понимал всю важность отношений между нашими странами в годы Второй мировой войны и после нее, он стал большим поклонником Рузвельта...

Я рада, что решила пойти не просто в медиа, а в журнал «The Nation», потому что там совсем другая журналистика. Она больше про веру в публичную защиту прав и мнений, про то, чтобы быть честным. А еще это позволило мне поехать по разным местам. Я ездила в Западную Вирджинию работать над документальным фильмом о маккартизме. Это была тема моей диссертации. После окончания Принстона я записалась на летние языковые курсы с погружением в Колумбийском университете. Я очень старалась. Две недели проучилась в их Школе международных и общественных отношений и поняла, что это не для меня. Пошла поработать на телеканал ЭйБиСи – Документальное кино, и проект, который я делала, был частично основан на моей диссертации. Он назывался «Американская инквизиция». Программа о простых, обычных людях, учителях, в том числе и о том, как они попадали в лапы маккартистов. Эта тема меня бесконечно интересовала.

НА. Да, она интересовала и журнал, куда ты пришла работать. Главный редактор, твой предшественник, Виктор Наваски даже написал книгу об этом («Naming Names»). У меня до сих пор есть экземпляр, который он подарил мне во время моего первого визита в редакцию «The Nation» в 1991 году.

КВХ. Чудесная книга. Она не только о маккартизме, она о моральных принципах, о человеческой порядочно-

сти и о стукачестве. Я занималась проверкой фактов для издания в мягкой обложке. И, знаешь, «The Nation» ведь выгодно отличался от других изданий в те годы. Люди трусили, а Виктор и его предшественник на посту редактора, они были как благородные часовые, стоявшие на страже принципов. Но сегодня мы видим, как это снова возвращается, и, знаешь, это ведь необязательно связано с Россией, это касается и тех, кто выступает против войны в Ираке, и тех, кого называют «коммунистами».

Ты сказала однажды про Гражданскую войну. О том, что русскую революцию невозможно изучать в отрыве от Гражданской войны и милитаризации, и военного времени. И в отношении Америки это тоже так. Америка, британские войска, Гражданская война. Потом были другие, еще что-то, и сейчас тоже своего рода война, куда, ты знаешь, посылают оружие.

И подумать только: представляешь, еще несколько лет назад над Стивом смеялись, когда он приходил на телевидение и говорил: «Может быть война, мы можем оказаться в состоянии войны», – а в ответ: «Поиск сенсации, драматизация, преувеличение». А я запомнила его слова, и, знаешь, в России тоже его многие не понимали. Думали, что он перебарщивает, нагнетает.

Я хочу сказать одну вещь, можно сказать, покаяться. Мой дед с еще одним коллегой по МСА были в какой-то мере ответственны за появление президента Рейгана. Разумеется, Рейган четырежды был президентом Гильдии киноактеров, голосовал за Рузвельта. Но еще он появлялся на телевидении, и сотрудник компании деда помогал ему, Рейган появлялся еженедельно в сериале для компании «Дженерал Электрик», буквально входил в каждый дом, в каждую гостиную (как и Трамп), и это помогло ему баллотироваться и избраться сначала на пост губернатора, а потом и президента. А остаться тогда по-хорошему должен был Джимми Картер. Джимми Картер не был ве-

ликим президентом. Он был лучше всех живущим экс-президентом. Его проблема состояла в том, что Збигнев Бжезинский «угнал», похитил у него внешнюю политику. Ну, ты помнишь, доктрина Брежнева, Афганистан...

НА. Расскажи мне о своем первом впечатлении от русских людей и о России. То есть о Советском Союзе, конечно.

КвХ. Это было в 1978 году, я тогда встречалась с одним очень хорошим человеком, его родители хотели увидеть Россию. И мы поехали в тур, который организуют для выпускников Принстона, кроме нас в группе было еще 15 человек. Более чем странная поездка. Мы полетели в Ленинград. Стоял конец ноября, неделя Дня благодарения, и я помню, что я все время теряла ориентацию: «Где мы?» Город был серый и некрасивый. Мы жили в отеле, что-то классическое типа «Интуриста», то есть в самом лучшем в городе, где не было еды и всё было серое.

Помню, я смотрела утром в окно, мне не спалось из-за разницы во времени, и видела людей, которые ждали автобус на остановке, и они были одеты в серое... Потом мы сели в автобус и поехали в Тверь.

НА. Тогда это был Калинин.

КвХ. Да, в Калинин. И оттуда поехали в Москву. Москва не показалась мне красивым городом, но это был державный город, огромный, мощный. Остановились мы, по моему, в «Интуристе».

НА. Его больше нет...

КвХ. Да, «Интурист» снесли. Когда в 1989 году приезжал мой отец, он тоже останавливался в «Интуристе», и там внизу в фойе были проститутки, которых можно было

С отцом у Спасо-Хауса. Москва, 1989 г.

вызывать. Мы ходили по туристическим местам. Собственно, благодаря поездке в Россию я и познакомилась со Стивом, потому что он думал, что у меня есть дипломатический паспорт.

НА. Это из-за того, что твой отец работал в ООН?

КвХ. Он работал в подразделении ООН в Женеве, потом в Нью-Йорке. Организовывал президентскую кампанию Джими Картера, и Стив подумал, что у меня должен быть дипломатический паспорт, которого у меня на самом деле не было. Но он настоял, чтобы я позвонила корреспонденту «The New York Times», Дэвиду Шипплеру, и спросила, есть ли что-нибудь, что я должна взять. Но тот не стал говорить со мной. Я его не виню. Знаешь, это был 1978 год, и такой звонок. Я встретила в Ленинграде с тетей одного аспиранта Стива. Так или иначе, никаких контактов ни кем у меня в той поездке не завязалось. Я вернулась в Принстон, и Стив пригласил меня на ужин, а потом, знаешь, одно за другим... В общем, это была судьба, как Стив всегда говорил...

НА. И в следующий раз ты приехала уже со Стивом?

КвХ. Тогда о сексуальных домогательствах много не говорили. То, что мы со Стивом тогда делали вместе, сегодня это было бы невозможным. Мы приехали вместе в Россию в 1980 году, и он сказал семье Бухарина и Тане Баевой, что я его французский переводчик или что-то вроде того.

Я узнала об этом позже, я сказала: «Сти-и-ив?!» Ну разве не смех? А он смутился и сказал, что подумал, что я выгляжу слишком молодо, и он не знал, что делать. Но потом я стала частью бухаринской семьи, и Таня оказалась очень интересным человеком. И мы много виделись

с семьей, а для Стива это началось еще раньше, он познакомился с ними в 1975 году. Это случилось после того, как они услышали его на радио, а потом один скандинавский корреспондент познакомил их. И это было большое событие, а вскоре Стив стал членом их семьи, а потом и я, и Ника. Они также знали Линн, бывшую жену Стива, и двух их детей, когда те были еще маленькими.

Так вот, в 1980 году мы были там, а в 1981-м, помню, мы были у Аксёнова, перед его отъездом в США. Это было очень яркое впечатление. А для Стива самым интересным было то, что отец Аксёнова приехал из деревни, и он был очень расстроен тем, что его сын уезжает. Очень простой человек, но он был бухаринист. Он до ареста в 1930-е годы был мэром Казани. А мать Аксёнова написала две потрясающие книги про жизнь в ссылке.

НА. Да, Евгения Гинзбург.

КвХ. В общем, это была впечатляющая встреча, а «Метрополь» был полудиссидентский альманах. Начало 1980-х годов, время, когда за книги могли вышвырнуть из страны...

III

Наш Стив

Катрина ванден Хювел

**Мой Стив.
Личное воспоминание
о Стивене Ф. Коэне**

Впервые я «познакомилась» со Стивом на страницах его эссе 1977 года «Bolshevism and Stalinism». Его ясно выраженная, убедительная, ревизионистская мысль о том, что в истории и политике всегда существуют альтернативы, глубоко поразила меня. А его основополагающая биография Бухарина, бросившая вызов традиционным трактовкам советской истории, стала для меня, как и для многих, образцом того, как нужно писать биографию: увлекательно и критически-сочувственно. В то время я была человеком, очень склонным разделять общепринятую точку зрения. Работы Стива – а вскоре и он сам – заставили меня смотреть на вещи критически, искать альтернативы существующему статус-кво, оставаться верной своим убеждениям (даже если они непопулярны) и подвергать сомнению чужие (даже самые устойчивые). Этим золотым правилам я слеую и сегодня, будучи директором редакции «The Nation» – журнала, с которым (и его редактором Виктором Наваски) меня познакомил Стив и в котором он сам публиковался

с 1979 года, а с 1982 по 1987 год вел популярную колонку «Sovieticus». Последняя книга Стива «War with Russia?» была сборником статей (почти все опубликованы на «thenation.com»), ставших выжимкой его еженедельных (с 2014 года) выступлений на радио в программе «The John Batchelor Show».

Наши совместные поездки в Москву начиная с 1980 года и то, что с нами там происходило, являются во многих отношениях самыми значимыми событиями моей жизни. Стив открыл передо мной миры – политики, истории и жизни, – каких я прежде не видывала. Он познакомил меня с удивительной Анной Михайловной Лариной, главой его «второй семьи», и эклектичным, но пленительно-интересным кругом друзей – пожилых гулаговцев (которым он позже посвятил книгу «The Victims Return» («Жизнь после Гулага»)), диссидентов, свободно мыслящих людей, в том числе и из рядов советской номенклатуры.

В 1985–1991 годах, когда мы часто бывали в Москве, мы вместе со всеми переживали интеллектуальный и политический подъем тех лет, поддерживали великие надежды и свершения перестройки. Позже у нас сложились дружеские отношения с Михаилом Горбачёвым, которого мы оба глубоко уважали как человека и политического лидера, который не побоялся использовать свою власть для того, чтобы изменить свою страну и мир. Горбачёв изменил также и нашу жизнь. Наша женитьба со Стивом совпала с перестройкой. Следующий день после свадьбы – первый день нашего медового месяца – Стив провел в ООН с Горбачёвым и телеведущим Дэном Разером (Стив был тогда консультантом «CBS News»). А в первую годовщину нашей свадьбы в 1989 году мы были с Горбачёвым и Бушем (старшим) на Мальте, где они провозгласили конец холодной войны. Мы говорим про нашу дочь Нику, которой теперь 29 лет, что она «дитя перестройки», потому что была зачата

в России при Горбачёве, впервые прилетела в Москву в июле 1991 года и с тех пор побывала в ней едва ли не сорок раз. Однажды, в трогательную минуту откровения год спустя после смерти Раисы Максимовны, Горбачёв обмолвился Стиву, что наш с ним брак и партнерство напоминают ему его собственные отношения с Раисой: мы тоже выглядим как единое целое.

Стив часто сожалел о том, что многие из его русских друзей, появившихся после 1985 года, не знают о его прежней московской жизни. Впервые он попал в Советский Союз в 1959 году, но именно предперестроечные годы, с 1975 по 1982 год, дали Стиву то, что он в одном разговоре со мной назвал «подлинным образованием... не только

в области российского общества, но и в области российской политики, поскольку я начал понимать взаимосвязь между различными течениями в обществе, в диссидентском движении и в номенклатуре». Это были «чрезвычайно важные для формирования моей личности годы». Те годы также вдохновляюще сказались на творчестве Стива, прежде всего на его прорывной книге «Rethinking the Soviet Experience» («Переосмысливая советский опыт»), которая вышла как раз в то время, когда Горбачёв пришел к власти. «Было много трагичного, – вспоминал Стив, – но и много юмора и тепла, когда, чтобы сколотить компанию, достаточно было личных дружеских связей и идей». С 1980 года, когда я впервые приехала в Москву со Стивом, до 1982 года, когда мы оба не сумели получить визы (и были невъездными до 1985 года, до Горбачёва), мы жили в той России. Много вечеров мы провели в квартирах и на кухнях наших друзей, пили далеко за полночь и слушали откровенные, бесцензурные, часто пессимистические рассуждения о настоящем и будущем России.

Позже я стала помощницей Стива в деле тайной переправки на Запад самиздатовских рукописей и в обратном направлении – книг тамиздата. К тому времени, когда я присоединилась к нему, Стив, удовлетворяя потребности своих друзей, умудрился провезти в Москву десятки книг, от Солженицына, Шаламова, Оруэлла и Роберта Конквеста до «Камасутры» и, естественно, тамиздатовской версии его собственного «Бухарина». От Стива я узнала, что запрещенные документы и рукописи нужно все время носить с собой, потому что КГБ часто обыскивал квартиры и комнаты в отелях. В какой-то момент сумка Стива, которую он носил на плече, стала такой тяжелой, что у него в паху, с правой стороны, образовалась грыжа. После операции по ее удалению он начал носить сумку на левом плече и, в результате, заработал вторую грыжу слева. Стив любил повторять, что самая большая неприятность, ко-

тору ему доставил КГБ, – это нажитые по его вине две грыжи.

Собственно говоря, именно самиздатовские рукописи стали причиной, по которой мы впервые встретились. В 1978 году Стив прослышал, что у меня есть дипломатический паспорт, который избавляет от таможенного досмотра, и что я собираюсь ехать в Москву. (Мой отец в ту пору был представителем Соединенных Штатов в европейском отделении ООН в Женеве.) Через общего друга Стив связался со мной и спросил, не могла бы я привезти некоторые самиздатовские документы, которые были приготовлены для него в Москве. Разумеется, я бы с удовольствием это сделала, но Стив ошибся: у меня не было дипломатического паспорта.

Стив мог показаться кому-то жестким и бескомпромиссным, но те, кому повезло обрести его доверие, знают, что он был человеком огромной душевной щедрости, преданности и доброты. В нашем нью-йоркском, верхне-вестсайдском, окружении он был известен как организатор и многолетний спонсор баскетбольных турниров для молодежи, часто из бедных афроамериканских семей. И в Соединенных Штатах, и в России Стив всегда старался оказывать помощь и поддержку, в том числе материальную, молодым ученым. В последнее десятилетие он создал несколько грантов для молодых исследователей российской истории в ряде американских университетов, где сам преподавал: Индианском, Принстонском, Нью-Йоркском и Колумбийском. Он также способствовал основанию в Москве государственного Музея истории Гулага и оказывал поддержку его молодому директору и его команде.

Со Стивом никогда не бывало скучно. Абсолютно независимый, в нашей семье он был настоящим радикалом, неизменно доходящим до корня проблемы. Он всегда говорил то, что думал. У него был CD с дюжиной вариаций песни «My Way», от Билли Брэгга до Фрэнка Синатры.

А журнал американского высшего образования «The Chronicle of Higher Education» в 2017 году, представляя Стива, назвал его «самым противоречивым экспертом по России в Америке».

На протяжении всей нашей совместной жизни Стив был моей поддержкой и опорой. Он укреплял и подбадривал меня в сражениях, которые редакторам «The Nation» неизбежно приходится вести (часто со своими собственными авторами, включая порой и Стива!), и вселял в меня личное и политическое мужество совершать правильные поступки. Особенно сильно это проявилось, когда мы вступили в период, который можно назвать «эпохой Рашагейта» («Russiagate era»).

Хотя Стив любил говорить о пользе переосмысления и преимуществе вопросов над ответами, в своей политической аналитике он демонстрировал мудрое постоянство. Например, как видно из его многочисленных статей, опубликованных в «The Nation» за последние десятилетия, он всегда был стойким противником американского мышления холодной войны и выступал против его возвращения в политику в годы после конца Советского Союза. Он проявлял постоянство в своем отказе поучать, проповедовать или морализировать по поводу того, как должна вести себя Россия. Он предпочитал не проповедовать, а слушать, анализировать, а не демонизировать. Эта его позиция не рецепт популярности, которая Стива мало заботила. Из раза в раз он продолжал мужественно и бесстрашно атаковать всё более крепнущие ортодоксии, касающиеся понимания в США Советского Союза и России. Но, увы, последние месяцы показали, как дорого эта борьба обошлась ему. Как и другие, кто так же, как и он, пытался предотвратить новую, еще более опасную, холодную войну, Стив с отчаянием взирал на то, как столь необходимая публичная полемика на эту тему в политике и СМИ становится всё более невозможной. До самой своей смерти

*Празднование 75-летия Стива в «Новой газете». Москва, 4 декабря 2013 г.
Фото Сергея Щербины*

Стив работал над статьей о том, что он называл «криминализацией разрядки». Созданная им организация, Американский комитет восточно-западного согласия («American Committee on East-West Accord»), изо всех сил старалась повернуть американскую политику по отношению к России в более здоровое русло.

Он лучше, чем я, умел противостоять полемической травле, сопровождавшей его с 2014 года как реакция на его взгляды на Украину, Путина, вмешательство в американские выборы и т. д. В ответ на высказываемые им мнения

часто звучали оскорбления и грязные инсинуации. Скольким раз его клеймили «путинской марионеткой», «американским апологетом Путина № 1»? Бесчисленное множество. Но Стив никогда не реагировал на нападки, считая (как он не раз говорил мне, когда я просила его написать ответ), что в них нет критики по существу его аргументов, а есть лишь «полемика с переходом на личности». Он предпочитал писать – поскольку его все больше волновала судьба молодого поколения историков и политологов – об угрозе полной дискредитации тех, кто думает иначе об американской политике по отношению к России, а без голосов скептиков не будет полноценной дискуссии, столь необходимой нашей политике, СМИ и академической сфере.

Михаил Горбачёв часто говорил Стиву, какое глубокое влияние оказали на него труды Стива, особенно его биография Бухарина. Стив впервые встретился с Горбачёвым в 1987 году в советском посольстве в Вашингтоне, на приеме, устроенном в честь американской «прогрессивной интеллигенции». Стив считал это забавным, так как никогда не причислял себя ни к какой группе и терпеть не мог ярлыки. Но в тот день он оказался там, и уже через несколько минут к нему подошел кремлевский помощник и сказал, что с ним хочет поговорить генеральный секретарь. В разговоре Михаил Сергеевич, который полагал, что автор «Бухарина» должен быть солидным человеком «серьезного» возраста, спросил: «Действительно вы написали эту книгу или это был ваш отец?»

Стив в конце концов достиг того «серьезного» возраста, о котором говорил Горбачёв. Но сердцем, душой и умом он оставался молод до конца. Возможно, это из-за его любви к рок-н-роллу Джерри Ли Льюиса, новоорлеанскому блюзу или музыке кантри из Кентукки, а может, из-за страсти к баскетболу (разделяемой нашей дочкой Никой и его шестнадцатилетним внуком Лукасом) или

неравнодушия к хорошему анекдоту (его ежегодные лекции об анекдотах собирали толпы в Принстоне и в Нью-Йоркском университете). Может быть, причина в наших не прекращавшихся и во время болезни Стива прогулках в ближайшем Риверсайдском парке с их задушевными беседами и горячими спорами.

А может быть, в том, что Стив, будучи очень серьезным человеком, никогда не воспринимал себя всерьез.

В субботу Михаил Горбачёв написал мне:

Дорогая Катрина,

Пожалуйста, прими мои искренние соболезнования по поводу смерти Стива. Он был одним из самых близких мне людей по взглядам и пониманию тех грандиозных событий, которые произошли в конце 1980-х годов в России и изменили мир. Стив был блестящим историком и человеком демократических убеждений. Он любил Россию, русскую интеллигенцию и верил в будущее нашей страны. Я всегда считал вас со Стивом своими настоящими друзьями. Во время перестройки и все последующие годы я чувствовал ваше понимание и неизменную поддержку. Я благодарен вам обоим.

Дорогая Катрина, я глубоко сочувствую твоему горю и скорбю вместе с тобой и Никой. Светлая память Стиву.

19.09.20

Когда-то давно я спросила Стива, почему он никогда даже не пытался написать монографию о Горбачёве. Он сказал, что чувствует слишком большую близость между ними, он стал ему другом – возможно, я излагаю не дословно, но для Стива это действительно было важно. У Стива была папка с личной перепиской с М[ихаилом] С[ергеевичем], и я начала разбирать ее, а также приводить в порядок огромный массив других документов и архивных материалов. Надеюсь, что в будущем году Принстон возьмет на хранение этот архив.

Сорок лет Стив был моим партнером, товарищем, компаньоном, соучастником, лучшим другом, наставником, мужем (тридцать два года) и соавтором. Я вечно буду благодарна ему за знакомство с «The Nation» и Россией, за жизнь, полную совместных приключений, взаимной дружбы и страсти, и за нашу любимую дочку Нику.

Опубликовано: The Nation. 21 сентября 2020 г.

Надежда Ажгихина Он научил Горбачёва

Без Стива Коэна совершенно невозможно представить «перестроечную» Москву. Он ходил на митинги и собрания бывших узников ГУЛАГа, участвовал в публичных дебатах и научных симпозиумах, с равной страстью выступал на форумах и дома у друзей и разговаривал, разговаривал со всеми – с «архитекторами перестройки», с молодыми журналистами, с простыми людьми на улицах...

Без его высокой фигуры, неизменной сигареты, его легкого акцента картина эпохи будет, несомненно, неполной. Без их с Катриной вечеров с друзьями и единомышленниками, русскими и американцами, неполным будет представление о самой атмосфере взаимного открытия

В «Литературной газете», после встречи с журналистами и писателями. Осень 1992 г.

и общего, с двух сторон, страстного стремления покончить с холодной войной, освободиться наконец от дамоклова меча ядерного противостояния, начать новый путь сотрудничества...

Без его публикаций в «Огоньке» неполной будет история отечественной независимой журналистики и история осмысления нашего прошлого и настоящего.

Значение Козна для исторической науки далеко не исчерпывается тем фактом, что он открыл для западного академического сообщества фигуру Бухарина, другие фигуры, оппозиционные Сталину в раннем советском руководстве, что препарировал природу и практику репрессий, сделал достоянием мировой общественности десятки

подлинных лиц и голосов узников ГУЛАГа и лиц советских диссидентов, с которыми прожил бок о бок долгие месяцы на протяжении практически всей долгой профессиональной жизни.

Он был первым американским историком, который вошел в профессиональное и медийное пространство СССР накануне его исчезновения как полноправный и равный участник. Он научил молодых историков методологии и подходам западных исследований, благодаря чему многие из них обрели новые перспективы и позднее вошли в международное научное сообщество. Он документировал повседневность и оказался одним из первых, кому открылись недоступные десятилетиями архивные папки. Но самое важное – он был непререкаемым участником процесса демократизации и освобождения от сталинского наследия. Значение его не только в том, что он содействовал созданию Музея ГУЛАГа, поддерживал многих бывших узников и их родных, с которыми познакомился и сроднился еще в годы брежневского застоя. Он помог и, по сути, предложил новый язык разговора о прошлом, спокойный и аргументированный, и сформулировал необходимость принципиальной оценки прошлого – вместе с советскими писателями, журналистами и активистами. Думаю, его статьи и формулировки помогли политикам, в том числе и Горбачёву, четче артикулировать собственные позиции по отношению к прошлому, по крайней мере, до 1989 года.

Коэн, как и многие романтики перестройки, был человеком глубоко идейным. Он верил в Бухарина. Верил в возможность социализма с человеческим лицом и, мне кажется, сохранил эту веру все последующие годы. Эту веру разделяли в конце 1980-х миллионы советских людей. Хорошо помню море писем в «Огонек», пришедших после публикации последнего письма Бухарина. Люди пожилые, фронтовики, репрессированные, начальники

и самые простые люди писали, что ждали этой публикации всю жизнь, а молодые – что увидели наконец смысл и направление... Этот период довольно быстро прошел, о нем забыли и постарались затушевать о нем память, но Стив помнил всегда.

И сохранил веру в возможность предотвращения новой холодной войны и ядерной катастрофы, о чем писал в последние годы.

Участие его в интеллектуальной и медийной жизни постсоветской России – отдельная тема, его книги и публикации, методологическая помощь исследователям российского общества, проектам Музея ГУЛАГа, солидная издательская программа – это важнейший вклад в развитие отечественных и международных исследований, но не меньше – в просвещение, без которого немислим прогресс ни в академии, ни в обществе. Он выступал перед студентами, очень любил встречаться с молодыми людьми. И находил отклик, что важно. С ним молодым было всегда интересно.

Книга «Жизнь после ГУЛАГа» стала частью моего курса для студентов на факультете журналистики, и я рада, что двадцатилетние с огромным интересом изучали ее и использовали в своих последующих материалах о российской истории и проблеме исторической памяти.

Стив Коэн был активнейшим соучастником демократических перемен в России, осмысления истории, места человека и его идей в истории. Он остается им навсегда.

Опубликовано: The Nation. 25 сентября 2020 г.

Рой Медведев

Мои встречи со Стивеном Коэном

Я познакомился со Стивеном Коэном в 1969 году. Он тогда закончил работу над своей диссертацией о Бухарине, но еще не издал ее отдельной книгой. Я же к тому времени уже написал книгу «К суду истории» и переслал в США ее копию на микрофильме. Но моя книга на тот момент еще не вышла, поэтому Коэн ее не читал. Он пришел ко мне с рекомендацией знаменитого американского советолога Роберта Такера, который был очень дружески настроен к Советскому Союзу. Такер являлся научным руководителем Коэна, он и подсказал начинающему русисту саму тему о Бухарине. Более того, Такера можно считать основателем целой школы русистов-советологов.

Когда началась Вторая мировая война, Такер был совсем еще молодым человеком. После получения образования в Гарварде он какое-то время поработал в Управлении стратегических служб – предтече ЦРУ, – а затем, еще во время войны, его направили переводчиком в американское посольство в Москве. Советские люди тогда относились к американцам с большой симпатией, тем более что Второй фронт уже открылся, и молодой сотрудник посольства испытывал к себе только доброе и внимательное отношение. Вместе с москвичами он в мае 1945 года смотрел салют Победы и радовался окончанию войны. Здесь же, в Москве, он познакомился с молодой девушкой, на которой вскоре женился. Находясь в Москве, он начал собирать материалы для книги о Сталине. Эта книга вый-

дет в США спустя несколько десятилетий, и она будет содержать в себе критику вождя. Но первоначально, еще работая в Москве, Такер, как и подавляющее большинство советских людей, был очарован Сталиным.

И лишь спустя годы, после XX съезда и появления многочисленных материалов, разоблачающих преступления сталинского режима, Такер, уже живя и преподавая в США, меняет свое мнение на противоположное. Не исключая, что и я сыграл определенную роль в том, что взгляды Такера на Сталина изменились с панегирических на противоположные. Мы с Такером переписывались в 1960-х годах, и я ему много рассказывал о Сталине и о его эпохе. Поэтому, когда у его ученика Коэна появилась возможность поехать в Советский Союз на выделенный ему грант для написания книги о Бухарине, Такер рекомендовал начинающему специалисту по советской истории встретиться со мной.

Я хорошо помню нашу первую встречу с Коэном. Он приехал со своей первой женой и двумя маленькими детьми. Мы встречались несколько раз. Про Бухарина я не мог ему много рассказать – говорил лишь о взаимоотношениях Бухарина со Сталиным, о процессе над Бухариным, но и эта информация была Коэну полезна. Он попросил меня познакомить его с людьми, которые знали Бухарина лично, и мне удалось ему помочь. Об этом Коэн потом вспоминал и благодарил меня за оказанную помощь. После этой поездки в СССР Коэн издал книгу о Бухарине. Она имела необычайный успех в американских советологических кругах, ее перевели на основные западные языки.

Новый этап в жизни Коэна начался в 1982 году, когда в одном небольшом американском издательстве его книга была напечатана на русском языке. Одним из переводчиков книги стал сын Бухарина – художник Юрий Ларин. С ним и с его матерью, Анной Лариной, я был знаком,

Стивен Коэн с Роем Медведевым. Москва, 1981 г.

а Коэну удалось впервые увидеться с ними в середине 1970-х годов, во время одного из его приездов в СССР. Между Коэном и Лариными установились дружеские отношения. В связи с этим вспоминается одна история, о которой мало кто знает. Это было в марте 1978 года. Осенью того года исполнялось 90 лет со дня рождения Бухарина, а в середине марта была другая вежа – 40 лет со дня его расстрела. И у нас с Лариными возникла мысль отметить – разумеется, неофициально – обе эти круглые даты. Коэн тогда в очередной раз был в Москве. И мы собрались в моей ховринской квартире на улице Дыбенко.

Я пригласил еще двоих итальянских корреспондентов, которые интересовались жизнью Бухарина. Накрыли стол – как бы поминки устроили, посидели тихо, по-семейному. Кстати после выхода книги о Бухарине на русском языке,

которая тут же стала распространяться в самиздате, Коэн перестали пускать в Советский Союз, и лишь с наступлением перестройки такая возможность у него появилась снова.

Благодаря общению с семьей Лариных Коэн собрал огромный материал о Бухарине, в том числе и о последних годах его жизни. Но он почему-то не стал дорабатывать свою книгу, в которой сведения о 1930-х годах изложены довольно поверхностно: когда он писал свою диссертацию, а потом дорабатывал ее в монографию, у него было крайне мало информации об этом времени. У меня же скопился колоссальный материал о Бухарине, который охватывал время вплоть до его ареста. И я написал книгу «Бухарин. Последние годы жизни», в которой как раз систематизировал собранную мной информацию. Книга вышла сначала в Риме в 1977 году, а на следующий год – в Нью-Йорке. Под названием «Убийство Бухарина» она вошла в том «Неизвестный Сталин» моего и Жореса собрания сочинений. Коэн был первым, кому я подарил первое издание моей книги, и он написал на нее очень хорошую рецензию, а потом неоднократно упоминал в библиографии использованных им работ.

То есть получилось, что я написал о Бухарине вместо Коэна, но во многом благодаря своему знакомству с ним. Я был готов уступить первенство Коэну, но в Америке не принято братья за большую работу, не получив на нее грант. А Коэну после издания его переработанной диссертации ничего больше не предлагали в развитие «бухаринской темы». Когда в 1988 году в московском издательстве «Прогресс» вышла его книга о Бухарине, он этой темой уже не занимался.

Получилось так, что я оказался полезен Коэну и в другой теме, за которую он взялся, – о возвращении узников сталинских лагерей и их адаптации к нормальной жизни. Об этом я тоже много знал, так как общался с прошедшими

лагеря. Причем мне доводилось контактировать и с теми, кто действительно находился в оппозиции режиму. Среди них были меньшевики, один троцкист, несколько сторонников Зиновьева и Бухарина. Надо сказать, что в основном они находились в благоприятных условиях в лагерях, потому что были вынуждены сотрудничать с администрацией. Это особая тема, которую я не хочу затрагивать походя. Но тогда было именно так: чтобы выжить, ты либо работаешь в санитарной части, либо сотрудничаешь с лагерной администрацией. Словом, я знал от вернувшихся об их лагерной жизни очень много. Я делился с Коэном тем, чем располагал, и познакомил его с некоторыми бывшими узниками, в частности, с Антоновым-Овсеенко.

Уже в перестройку я регулярно посылал Коэну свои статьи о текущей ситуации в СССР. Коэн их внимательно прочитывал, часто задавал уточняющие вопросы. Он с большим пиететом относился к Горбачёву и сам активно печатал в США материалы о переменах в СССР. Лично с Горбачёвым, пока тот находился у власти, Коэн не встречался, их знакомство состоялось позже – в Горбачёв-Фонде. На этой площадке они несколько раз потом общались. Меня на эти встречи тоже приглашали, а один раз вместе со мной туда приехал и Жорес.

В постсоветское время мы пересекались с Коэном и на нескольких конференциях. Помню, как-то мы с ним рядом сидели в президиуме, он взял слово и сказал, что написал книгу о Бухарине, но сейчас эта тема мало востребована. Я тогда перебил его и сказал, что это совершенно не так, что все идеи Бухарина внимательно изучены и серьезно восприняты в Китае, что бухаринская альтернатива, несомненно, была известна Дэн Сяопину и оказала на него существенное влияние.

В истории нашего знакомства с Коэном была и такая замечательная страница, как написание общей книги. Дело было так. Когда сняли Хрущёва, ко мне от разных лиц

Стивен Коэн с Антоном Антоновым-Овсеенко, 1980 г.

стали стекаться подробности того, как всё готовилось и осуществлялось в октябре 1964 года. Рассказывали мне и о его затворнической жизни после отставки. Я стал всё это записывать в виде своего рода политического дневника. Я вел этот дневник в течение шести лет, с конца 1964-го до конца 1970-го, и распространял его в рукописном виде в нескольких экземплярах только среди самых близких людей. Когда я закончил его вести, Жорес сказал мне, что это очень интересный материал и его надо опубликовать. И я анонимно через Жореса напечатал в «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» одну из наиболее интересных подборок за один месяц. Подборка относилась к 1969 году и была посвящена советско-китайскому конфликту на

острове Даманский. Я тогда записал свои разговоры с Сахаровым, Некричем и одним генералом о возможности полномасштабной войны с Китаем.

Публикация вызвала большой интерес, хотя и создала для меня определенные трудности: у меня – несмотря на анонимность публикации – прошел первый обыск, и все мои архивы были изъяты. Я, правда, был готов к такому развитию событий и все самые важные материалы хранил не дома. Поэтому никакого политического дневника у меня во время обыска не нашли. Публикация в американских газетах произвела широкий резонанс, и я стал получать предложения об издании своего дневника. В итоге я согласился на сотрудничество с голландским Фондом имени Александра Герцена, и он издал два тома моего политического дневника, причем мое авторство было открыто. Однако после смерти основателя фонда продолжать проект было некому, публикация так и осталась двухтомной и незаконченной. И вот тут на меня вышел Коэн, который, конечно, знал эту голландскую публикацию. Он предложил мне свое содействие в продолжении этого издательского проекта. Я согласился и передал ему третий том, и он издал его на английском со своими комментариями под названием «Конец молчания». Том вышел под двумя фамилиями – моей и Коэна, – но поскольку и на кириллице, и на латинице «К» стоит раньше «М», то во всех библиографиях эта книга пошла как его.

Коэн очень помогал мне с книгами. В Америке выходило много книг на русском языке именно для того, чтобы разными путями пересылать их в СССР. За этим фактически стояло ЦРУ, но это неважно – важно, что эти книги издавались и так или иначе доходили до нашей страны. Причем это были не только книги, запрещенные в СССР по политическим соображениям – наподобие Солженицына, но и классическая литература, не издававшаяся только потому, что авторы не разделяли официальной со-

ветской идеологии – как, например, Ахматова, Гумилев, Набоков. Я много чего заказывал Коэну, и он всегда выполнял мои просьбы. Книги он посылал мне обычно дипломатической почтой – на адрес какому-нибудь сотруднику американского посольства в Хельсинки, а потом уже отдельно сообщал, что эту посылку надо передать Медведеву. И мне привозили эти пакеты из посольства, даже не распечатывая. Это было очень важно для меня. Некоторые писатели просили меня помочь им с книгами, и я заказывал у Коэна. Я так доставал книги для Твардовского, Лакшина, Трифонова. Некоторые книги я продавал – но только те, которые не могли считаться антисоветскими, например, собрание сочинений Гумилева.

И вот однажды произошла такая история. Меня вдруг по телефону вызвали в КГБ. Я приехал, и меня принял сотрудник довольно высокого ранга. Я в госбезопасности считался как бы большим авторитетом, потому что для меня санкцию на обыск или на арест давал лично Андропов. Я доподлинно знаю, что дважды готовился мой арест, но Андропов оба раза не дал санкции. Так вот, когда я пришел в КГБ, я увидел на столе у этого высокого чина большую стопку книг, разорванный пакет и письмо от Коэна. Мне сказали, что у машины, которая везла дипломатическую почту, неожиданно раскрылась багажная дверь, из нее выпал пакет и разорвался. Пакет доставили в КГБ, и теперь сотрудники этой организации хотели получить от меня объяснения.

Я только рассмеялся в ответ. Дело в том, что в американском посольстве в Москве на вспомогательных должностях работали советские граждане – уборщиками, шоферами, техническим персоналом. Меня поражала такая беспечность американцев, потому что все эти советские люди были одновременно работниками КГБ и доставляли ценнейшую информацию, которую без особого труда могли собирать в посольстве. Не исключено, что и посоль-

ский шофер, который вез почту, тоже был сотрудником КГБ, потому что просто так из крытой машины не мог выпасть именно тот пакет, который был адресован Медведеву, это было специально подготовлено. И я ответил разговаривавшему со мной сотруднику КГБ, что Коэн – мой хороший американский друг, мы с ним сотрудничаем как ученые, он присылает мне книги, которые я ему заказываю, это дружеский обмен книгами. Да к тому же в книгах, которые выпали из машины, нет ничего антисоветского, а если что-то подобное найдется – тогда другой разговор. В советское время наказывалось распространение антисоветской литературы, но не ее хранение. Поэтому даже если бы Коэн прислал мне нечто подобное, меня не наказали бы, потому что в КГБ точно знали, что распространением я не занимаюсь. Я думаю, что эта акция была устроена просто для того, чтобы дать мне понять, что я нахожусь под контролем. Книги мне отдали, и случай остался без последствий – и для меня, и для Коэна.

Я помню и свою последнюю встречу с учителем Коэна – Такером. Перед своей кончиной – и, видимо, предчувствуя ее – он решил побывать в Москве, вспомнить то время, когда он здесь работал и встретил свою любовь. Ученики, в том числе и Коэн, помогли ему собрать деньги на эту поездку. Такер приехал, поселился в гостинице «Националь», прожил там две или три недели, и мы с ним встречались. Это было незадолго до его ухода в 2010 году.

Конечно, в последние годы, когда в США резко усилились антироссийские и антипутинские настроения, Коэну было очень тяжело. Тяжело, во-первых, из-за того, что в США вообще потеряли интерес к нашей стране и специалисты по ней оказались невостребованными. А во-вторых, тяжело по той причине, что Коэн всегда с большой симпатией относился к Советскому Союзу и России, поэтому этот всплеск русофобии очень сильно его задевал. И что важно, он не поддался этому общему настрою. Более того,

он стал поддерживать Путина, правда, не открыто, что было просто невозможно, а косвенно – полемизируя с критиками российского президента, доказывая, что он никакой не злодей и что в США его выставляют не таким, какой он есть на самом деле. В последние годы жизни он регулярно переписывался с Жоресом, и из этой переписки я знаю, что Коэн тревожился по поводу пенсии и профессорского звания – мол, его этого могут лишиться из-за про-российской позиции, которой он придерживается. Но вместе с тем он очень гордился тем, что его ценят и издают в России.

Кевин Мерфи

Стивен Ф. Коэн помог нам понять Русскую революцию и Николая Бухарина

Стивен Коэн, ушедший от нас ранее в этом году, был яростным противником идеологической догмы. Великий историк Николая Бухарина и Русской революции, он оставил после себя массив трудов, который останется бесценным пособием для поколений будущих социалистов.

Стивен Коэн, историк Русской революции и комментатор российско-американских отношений, ушел от нас в этом году.

Его самым главным и непреходящим по значению трудом остается биография Николая Бухарина 1973 года.

Коэн родился в 1938 году – том же самом, когда был расстрелян Бухарин, – и его книга пробудила интерес социалистов и историков как к забытому наследию одного из подлинных гениев Русской революции, так и к более широким вопросам, связанным с трактовкой становления сталинизма.

Вступив в спор с антикоммунистическим нарративом о Русской революции, якобы неизбежно ведущей к сталинизму, Коэн заявил, что большевизм был «многоликим движением» с «бесконечными дискуссиями по фундаментальным вопросам». 1920-е годы были «золотым веком» марксистской мысли со спорами и конкуренцией между различными теориями и школами. И Бухарин, «по праву считавшийся любимцем всей партии», как называл его Ленин, был в центре многих из этих споров. Книга Коэна «Бухарин и большевистская революция: Политическая биография, 1888–1938» была больше, чем просто политической биографией; она предложила «способ нового прочтения большевистской революции» и периода становления советского государства.

Открытие настоящего Бухарина

Бухарин примкнул к большевикам во время революции 1905 года, будучи семнадцатилетним юношей, и помогал объединять группы московской молодежи в единую городскую организацию. Вместе с друзьями-студентами Валерианом Осинским и Владимиром Смирновым он устраивал «теоретические налеты» в Московском университете, выступая с марксистской критикой на семинарах либеральных профессоров. Он также принимал участие в рабочем движении и в двадцать лет был избран членом Московского комитета партии большевиков.

Известным, однако, Бухарин стал как экономист и теоретик. В работе «Мировое хозяйство и империализм» он

Фото «People Magazine». Нью-Йорк, 1989 г.

исследовал те глубокие изменения, которые со времени «Капитала» Маркса претерпела система свободного предпринимательства. Вдохновленный книгой Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал», Бухарин показал, как на смену свободной конкуренции эпохи раннего капитализма приходят «монополистические союзы предпринимателей», в которых «государственные капиталистические тресты» из нескольких сотен сверхбогачей «держат в своих руках судьбу всего мира». Во время войны государственная власть «всасывает почти все отрасли производства» и «все более и более становится непосредственным эксплуататором, который организует и руководит производством как коллективный, собирательный капиталист».

Но главным вопросом, разногласия по которому привели молодую восходящую звезду к конфликту с Лениным, была марксистская теория государства. Ряд европейских марксистов, в том числе Антон Паннекук и Зет Хёглунд, ранее уже пытались реабилитировать антигосударственные положения марксизма, а из большевиков это первым сделал Бухарин в статье «К теории империалистического государства». Ленин отказался публиковать статью и обвинил Бухарина, который, по его мнению, приписывал социалистам в качестве цели «взрыв» старого государства, в «полуанархизме». Бухарин в письме к Ленину посетовал на слухи о том, вождь окружил себя подобоострастной публикой (предположительно, речь о Григории Зиновьеве и Льве Каменеве) и не терпит рядом с собой никого «с головой».

Когда Бухарин в мае 1917 года вернулся в Москву, Надежда Крупская первым делом сообщила ему, что у Ленина больше нет разногласий с ним в вопросе о государстве. Перед возвращением в Россию Ленин предпринял собственное исследование на тему отношения марксизма к государству, которое во многом определило его стратегию в революции 1917 года. Ленинская теория восстания была воспринята многими его соратниками, включая Каменева и Зиновьева в Петрограде и Виктора Ногина в Москве, как «чуть ли не измена обычной марксистской идеологии», по выражению Бухарина. Коэн утверждает, что Ленин решил опереться на новых лидеров – таких, как Лев Троцкий и межрайонцы в Петрограде и Бухарин с молодыми левыми в Москве, – чтобы преодолеть сопротивление правого крыла и подтолкнуть партию к революции в октябре.

В начале 1918 года Бухарин возглавил «крупнейшую и наиболее мощную партийную оппозицию в истории Советского Союза». Вместе со своими молодыми московскими товарищами Бухарин убедил «левых коммунистов»

выступить против мирного договора с Германией в поддержку партизанской «священной войны против милитаризма и империализма». Оппозиция начала издавать собственный журнал «Коммунист». Будущий защитник «социализма в одной стране» был самым решительным интернационалистом, утверждавшим, что долг русских коммунистов – поддержать назревающую революцию в Европе, уже начавшуюся в Берлине, Вене и Будапеште.

В условиях, когда ресурсы молодого Советского государства были на пределе, а население устало от войны, поддержка «левых коммунистов» быстро сошла на нет, но фракция продолжила оппозиционную деятельность, выступив против ленинского плана перехода к социализму. Видя, что экономическая катастрофа нарастает, Ленин призвал прекратить национализацию предприятий, дающую «диктаторские полномочия» комиссарам, установить техническое и финансовое сотрудничество с капиталистами и повысить дисциплину труда на производстве с целью роста производительности (вместо рабочего контроля). Бухарин горячо приветствовал в «Коммунисте» ленинскую работу «Государство и революция» с изложенной в ней идеей отказа революционного государства от бюрократической политической и экономической власти. Резкий разворот в политике Ленина Бухарин и левые восприняли как предательство идеалов «государства-коммуны».

Бухаринскую работу 1920 года «Экономика переходного периода» Коэн описывает как «оду “военному коммунизму”». Во время Гражданской войны она обеспечила «теоретическое оправдание волюнтаризма и социальных скачков», а также политики принуждения по отношению к крестьянству, обусловленной необходимостью накормить Красную армию. Переходный период, по Бухарину, характеризовался «борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархической тенденцией крестьянства». После окончания Гражданской войны, когда

в стране царили разруха и голод, Бухарин пересмотрел свои прежние позиции. Уже меньше чем через год он заявил, что рабочий класс «окрестьянился», а еще чуть позже – что «военный коммунизм» был «карикатурой на социализм».

Провозглашенная Лениным в 1921 году более мягкая новая экономическая политика (НЭП) заменила принуждение убеждением, призванным стимулировать крестьян обрабатывать свою землю и продавать произведенную продукцию на рынке. Бухарин был ближайшим ленинским сподвижником в этот период, особенно после второго удара, случившегося с Лениным в конце 1922 года. К апрелю 1923 года Бухарин стал «наиболее убежденным и последовательным защитником нерушимости смычки» – союза между рабочим классом и крестьянством – и горячим поборником НЭПа. Цитируя последние пять статей Ленина, написанные им до смерти в январе 1924 года, Коэн показывает, что Бухарин использовал аргументы вождя для обоснования своей программы. Ленин предупреждал об опасности «преувеличения революционности» и писал о необходимости «прибегнуть к «реформистскому», постепенному, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства».

Чтобы вовлечь все население в кооперацию, требовалась, по мысли Ленина, «целая историческая эпоха», в лучшем случае, «одно-два десятилетия». Сотрудничество двух классов – пролетариата и крестьянства – составляло суть советского социализма, и раскол между ними «был бы губителен для Советской республики».

Главным условием рабоче-крестьянской смычки, в бухаринском понимании, было снижение потребительских цен на промышленную продукцию для крестьян. В отличие от Преображенского и левых, призывавших сосредоточить внимание на промышленном производстве, Бухарин именно в растущем крестьянском спросе увидел ту

движущую силу, которая будет стимулировать рост всех отраслей промышленности. Бухаринский призыв к крестьянам «Обогащайтесь!» был адресован середнякам – этому важнейшему крестьянскому слою, который надлежало привлечь на сторону Советской власти.

Задача, по Бухарину, заключалась не в том, чтобы культивировать «равноправие в бедности», а в том, чтобы за счет роста крестьянских накоплений подтянуть низы до более высокого уровня. Бухарин настаивал, что переход к социализму не должен быть «паразитарным», основанным на «первоначальном социалистическом накоплении» и быстрой перекачке прибавочной стоимости из деревни в города, как предлагал Преображенский, так как это поставит под угрозу смычку и само существование Советской власти.

Бухарин в свое время сам использовал выражение «первоначальное социалистическое накопление» в работе «Экономика переходного периода», но Коэн не упомянул среди ленинских комментариев к ней пометку, что термин «крайне неудачный. Детская игра в копирование терминов, употребленных взрослыми». Учитывая ту brutальную историческую роль, которую на раннем этапе развития капитализма сыграло «первоначальное капиталистическое накопление», было бы нелепо предположить, что пролетарское государство будет эксплуатировать рабочих или крестьян. Опять же, сам Бухарин позже критиковал Преображенского за его подход к крестьянству как к внешнему, по отношению к социалистическому хозяйству, сектору, которым можно манипулировать в интересах коллективизации и форсированной индустриализации.

В условиях роста безработицы и отсутствия зарубежных инвестиций кризис позднего НЭПа вновь поставил ребром вопрос о том, как находящийся в изоляции Советский Союз будет финансировать дальнейшее масштабное развитие промышленности, выходящее за рамки восста-

новления, бывшего задачей раннего НЭПа. После того как в 1927 году Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР, возникшая (и раздутая до паники) угроза войны сблизила Бухарина с левыми, заставив признать необходимость долгосрочного государственного планирования и больших капиталовложений в тяжелую промышленность. Но «главная проблема», по Бухарину, оставалась прежней: «как в нищей стране сколотить богатый капитал для индустриализации?»

Как утверждает Майк Хэйнс, для преодоления экономической отсталости не существует демократических решений. Бухарин отстаивал политику умеренного «затягивания поясов», предусматривавшую подъем производительности труда. Левые выступали за дополнительное налогообложение кулаков и нэпманов. Коэн отмечает, что обе стратегии не выходили за рамки НЭПа и обе были куда менее драконовскими, чем сталинское «окончательное решение» проблемы индустриализации путем войны против всего крестьянства и рабочего класса. По выражению Коэна, Бухарин и левые «боролись друг с другом по принципиальным вопросам, в то время как интриган постепенно прибирал к рукам власть, чтобы уничтожить их всех».

Коэн без обиняков критикует разделение обязанностей, сложившееся между Бухариным, занимавшимся теоретическим обоснованием НЭПа, и Сталиным, все более подминавшим под себя партийный аппарат, и особенно то, что при этом Бухарин закрывал глаза на «обоснованные», как он сам понимал, претензии оппозиции. Бухарин даже попытался рационализировать проблему подмены, состоявшую в том, что партия взяла на себя роль «незрелого» пролетариата в деле управления государством, – отсрочка самоосвобождения, ставшая одним из оснований сталинизма в XX веке. Бухарин никогда не связывал свой анализ сталинизма с концепцией государственного социализма,

как это сделали его старый товарищ Осинский и группа «демократического централизма»: «Мы стоим на точке зрения строительства социализма – классовым творчеством самих рабочих... Если сам пролетариат не сумеет создать необходимые предпосылки для социалистической организации труда – никто за него это не сделает...»

Поворотным пунктом в противостоянии со сталинистами, по мнению Коэна, явился июльский пленум ЦК 1928 года. К тому времени Бухарин уже смотрел на Сталина как на «беспринципного интригана», который «всё подчиняет сохранению своей власти» и «меняет теории в зависимости от того, кого он в данный момент хочет убрать». На стороне Бухарина и его сторонников были значительные силы, но Сталин контролировал партийный аппарат, и поддержка неприсоединившихся делегатов оказалась в его пользу. На пленуме Сталин впервые открыто говорил о новой советской аграрной политике, о том, что крестьяне должны платить «нечто вроде “дани”» в фонд индустриализации.

Незадолго до закрытия пленума Бухарин тайно встретился с бывшим лидером левой оппозиции Каменевым. В разговоре Бухарин назвал Сталина «Чингисханом», чья политика погубит революцию, и заявил, что разногласия между ним и Сталиным «во много раз серьезнее всех бывших у нас разногласий с вами». По свидетельству Каменева, Бухарин говорил с ним как человек, знающий, что он обречен.

На кону, однако, было нечто большее, чем судьба самого Бухарина. Коэн показывает, что в середине 1928 года Бухарин уже ясно понимал – гораздо лучше левых – скрытую подоплеку новой политики сталинистов. Крестьянская «дань» государству была на деле «военно-феодалной эксплуатацией крестьянства» с целью оплатить индустриализацию. Антикулацкая кампания Сталина была войной против крестьянства в целом, обернувшейся созданием

«единого фронта села против нас». И такая политика, предрекал Бухарин, приведет к тому, что крестьян будут загонять в колхозы «силой»: «политика Сталина ведет к гражданской войне. Ему придется заливать кровью восстания».

Прогноз Бухарина оказался точен. Сегодня нам известен масштаб сопротивления сталинской войне против крестьянства, пусть и не имевшего организованного начала. Только в одном 1930 году произошли 13 754 массовых выступления, в которых приняли участие 2 468 000 крестьян, причем в 176 случаях беспорядки носили, по определению руководства ОГПУ, «характер восстаний». Нам также известно, что против политики сталинского режима выступили рабочие ивановских текстильных фабрик, что недовольство перекинулось на металлургические предприятия Москвы и что, по сводкам ОГПУ, подобные настроения были характерны для всего Советского Союза.

Особую тревогу ОГПУ вызвал факт сочувствия рабочих и солдат по отношению к крестьянам: существовала реальная возможность смычки против сталинизма.

Трагедия Бухарина, считает Коэн, заключалась в его «нежелании апеллировать» к подобным «широким настроениям» и стремлении ограничить дискуссию о судьбе революции узким кругом избранных. В более широком смысле трагедия заключалась в том, что «левая оппозиция» Троцкого и сторонники Бухарина не нашли общей почвы, когда сталинисты развязали кровавую четырехлетнюю войну против крестьянства и рабочего класса. Сам Троцкий ошибочно увидел в сталинизме «бонапартистский», центристский, режим, колеблющийся между интересами рабочего класса и фантомного кулачества. «Проблема термидора и бонапартизма есть в основе своей проблема кулака», что означает: «Со Сталиным против Бухарина? – Да. С Бухариным против Сталина? – Никогда!»

Анна Ларина и Стивен Коэн в Музее Революции на выставке, посвященной официальной реабилитации Бухарина, 50-летию его расстрела и столетию со дня его рождения. 1988 г.

Коэн после Бухарина

Исследование советского опыта Коэн продолжил и после публикации книги о Бухарине и большевистской революции. Его работа 1985 года «Переосмысливая советский опыт: политика и история с 1917 года» была направлена против того, что он обозначил как «тезис непрерывности» – превалирующий в западной советологии подход к интерпретации русской революции, при котором сталинизм рассматривается как естественный и даже неизбежный итог революции. Сформировавшееся «поразительное единодушие» в интерпретации проблемы не видело «никаких принципиальных различий, никакого логического несоответствия между большевизмом и сталинизмом, которые в политическом и идеологическом отношении суть одно и то же». С этой точки зрения советская политика до 1929 года представляла «всего лишь как преддверие к сталинизму», а термины «большевик», «ленинец» и «сталинист» были «взаимозаменяемыми».

Коэн профессионально оспаривал упрощенные формулировки и логику такой трактовки советской истории. «Большевизм является гораздо более многогранным политическим движением в плане идеологии, программы, взаимоотношения поколений... чем это обычно признавали наши ученые». Он также указывал на «ошибочность, легко опровергаемую фактами», и других стереотипов, например, о том, что «Троцкий и левая оппозиция были настроены против НЭПа», что они «несли в себе зародыши сталинизма и заложили основы почти всех важнейших пунктов политической программы, впоследствии выполненной Сталиным».

Несколько месяцев назад Коэн сказал мне, что, возможно, эта его работа была даже большим вкладом в изучение советской истории, чем биография Бухарина. К сожалению, сегодня, тридцать пять лет спустя после ее

публикации, лишь очень немногие историки продолжают оспаривать «тезис непрерывности». Как он написал в 1985 году, посчитав все важные вопросы решенными, «советологическая литература увязла в непрерывных повторах и интеллектуальной косности».

В сборнике «Голоса гласности» («Voices of Glasnost») Коэн и его соредактор Катрина ванден Хювел опубликовали интервью четырнадцати ведущих советских реформаторов, которых они расспросили насчет гласности и перестройки. Коэн подчеркивает, что его личный друг Михаил Горбачёв ясно дал понять, что «уроки НЭПа» лежат в основе «обновления социализма». Среди колоссальных препятствий, которые реформаторам надлежало преодолеть, Коэн называет массовую коррупцию, сопротивление антиперестроечников внутри КПСС, раздутый государственный аппарат, насчитывавший 17,7 млн человек, и «практически неработающую» экономику.

Экономическая перестройка Горбачёва была рассчитана на инициативу «снизу» и ориентирована на негосударственный сектор, но, как показывает сборник, конкретных мер предлагала мало. В разговоре с «главным идеологом перестройки» Александром Яковлевым Коэн и ванден Хювел, сославшись на сожаление Горбачёва по поводу пробуксовки экономических реформ, отметили: «Теперь, в конце 1989 года, экономическая ситуация выглядит даже хуже, чем в начале 1985 года, когда Горбачёв и его команда пришли к власти». Эти неудачи заставили осмелеть как сторонников планов приватизации, так и антиперестроечников, ратовавших за возвращение к брежневским временам. По меткому выражению писателя Юрия Бондарева, перестройка была похожа на «самолет, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка».

Коэн и постсоветская катастрофа

После провала реформ и гибели СССР Коэн выступил против сложившейся на Западе оценки постсоветского переходного периода. В книге «Провал крестового похода: Америка и трагедия посткоммунистической России», основанной на серии статей, опубликованных им в 1990-е годы в «The Nation», он оспорил «главную лжеидею американского крестового похода – о переходе России от коммунизма к капитализму и демократии американского типа».

«Крестonosная» трактовка видела в Борисе Ельцине воплощение «радикальных реформ», заверяла, что в стране растёт «средний класс», что неудачи обусловлены «наследием коммунизма» и что положительные результаты реформ не за горами. Сотни высказываний на эту тему ведущих западных экспертов-транзитологов только подтверждают, насколько распространённым был этот взгляд. «Реформы ельцинского правительства произвели на некоторых из них такое оглушительное впечатление, что они их не только поддержали, но и приняли в них (при поддержке американского правительства и финансовых организаций) самое деятельное участие».

Коэн настаивает, что Советский Союз не «распался», а «был уничтожен в результате заговора со стороны Ельцина и его украинского и белорусского союзников» в декабре 1991 года. Он подчеркивает, что в ходе этого маневра были проигнорированы результаты мартовского референдума 1991 года, на котором 77 процентов граждан проголосовали за сохранение Союза, и что в 1992 году 95 процентов экономики России оставались в руках государства. Катастрофа, по мнению Коэна, произошла при поддержке МВФ и администрации Клинтона, один из советников которого пояснил: «Ельцин представляет движение к той России, которая нам нужна».

Получить ту самую Россию предполагалось посредством «шоковой терапии» – или, по выражению Коэна, «шока без терапии» – жесткой бюджетной экономии, похоронившей систему льгот и субсидий советской эпохи, и всеобщей приватизации госпредприятий. Как заявил бывший советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, «экономическая и даже политическая судьба страны, бывшей не так давно грозной супердержавой, сегодня все более зависит от Запада, de facto играющего роль распорядительного директора по банкротству».

Американская политика по отношению к России предусматривала глубокое вмешательство во внутренние дела страны с целью превратить ее в «систему американского типа» для своих граждан и «послушного младшего партнера» в международных делах. Администрация Клинтона одобрила применение Ельциным «особых полномочий» для роспуска парламента в сентябре 1993 года – политический шаг, который даже консервативный историк Ричард Пайпс назвал «неприемлемым на Западе».

Коэн показывает, как накануне президентских выборов 1996 года администрация Клинтона помогла Ельцину получить кредит МВФ на сумму 10 миллиардов долларов для выплаты долгов по зарплате рабочим и как американский Белый дом финансировал все правительства Ельцина, включая выделение денег на первую чеченскую войну 1994–1996 годов.

В августе 1997 года министр финансов и архитектор приватизации Анатолий Чубайс, известный к тому времени как «самый ненавистный человек в России», запустил новый раунд «шоковой терапии», отменив льготы по оплате жилья и коммунальных услуг. Коэн комментирует [словами Михаила Горбачёва]: «Люди не получают свои зарплаты, а правительство собирается поднять им плату за жилье!» Тот же Чубайс получил беспроцентный кредит в 5 миллионов долларов в одном банке, который исполь-

зовал для обретения контроля над крупной нефтяной компанией. Банковская система настолько погрязла в махинациях и теневых сделках олигархов, что один член ельцинского ближнего круга три года спустя признался, что российские банки «никогда не были банками в полном смысле слова».

Но для адвокатов «перехода» развал существовавших институциональных структур не имел значения. Один из них, Юджин Хаски, заявил, что «переход... требует разрушения всего здания» прежнего (до 1992 года) порядка. Историк Ричард Пайпс заметил, что для России «желательно», чтобы «дезинтеграция продолжалась до тех пор, пока ничего не останется от ее старых структур». Ему вторил экономист Ричард Эриксон: «Успешная программа реформ должна быть резко негативной... Она должна быть нацелена на разрушение структур».

Результатом стала крупнейшая распродажа века, кулуарная сделка, где правили бал кумовство и коррупция: «миллиарды долларов» были «розданы Кремлем горстке бывшей советской номенклатуры и новым капиталистам». Лишь малая толика этих средств была инвестирована обратно в экономику, меж тем бегство капитала из России составляло два миллиона долларов ежемесячно.

Коэн показывает, что «транзитологи» проглядели «самое важное в истории России с 1991 года и одновременно абсолютно противоположное» чаемой ими модернизации: «постепенный и неуклонный процесс демодернизации страны».

При этом любые попытки хоть чуть-чуть сменить курс натыкались на активное сопротивление западного капитала.

Когда в конце 1990-х годов премьер-министр Евгений Примаков сделал шаги в направлении политики государственного регулирования и жесткого бюджетного дефицита, МВФ отказал ему в финансовой помощи, но

возобновил ее сразу после скоропалительной отставки Примакова.

В 2000 году половина россиян жила ниже официальной черты бедности, составлявшей всего 45 долларов в месяц, еще 25–30 процентов приближались к этой черте. Репортажи из провинции рисовали картину полного развала инфраструктуры производства, технологии, науки, транспорта, отопления и канализации. Даже люди с высшим образованием были вынуждены заниматься натуральным хозяйством, чтобы прокормиться, и половина платежей в стране производилась по бартеру (в одном городе врачам выдавали зарплату навозом).

«Работы нет совсем... Люди едят собак... В квартирах сломанные туалеты, газа нет, вода течет только в кухне», – сообщал один наблюдатель, а местная жительница добавляла: «Какой двадцать первый век! У нас здесь девятнадцатый». Коэн комментирует: «Начиная с 1991 года российская действительность являла собой пример самого серьезного промышленного кризиса мирного времени в XX веке... нищеты и полунисщеты 75 процентов населения... превращения супердержавы в государство-попрошайку...»

К концу десятилетия, с падением популярности Ельцина в процентном отношении до однозначных чисел, все больше западных наблюдателей принялись пересматривать прежнюю оптимистическую версию событий. Так, московское бюро «Wall Street Journal» в 1999 году пришло к выводу, что играло роль «несколько большую, чем просто проводника пиара для коррумпированного режима». Газета «New York Times» в аналитической статье призналась, что «вся политическая борьба в России в 1992–1998 годах была борьбой между различными группировками за право контроля над государственной собственностью», а демократия и рыночная реформа были ни при чем. А российская проельцинская газета конста-

тировала в 2000 году: «Россия выпала из сообщества развитых стран».

То, что произошло потом, стало предметом исследования еще одного сборника статей из «The Nation» «Война с Россией?» («War with Russia?») – последней и наиболее спорной книги Коэна. Коэн утверждал, что Соединенные Штаты и Запад продолжают вести себя с постсоветской Россией как с «побежденной нацией», подтверждением чему служит провозглашенное президентом Обамой намерение «изолировать путинскую Россию», ведущее к возврату политики холодной войны. США неоднократно, по мнению Коэна, выступали как агрессор, например, в 2014 году, когда в связи с украинскими событиями США и НАТО разместили «тяжелые вооружения и войска у западных границ России».

Коэн считал, что положить конец эскалации должно возвращение к политике разрядки с обоюдным признанием сторонами «сфер влияния», с «красными линиями», за которые стороны обязуются не заходить, и невмешательством во внутренние дела друг друга. Он верил в возможность смягчения внешней политики США без изменения режима и в прекращение «вашингтонского стремления к мировой гегемонии». Но подобное решение проблемы игнорирует более чем вековую историю американского империализма, в том числе 1917 год, когда президент Вильсон финансировал белых генералов, стремясь создать «военную диктатуру», которая отвечала бы американским интересам. Зачем Соединенные Штаты стали бы отказываться от своей победы, которая, как заявил в 1992 году Джордж Буш-старший, была достигнута «милостью Божьей»?

Коэн также утверждал, что путинская аннексия Крыма и вторжение на Украину были «вынужденной реакцией» и «предсказуемым ответом на экспансионистскую политику США и НАТО». Коэн знал масштаб «неприемлемых» политических решений Путина, но предпочел не распро-

страняться о них, а процитировать один экономический обзор, воздающий должное тому, как «умело» Путин распорядился периодом экономического благополучия России.

Однако тридцать четыре года спустя после начала перестройки, если не считать оружия, Россия почти ничего не производит для ставшего за это время более сплоченным и взаимосвязанным капиталистического мира – три четверти российского экспорта до сих пор составляют естественные ресурсы. Чаяния Москвы по поводу европейской интеграции действительно были «отвергнуты Западом» в пользу изоляции России. Но, как отмечает Тони Вуд, аннексия Крыма и вторжения в Сирию и Донбасс были не просто реакцией России на действия Запада, это были попытки вновь утвердить свою «глобальную значимость» как второй из двух главных держав в «гораздо менее стабильном» мире.

В области академической науки, где по-прежнему правит бал серая антикоммунистическая ортодоксия, Стивен Коэн был редким исключением – человеком, принципиально и неизменно занимающим позицию меньшинства или даже одиночки, идущего против общепринятых концепций. Для социалистов, которых интересуют проблемы раннего советского общества, сталинизма и катастрофы постсоветской России, провокационные работы Коэна были и останутся бесценными.

Опубликовано: Jacobin, 5 декабря 2020 г.

Джонатан Стил*

Ученый, специалист по русской истории и политике, Стивен Коэн, умерший в 81 год от рака легких, бросил вызов ортодоксальной западной аналитике в области советской и постсоветской истории. В своей авторитетной книге «Soviet Fates and Lost Alternatives» (2009) он опроверг утверждение, что сталинская тоталитарная диктатура была неизбежным следствием ленинизма и что советская система однопартийного руководства и государственной собственности не предполагала возможности реформ. Он назвал три периода, когда события могли пойти по другому пути, отличному от того, что случилось на самом деле: 1920-е годы, когда споры вокруг новой экономической политики (НЭП), разрешившей частную собственность и частное предпринимательство, привели к кризису в Политбюро; начало 1960-х годов, когда Никита Хрущев инициировал серьезные политические реформы; и 1990–1991 годы, когда в результате реформ Михаила Горбачёва в стране установились смешанная экономика и политический плюрализм, пришедший на смену монополии КПСС на власть.

Своим чувством юмора, низким, хриплым голосом и разбивающими устои аргументами Коэн завораживал поколения студентов сначала в Принстоне, где он за три десятилетия с 1968 года вырос до профессора политики

The Guardian

* Джонатан Стил – британский журналист, обозреватель и писатель. Работает в «The Guardian» с 1965 года.

и россиеведения, а затем в Нью-Йоркском университете (1998–2011).

В 1982–1987 годах под псевдонимом *Sovieticus* он вел персональную колонку в «The Nation», а в последние годы – еженедельную программу на радио, посвященную российско-американским отношениям, в которых видел угрозу новой холодной войны. Он обвинял Билла Клинтона и политиков в Вашингтоне в том, что после прекращения существования Советского Союза они не сумели включить Россию в новый европейский порядок. Вместо этого, движимые духом триумфализма, они принялись расширять НАТО на восток, а Джордж Буш-младший и Барак Обама усугубили ситуацию, разместив на границах России американские системы ПРО.

В 1970–1980-е годы Коэн отличался от других западных специалистов по России тем, что имел друзей как среди советских диссидентов, так и среди московских интеллектуалов-реформаторов. Его книга «Жизнь после Гулага» («The Victims Return») была написана на основе многочисленных интервью с выжившими жертвами сталинских лагерей и их рассказов о трудностях возвращения к свободной жизни.

В условиях дозволенных Горбачёвым свобод после 1985 года Коэн и его жена Катрина ванден Хювел, издатель и главный редактор «The Nation», стали часто и подолгу бывать в Москве и лично познакомились с новым советским лидером. Горбачёв пригласил их в качестве гостей на одно из последних празднований Первомая на Красной площади, и они смотрели парад с гостевой трибуны рядом с Мавзолеем Ленина. В соболезновании по случаю смерти Коэна, присланном Катрине ванден Хювел, бывший советский президент написал: «Он был одним из самых близких мне людей по взглядам, пониманию смысла тех огромных событий, которые произошли в конце 80-х в России и изменили мир. Стив был блестящим историком,

С сыном Эндрю и Сандрой Цанг (будущей женой Эндрю) на Красной площади после выступления по советскому телевидению. 1 мая 1989 г.

человеком демократических убеждений. Он любил Россию, российскую интеллигенцию, верил в будущее нашей страны».

Русский перевод книги Козна 1973 года о Николае Бухарине, выдающемся молодом большевике, отстаивавшем в 1920-е годы идеи НЭПа, позже был опубликован в Москве и пользовался большой популярностью на фоне вновь возникшего интереса к бухаринским идеям либерализации экономики. Горбачёв сказал Козну, что многое почерпнул из его книги.

Дискуссия о новой экономической политике в Советском Союзе оказалась свернута, после того как Сталин взял курс на принудительную коллективизацию сельского хозяйства. Бухарин был арестован и, после долгих допросов и показательного процесса в Москве, расстрелян.

В 1970-е годы, в ходе своей исследовательской работы, Коэн познакомился с вдовой Бухарина, Анной Лариной, и они стали друзьями. Она назначила его своим представителем в работе с архивными документами мужа.

Родившийся в Индианаполисе, Стивен Коэн был старшим из двух детей Марвина Коэна и его жены Рут (урожденной Франд). Марвин Коэн владел ювелирным магазином и полем для гольфа в Голливуде. Стивен пошел в школу в Оуэнсборо, штат Кентукки, затем учился в школе Пайн Крест (Форт Лодердейл, штат Флорида), которую закончил в 1956 году.

Во время учебы в Индианском университете он поехал по программе зарубежного образования в Великобританию, а оттуда – в 30-дневную поездку по Советскому Союзу. Заинтригованный увиденным, он отказался от планов стать профессиональным гольфистом и решил заняться изучением России. Он получил степень бакалавра по экономике и государственной политике (1960) и магистра – по изучению России (1962). В 1969 году он защитил диссертацию об экономических взглядах Бухарина в Колумбийском университете и получил степень доктора философии.

В 1962 году он женился на оперной певице Линн Блэр, но их брак закончился разводом. На Катрине ванден Хювел он женился в 1988 году.

Именно с ранней работы Коэна о Бухарине начался его интерес к темам, ставшим впоследствии центральными в его научной работе: можно ли было реформировать Советский Союз и почему его, в конце концов, не стало. Он не согласился с большинством западных аналитиков, ко-

торые после 1991 года, пользуясь преимуществом ретроспективной оценки, в один голос заговорили о том, что Советский Союз был обречен на смерть. Особенно резко он выступил против той точки зрения, что Советский Союз возник в 1917 году нелегитимным путем и совершил так много преступлений, что никогда не смог бы стать демократией.

Коэн называл себя «парнем из Кентукки», который вырос с представлением о [расовой] сегрегации как о чем-то естественном. Он предположил, что разрыв между исповедуемыми в Советском Союзе идеалами и советской действительностью был сравним с тем, что на протяжении долгого времени был характерен для Соединенных Штатов, которые исповедовали демократию, но мирились при этом с рабством и дискриминацией. Если США смогли измениться, значит, смог бы и СССР.

Оспаривал Коэн и другие утверждения. Тем, кто говорил, что советская система была неререформируемой, потому что правящий коммунистический класс никогда не допустил бы изменений, представлявших угрозу его власти, Коэн отвечал, что главные реформы Горбачёва – введение конкурентных выборов и отмена партийной монополии на власть – были ратифицированы Политбюро, Центральным Комитетом и двумя съездами компартии.

Тем, кто утверждал, что советская система была сметена революцией снизу, Коэн возражал, что в стране не было антисоветского движения таких масштабов. По данным исследований общественного мнения, вплоть до 1991 года многие советские граждане выступали против рыночного капитализма и продолжали поддерживать базовые составляющие советской системы, такие, например, как государственная собственность в сфере крупной промышленности.

Что касается судьбы многонациональной федерации, Коэн утверждал, что еще в ноябре 1991 года во время пере-

говоров с Горбачёвым российский президент Борис Ельцин высказывался в поддержку новой формы Союза. Три недели спустя он пригласил президентов Украины и Беларуси подписать соглашение, декларирующее роспуск Советского Союза. То есть Союз, павший жертвой личных амбиций, был уничтожен в результате государственного переворота, а не рухнул и не развалился.

Последней книгой Коэна стала опубликованная в прошлом году «Война с Россией?» («War with Russia?») – сборник его статей и выступлений на радио за предыдущие пять лет, когда отношения между США и Россией свелись до уровня личных оскорблений. В ней он выступил, по его собственному выражению, как «американский патриот», который хотел бы видеть США и Россию партнерами в деле борьбы с общими угрозами, такими как международный терроризм.

Он с жаром выступал против того, что называл слепой антироссийской истерией и демонизацией Владимира Путина. «В тех трех случаях, которые широко подаются как примеры путинской “агрессии”, везде налицо подстрекательство со стороны Соединенных Штатов», – написал он. Американско-российская прокси-война в Грузии в 2008 году была начата поддерживаемым Соединенными Штатами грузинским президентом, которому пообещали членство в НАТО. Кризис и война на Украине стали результатом многолетних усилий Вашингтона по перетягиванию этой страны в орбиту НАТО, вопреки цивилизационной общности с Россией.

Путинская интервенция в Сирии имела веское основание: необходимо было уничтожить группировку Исламского государства, а Обама отказался принять Россию в антиигиловский альянс.

Коэна часто называли «американским апологетом Путина номер один». Янни Коцонис, коллега Коэна по Нью-Йоркскому университету, подвел итог его жизни иначе:

«Он был одним из очень немногих оставшихся американских публичных интеллектуалов, которые не делали карьеру, поливая грязью Россию или сводя проблему России к противостоянию одного человека и его критиков».

У Коэна остались жена Катрина, дети – Эндрю и Александра от первого брака и Никола от второго, четверо внуков и сестра Джудит.

*Опубликовано 13 октября 2020 г. на сайте газеты «The Guardian»:
<https://www.theguardian.com/education/2020/oct/13/stephen-cohen-obituary>*

Геннадий Бордюгов* Прошлое будущее

Очень трудно сейчас подобрать слова о значении Стивена Коэна для нашей страны и ее истории. Невозможно в полной мере оценить оставленное им творческое наследие, значительная часть которого связана с прошлым СССР / России. Однако не вызывает сомнений, что он всегда следовал ныне немодному этическому максимализму, всегда был верен идеалам, оформившимся в самом начале его пути в менявшейся Америке 1960-х.

* Геннадий Бордюгов – президент Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI).

Тогда он только начинал постигать советскую историю в Университете штата Индиана под руководством профессора Роберта Такера, но в 1980-е готовность постоять за историческую правду ярко проявилась в менявшемся перестроечном Советском Союзе. Именно тогда он создал образец того, как надо писать о прошлом, особенно если оно не обрело консенсуса в общественном мнении и является предметом готового в любой момент вырваться наружу гражданского противостояния. Когда существует такая угроза, историописание не может оставаться лишь пресной реконструкцией былой повседневности – оно превращается в орудие подлинной борьбы за прошлое, а значит – и за будущее.

Творческое наследие Козна фокусируется в трех измерениях. Ретроспективно – о прошлом, или о трагически сорванной перестройке по Бухарину. Синхронно – о Горбачёвском эксперименте и его фатальном завершении. Пророчески – о дне сегодняшнем, когда очередная «объективная целесообразность», «ситуативная неизбежность» и «очевидная безвыходность» грозят растоптать хрупкую и слабую, но вполне реальную альтернативу разгорающемуся пламени новой холодной войны.

Понятно, что отношение Козна к Николаю Бухарину не имеет ничего общего с конъюнктурным и своевременным «освоением» востребованной в годы перестройки темы, которая способна «выстрелить» в наиболее подходящий момент и, следовательно, принести максимально возможные дивиденды ее «открывателю». Можно сказать еще острее: когда в апогее перестройки в СССР вышла книга о Бухарине, концептуальные акценты, которые в ней расставил историк, оказались просто непонятыми в тот период советской истории, когда сценарий и судьба перестройки были наиболее непредрешенными, вариативными, поисковыми. Ведь в то время наше общество не столько задумывалось об альтернативах 60-летней давности, сколько

На презентации книги Стивена Коэна «Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв» в Музее истории ГУЛАГа. Москва, 21 февраля 2011 г. Фото Сергея Щербины

было обуреваемо по-большевистски страстным сведением исторических счетов, поиском виноватых и их обструкции.

Естественно, не обходил Стивен Коэн стороной и горячую тему взаимоотношений палачей и их жертв, но «жизнь после ГУЛАГа» он рисовал все же в ином ключе. Не отказываясь от эмоций, но передавая их через факты и аргументированные суждения. Не превращая эту тра-

гедию целого поколения в повод «пересмотреть» исторический опыт народа и страны, но видя в ней корень политической борьбы в современной России.

Американского историка постоянно волновала проблема гибели советского строя в начале 1990-х. Он считал, что исчезновение СССР было инспирированным, а вовсе не естественным и закономерным. Это еще одна смелая и даже еретическая мысль, прямо противоположная сложившемуся за последнюю четверть века представлению – как среди профессиональных историков и политологов, так и в общественном мнении. Причем любые попытки подвергнуть такое представление сомнению крайне неудобны и нежелательны для слишком многих влиятельных лиц, либо участвовавших в демонтаже советской системы, либо подвигших под него соответствующую легитимацию.

Но Стивену Коэну не привыкать идти против авторитетов – присущие ученому научная смелость и стойкое нежелание действовать в фарватере чьих-то конъюнктурных взглядов объясняются его профессиональной биографией. Он входил в американскую советологию в ту пору, когда она переживала фундаментальную трансформацию и превращалась из идеологического обеспечения Госдепа США в самостоятельную, задиристую, возникшую на волне общепланетарного 1968 года и придерживавшуюся преимущественно левой ориентации отрасль гуманитарного знания.

Исследовательская нетипичность Стивена Коэна сполна проявлялась в его последних статьях и выступлениях об ухудшающихся американско-российских отношениях и о том, как можно остановить сползание в пропасть новой холодной войны. Разве соответствует преобладающим сегодня и на Западе, и в России настроениям одновременно и критическое, и проникнутое неиссякающими надеждами отношение к Дональду Трампу и Владимиру Путину? Если говорить о Трампе, то ответ очевиден. Американского президента все более остервенело шельмовали его оп-

поненты, а друзья и сторонники защищали настолько неуклюже, что лучше бы они этого не делали. Примерно то же самое можно сказать и о президенте Путине, в критике которого демонизация личности давно превзошла все прочие аргументы, а любые попытки рационального объяснения тех или иных политических ходов тонут в хоре хулителей, с одной стороны, и охранителей – с другой. Словом, вокруг обоих мировых лидеров складывалась странная и тупиковая ситуация: в их адрес льются потоки обвинений, но нет серьезной и содержательной критики.

Увы – и в России, и в США крайне мало тех, кто выступал именно с такой критикой. И среди них Стивен Коэн. Более того, историк гораздо более строг и взыскателен к собственному президенту, нежели к российскому лидеру. Он не устал утверждать, что при Путине Россия «взбрыкнула» именно потому, что у нее не было другого выбора. Американские администрации и Клинтона, и Буша, и Обамы, следуя «триумфаторским» курсом, не оставляли попыток сполна воспользоваться победой США в холодной войне, максимально ослабить своего вероятного противника, коим они ни на миг не переставали считать Россию – даже при президенте Ельцине, в эпоху показной дружбы и наигранного доверия между первыми лицами обеих стран.

Какие бы проблемы ни затрагивал Коэн, он никогда не позволял себе опускаться до дешевых приемов заигрывания с аудиторией, вроде прозрачных намеков или легко угадываемых ассоциаций, отступать от святого для любого историка принципа примата источников.

Это достигалось за счет уникального приема трансляции авторского мнения: не передавать некую сумму фактов, но добиваться реконструкции целостной картины, дающей рельефное и чуть ли не тактильное понимание воссоздаваемой реальности.

Он очень любил Россию, болел за нее всей душой и лично участвовал в ее истории. На протяжении почти

трех десятилетий являлся надежным партнером Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), поддерживал важнейший издательский проект – «Первая монография», – который дал путевку в жизнь многим из тех, кто сегодня определяет погоду в российской исторической науке.

Уход Коэна – это невосполнимая утрата для всех, кто болеет за историю нашей страны. Среди наших отечественных историков распространено несколько высокомерное отношение к их зарубежным коллегам: мол, в архивах-то они, может, и делают нужные выписки, но постигнуть таинственные закоулки русской души им не под силу. Возможно, такое суждение и справедливо в отношении кого-то, но только не Коэна, который всю свою жизнь избегал упрощенных оценочных штампов, видел в фигурах, которые изучал, прежде всего людей с их проблемами, радостями и печалью. Историка даже упрекали за излишнюю персонализацию его исследований, которая якобы мешает разглядеть контекст и вписать в него действовавших персон. Иными словами, Коэн и нашу историю изучал слишком по-русски, по-человечески. Историю, которая на всем своем протяжении – от древних славян и до современной России – испытывала явный дефицит человечности.

Мы – друзья, близкие и коллеги Коэна – считаем своим долгом сделать все возможное для того, чтобы его научное наследие не затерялось в нашем непредсказуемом и переполненном заботами о сиюминутном мире. Наша задача – постоянно напоминать и маститым ученым, и только начинающим постигать историю студентам о работах американского русиста, содействовать тому, чтобы они не выпадали из активной историографической мысли. Конечно, наступит время, и многое из написанного им потребует как минимум переосмысления и уточнения. Но это вполне естественный процесс. И Коэн как честный

и принципиальный исследователь был бы только рад такой судьбе своих трудов, которые стали вехой в развитии исторического знания и благодаря этому послужили основой для его дальнейшего накопления и очищения от конъюнктурных шлаков.

В таком отношении Коэна к собственным работам не приходится сомневаться, потому что он не просто был великим историком, но испытывал за прошлое буквально личную ответственность, будто сам творил его, а не только рассматривал и анализировал со значительной дистанции. Такому подходу к своему труду и его результатам можно и нужно учиться.

Опубликовано: Новая газета, 21 сентября 2020 г.

Дорогая Катрина!

Прими мои искренние соболезнования в связи с кончиной Стива. Он был одним из самых близких мне людей по взглядам, пониманию смысла тех огромных событий, которые произошли в конце 80-х в России и изменили мир. Стив был блестящим историком, человеком демократических убеждений. Он любил Россию, российскую интеллигенцию, верил в будущее нашей страны. Я всегда считал Стива и тебя своими настоящими друзьями. В Перестройку и все следующие годы я чувствовал ваше понимание и неизменную поддержку. Благодарю вас обоих. Дорогая Катрина, глубоко сочувствую твоему горю, скорблю вместе с тобой и Никой. Светлая память Стиву.

*Обнимаю,
Михаил Горбачёв
19.09.2020 г.*

День рождения Стива. «Новая газета», 2013 г. Фото Сергея Щербины

* * *

Согромным сожалением я узнал о кончине Вашего мужа. Выдающийся ученый, профессор Принстонского и Нью-Йоркского университетов, доктор Стивен Коэн многое сделал в области изучения и объективного изложения важнейших событий российской истории XX века. Благодаря своим работам он обрел известность и уважение в научном сообществе и внес значительный вклад в развитие американской и мировой исторической науки. Профессор Коэн был заслуженно награжден за свои достижения российским орденом Дружбы, а также отмечен другими знаками профессионального и публичного признания. Своей преподавательской, публицистической и общественной деятельностью, направленной на сохранение исторической правды,

Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров вручает Стивену Коэну орден Дружбы. Зал приёмов МИД РФ. 19 марта 2009 г.

он снискал широкое уважение. Он прилагал все возможные усилия, чтобы помочь снизить международную напряженность и найти способы улучшить отношения между двумя великими державами – Россией и США. Пожалуй-ста, примите мои слова соболезнования и сочувствия.

*Сергей Лавров
19 сентября 2020 г.*

* * *

Дорогая Катрина!

Я очень сожалею о твоей утрате и о том, что тебе приходится переживать такие тяжелые утраты: сначала твоя мать, теперь Стив. Поэт Эд Хирш сказал, что мы несем эти утраты как мешок с цементом на плечах, и тяжесть твоего мне даже трудно представить. Я впервые столкнулся со Стивом в Принстоне и с тех пор, похоже, только и делал, что учился у него, спорил с ним, спорил о нем. Помню даже, как играл с ним в баскетбол в Москве – он и на площадке был на виду. Его глубокое понимание советской истории и советского режима, позволившее ему увидеть в них способность к изменению, как и его научная и человеческая приверженность инакомыслию вовне и даже внутри режима – не говоря уже о его ранней, провидческой оценке Горбачёва как фигуры огромной прорывной способности, – это всё вещи, которые я глубоко усвоил. И даже если в чем-то мы с ним в последующие годы разошлись, я это тоже ценю. Но для тебя, конечно, это всё неизмеримо больше – целая вселенная, не меньше. Катрина, я желаю тебе дней полегче – тебе и твоей дочери, – дней хорошего здоровья, утихающей боли и большой любви.

Дэвид

21 сентября 2020 г.

Дэвид Ремник – известный американский журналист и писатель, главный редактор журнала «The New Yorker»; в конце 1980-х – начале 1990-х годов – московский корреспондент газеты «The Washington Post».

* * *

Писать трудно, потому что трудно представить, что тебя, Стив, больше нет с нами. Казалось, что такое не может случиться, что ты будешь всегда, что мы всегда будем интересоваться твоим мнением по тому или другому поводу, спорить, соглашаться и не соглашаться, но понимать, что и нас, и Россию ты любишь, а мы очень любим тебя. В 74-м мы получили твою книгу о Бухарине, и никому тогда даже в голову не могло прийти, что мы когда-нибудь сможем познакомиться с ее автором. И вот в 75-м, 45 лет назад, ты буквально ворвался в нашу жизнь, в жизнь нашей семьи, тогда, когда в нашей стране общаться с иностранцами было опасно. Для мамы ты практически стал еще одним сыном, а для нас – братом, для наших детей – дядей Степой! А после появления твоей книги на русском языке мама скажет: «Он приоткрыл крышку гроба Бухарина!» Мы вместе радовались перестройке, реабилитации Бухарина, появлению маленькой Ники. Все эти годы и в горе, и в радости ты был с нами, а когда мамы не стало, где-то в глубине души была мысль, что у нас еще есть Стив! Это ты нас всех собирал, когда вы с Катей, а потом и с Никой приезжали в Москву. И даже сейчас, когда я и Эка живем не в России, мы все равно старались прилететь в Москву тогда, когда туда прилетали ты и Катя. И вот теперь тебя нет. И с этим как-то теперь придется жить и Кате, которая была тебе любящей женой и верным другом, и Нике, и Дасти, и Эндрю, и твоим внукам. И нам! И думаем, даже не согласным с тобой! Они потеряли достойного оппонента! И если бы мы были верующие люди, то точно бы знали, что «где-то там» тебя ждут и мама, и Бухарин, и Юра, и еще много твоих и наших общих друзей, которые тебя любили и которых уже нет с нами. А мы тебя любим и будем помнить, будем всегда задаваться вопросом: «А что бы сказал Стив по тому или иному поводу?»

*Семья Анны Лариной-Бухариной
с огромной благодарностью за все*

IV

Наш Юра

Надежда Ажгихина

Недолгое время вместе

Когда мы только познакомились, Юра сказал, что его убьют за то, что он пишет. Это звучало дико. Шел 1984 год, журналистов в СССР могли уволить, могли вообще никуда не брать на работу, могли даже посадить. Но убивать – нет. Я не поверила.

Мы познакомились в компании у общих друзей. Тогда, в последние годы «застоя», встречи друзей были важнейшей составляющей частью жизни интеллигенции, своего рода альтернативой строго регламентированной и насквозь фальшивой и лицемерной официальной жизни. Замечательный историк, который стал нашим близким старшим другом, Натан Эйдельман, часто говорил: «Макромир ужасен, но микромир прекрасен!»

Эта фраза могла бы стать ключом к пониманию всей поздней советской жизни, по крайней мере, после XX Съезда партии, осудившего сталинские репрессии и наметившего первую советскую демократизацию. «Шестидесятники», поколение, вдохновленное «хрущевской форточкой», «оттепелью», взалхлеб общались, дискутировали обо всем, часто в малогабаритных городских квартирах, ночами, пока дети спали, на кухнях (тоже, кстати, достижение Хрущёва, который построил дома с отдельными квартирами и расселил сталинские коммуналки, где, как пел Высоцкий, «на сорок восемь комнаток всего одна уборная»).

Формировалась особая субкультура, о которой уже позднее, в перестройку, много писали, а поэт Юлий Ким сочинил пьесу, она при Горбачёве шла на сценах многих театров.

На этих кухнях спорили обо всем – об истории России, о мировых проблемах, о литературе и о сегодняшнем дне, тут рождались замыслы будущих художественных проектов и концепции будущего, свободного и прекрасного, в наступление которого, пусть это будет нескоро, романтики «оттепели» свято верили. На самом деле «шестидесятники» были поколением надежды. Они как будто предвидели перемены, и неслучайно многие из них стали «архитекторами перестройки» в эпоху Горбачёва. И сам Михаил Сергеевич, несомненно, был плоть от плоти этого удивительного поколения.

Знак времени – ночные посиделки, «квартирники», где читали стихи поэты, которых отказывались печатать советские литературные журналы, чтение – до утра – вслух запрещенной советской цензурой литературы – Солженицын, Зиновьев, Войнович, песни на стихи Бродского, конечно, Окуджава, Галич, Высоцкий...

Юра с гитарой у друзей – этот образ сохранили в памяти многие, кто его знал и любил.

Он был моложе «шестидесятников», своих старших друзей и учителей, был их как будто бы младшим братом. Он воспринял все главные качества и основные постулаты веры этого поколения, вся его работа журналиста, сценариста, драматурга – продолжение «шестидесятничества», развернутого в новых условиях, в новых быстро меняющихся реалиях.

В фильме, который к его сорокалетию снимало французское телевидение, он говорил про свое поколение: «Мы опоздали к хрущевской оттепели, мы понимали, что нам не на кого надеяться, государство нам не поможет, оно будет только мешать, и нам важно было не потеряться,

«Квартирник». Юлий Ким в центре. <http://filial.shpl.ru/wp-content/uploads/2016/05/мето.jpg>

не спиться, не пропасть...» Круг друзей, «команда», как он часто говорил, помогали противостоять холодному лицемерию официальной жизни. Но не только. «Команда» – это был и круг единомышленников, спаянный незримыми узами, отряд тех, кто стремился изменить жизнь, завершить не законченную во время оттепели десталинизацию, рассказать правду о нашем прошлом и настоящем, заменить заскорузлые идеологемы и пустые лозунги на реальное уважение к личности, справедливости, свободному творчеству...

Журналистика, как и вся культурная и интеллектуальная жизнь позднего советского периода, была совсем не однородной серой вязкой массой, как иногда говорят.

Философ Михаил Капустин в опубликованной в годы перестройки книге «Конец утопии» писал о трех культурах в позднем СССР (полемизируя с Лениным, который указывал на две культуры в буржуазном обществе – культуру эксплуататоров и культуру эксплуатируемых). Первая – «культура автоматчиков», идеологический мейнстрим, вторая – альтернативная – «диссидентская», вне закона в СССР, и третья, самая многочисленная и на самом деле наиболее продуктивная – балансирующая между цензурными рамками и жаждой правды. Большинство писателей и художников позднего советского времени, работавших в СССР, принадлежали именно к этой, третьей культуре и, следуя многовековой российской традиции, преодолевали цензурные ограничения прежде всего художественными средствами. Умение писать и читать между строк – важнейший навык российского и советского культурного пространства. Этот навык приходит на помощь и сегодня.

Журналистика советского времени представляла ту же триаду. Официальные партийные издания, прежде всего газета «Правда», радио и ТВ, информационные агентства, представляли «культуру автоматчиков», защищая власть и ее идеологию, альтернативой выступали диссидентские издания типа «Хроники текущих событий» в СССР и эмигрантские издания, такие как «Посев», русские службы западных радиостанций. И параллельно с ними в советской прессе развивалась «третья журналистика», вдохновленная идеями «оттепели» и демократизации, и лучшие перья страны, кумиры миллионов, развивали и дополняли основные идеи «шестидесятничества», воспитывая у читателя уважение к человеческому достоинству, правде, справедливости. Они писали о научном поиске и воспитании школьников, о природе и путешествиях, о культуре и истории, о конкретных случаях попрания справедливости,

В «Литературной газете». 1979 г.

в которых читатель немедленно узнавал более широкую картину. Парадоксально, но именно на закате СССР, в конце 1970-х – начале 1980-х, советская журналистика, тотально подцензурная, явила ярчайшие образцы профессионального мастерства и фактически подготовила аудиторию к принятию идей перестройки. Флагманами этого мощного движения стали прежде всего «Литературная газета» под руководством Александра Чаковского, «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», литературные журналы «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Смена», «Иностранная литература»... Их тиражи исчислялись миллионами, каждая советская семья тогда выписывала несколько изданий, национальных и местных. И во многих региональных и местных изданиях также прорывались свежие голоса. Происходило все это прежде всего за счет «человеческого фактора». Многие

С Юрием Ростом в «Литературной газете». 1979 г. Фото Юрия Феклистова

главные редакторы сами принадлежали к «шестидесятникам» и использовали свое положение, часто рискуя, для расширения границ свободы. «Литературная газета» была знаменита не столько литературной первой тетрадкой (достаточно официозной), сколько материалами лучших писателей и публицистов об обществе, где публиковались судебные очерки, очерки нравов, обсуждались проблемы образования, личного выбора, и выводы этих публикаций не имели ничего общего с официальной точкой зрения.

Юра принадлежал именно к этой, «третьей журналистике», с самых первых дней.

Первая его заметка в газете вышла, когда ему было 14 лет. Она называлась «Я леплю». О том, как воссоздал из пластилина сражение русских войск с Наполеоном в 1812 году, руководствуясь литографиями из исторических книг. Лепить, кстати, он начал во время школьных каникул у родственников в Тамбовской области, в городке

Уварово, бывшей столице крестьянского восстания против советской власти 1920–1922 годов, жестоко подавленного, но тем не менее положившего конец «продразверстке» – тотальному ограблению крестьян. Многие женщины в Уварове еще помнили те годы, и их воспоминания разительно отличались от официальной версии событий, изложенной в учебниках. Интерес к истории сопровождал его всегда и вылился в материалы, которые стали событиями уже в перестройку.

«Московский комсомолец» в конце 1960-х был настоящим рассадником либерализма, здесь собирались поэты и молодые ученые, бурлили дискуссии. Об этом удивительном мире и его героях Леонид Жуховицкий написал роман, ставший, как бы сказали сегодня, культовым – «Остановиться, оглянуться». Название, ставшее «мемом», – строчка из стихотворения Александра Аронова, который посвятил несколько стихов и Юре... Юра начал работать там в 17 лет, писал о подростках, о проблемах взросления, о конфликтах в молодежной среде. Вскоре, в 1972-м его позвали работать в главную молодежную газету страны – «Комсомольскую правду», где также задавали тон «шестидесятники» – Инна Руденко, Ярослав Голованов, Валерий Аграновский, Лидия Графова, Юрий Рост... Он стал лидером уникального отдела, страницы для подростков «Алый парус», название пришло из известного романа Александра Грина. Алый парус – этот символ надежды и мечты. Эта страничка полностью состояла из заметок самих подростков, что было невероятной новацией. Идея дать слово детям принадлежала писателям и педагогам Симону Соловейчику и Ивану Зюзюкину, «шестидесятникам», которые считали, что личность подростка достойна уважения, что подростков надо учить внутренней свободе, что в корне противоречило официальной концепции СССР, согласно которой ребенок был просто объектом воспитания. Щекочихин, став «капитаном «Алого паруса»,

Иван Зюзюкин (слева) и Семен Соловейчик. 1963 г. <https://cf3.ppt-online.org/files3/slide/o/oGiTXEeZid6mtnMD4w9L7HQoIaOJRhzrsplfCB/slide-9.jpg>

АМБИГАРУС

ПОМОГИТЕ РАЗОБРАТЬСЯ

ПРО АЛИКА И ЕГО ЛИНИЮ

ПОЧТАГАДА в каждой семье в журнале сидит амбигагарус, который часто и нем во дворецходит в почтовой почте его не будет. Далеко, где Аликa выключила свет.

В прошлом году выключила для нее последние световые год. Шава вышла из комнаты в рубаш и жакет. На последнем выключке загорелась желтая лампочка. Про Аликa сказала, что ее никак справиться, тоже лампочка, выключатель, тоже лампочка, выключатель. Все верно, он такой. И все же не такой. Мало знакомой на обычная рубашка.

Рубашка выключила выключатель, который бы не уронил, выключил выключатель, который бы не уронил, выключил выключатель. Аликa выключила в будничном выключателе, который бы не уронил, выключил выключатель. Аликa выключила в будничном выключателе, который бы не уронил, выключил выключатель. Аликa выключила в будничном выключателе, который бы не уронил, выключил выключатель.

На вид в будничном выключателе Аликa выключила в будничном выключателе, который бы не уронил, выключил выключатель. Аликa выключила в будничном выключателе, который бы не уронил, выключил выключатель. Аликa выключила в будничном выключателе, который бы не уронил, выключил выключатель.

ПОЧТА «АЛ»

Дружба за 34 копейки

Про дружбу и любовь, которые приходят к нам в жизни, мы знаем много. Но дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым.

Мы знаем много о дружбе, но дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым.

Мы знаем много о дружбе, но дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым.

Когда ты с

КОГДА в жизни в жизни, ты и твои друзья. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым.

Мы знаем много о дружбе, но дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым.

Мы знаем много о дружбе, но дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым. Дружба — это такое чувство, которое не может быть забытым.

насытил разговор молодых с молодыми острыми социальными проблемами, такими, как социальное неравенство, насилие в семье, суицид, подростковая преступность. Он открыл первую в стране «горячую линию» для «трудных подростков», куда дети из неблагополучных семей или находящиеся под наблюдением милиции могли позвонить и рассказать о себе или попросить помощи. И газета иногда помогала реально!

Надо сказать, что по тогдашнему законодательству власти обязаны были реагировать на выступления прессы и даже на письма из редакции после жалобы в газету, и журналистам довольно часто удавалось помочь попавшему в беду, восстановить справедливость и даже иной раз добиться освобождения из мест лишения свободы. Именно поэтому авторитет журналистов был чрезвычайно высок, письма в центральные газеты приходили ежедневно сотнями и даже тысячами, журналистам верили больше, чем партийным и советским органам власти.

В 1980 году, вслед за товарищами и единомышленниками Юрием Ростом, Нелли Логиновой и Лидией Графовой, переходит в «Литературную газету», работает в отделе морали и права, вместе с Евгением Богатом, Аркадием Ваксбергом. Он, уже известный журналист, автор исследований и судебных очерков о подростках, на основании материалов публикаций пишет пьесы в семинаре молодых драматургов под руководством Михаила Шатрова... Центральный молодежный театр (сегодня это Российский академический молодежный театр) решил поставить пьесу Юры о подростках, даже попросил написать ее на основании нескольких очерков. Она называлась «Ловушка номер 46, рост второй» (это размер американских джинсов, мечта бедных подростков,). Пьесу несколько месяцев не пропускала цензура. Потом она стала событием. Режиссер Валерий Рыбарев снимает по сценарию Юры фильм «Меня зовут Арлекино», который становится знаком времени вместе с фильмом Василия Пичула «Маленькая Вера».

Известный документалист Евгения Головня вместе с Юрой снимает фильм «Лимита, или четвертый сон», который вместе с фильмом Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?» поднимает острейшие темы молодежи.

Щекочихин становится одним из самых узнаваемых лиц «Литературной газеты», его главные темы – защита прав человека, подростка или взрослого, и коррупция. Однако далеко не все его статьи и очерки выходят в печать, в 1984, когда мы познакомились, его не печатали восемь месяцев.

Все изменилось с приходом Горбачёва. Еженедельники – «Литературная газета», «Огонек», «Московские новости» – стали авангардом дискуссии о путях развития страны, знаменем освобождения от наследия сталинизма и идеологического гнета.

В июле 1988 года Юрий опубликовал очерк «Лев прыгнул», в котором впервые в советской печати рассказал о существовании организованной преступности и мафии в СССР. Публикация стала настоящей бомбой. Собеседник Юрия, молодой криминолог Александр Гуров, ожидал ареста, хотя не разглашал никакой закрытой информации. Газету прочел Горбачёв, публикация ему понравилась, и вскоре он распорядился создать новый отдел по борьбе с коррупцией и организованной преступностью в Министерстве внутренних дел СССР.

Юрий стал самым знаменитым журналистом страны, в редакцию каждый день приходили зарубежные корреспонденты взять интервью. Одним из первых был шеф московского бюро американского журнала «Тайм» Джон Кохан, который стал близким другом Юры. Хорошо помню первое появление Джона у нас дома, они пришли из редакции с Юрой вместе, мы долго сидели за столом, уложили маленького сына, потом Джон вместе с Юрой пошли покупать водку у таксистов (в разгаре была кампания по борьбе с пьянством, спиртное не продавали после

С сыном Дмитрием. 1989 г.

17 часов), потом он остался ночевать у нас на диванчике. Это был первый американец, с которым я познакомилась, и Джон разбил совершенно все мои прежние представления об американцах как сухих, чопорных и некомпанейских людях. Джон был славист, прекрасно говорил по-русски, писал о Солженицыне, потом они вместе с Юрой ездили в Тамбовскую область, где Юра провел детство, вместе писали репортаж, который стал первым журналистским совместным российско-американским проектом... Дом Джона на Кутузовском проспекте до самого его отъезда из Москвы был местом встречи друзей, тут бывали Питер Устинов и главреж Центрального детского театра Алексей Бородин, артисты «Современника», «Табакерки», художники, журналисты, ученые... Здесь я познакомилась с Катей Непомнящей, подругой Джона по Браунскому университету, и наша дружба продлилась вплоть до безвременной смерти Кати в 2015 году, мы вместе провели три августовских дня путча в Москве в 1991, придумывали конференции и проекты, в Нью-Йорке, где Катя преподавала в Колумбийском университете и восемь лет руководила Институтом Гарримана, и в Москве...

Нас приглашают на День благодарения в Спасо Хаус, резиденцию американского посла, в числе очень немногих русских интеллектуалов. Потом эти встречи становятся регулярными – совершенно невероятно! Джек Мэтлок – потрясающий собеседник, они потом много разговаривали.

Мы встречаемся с Дэвидом Ремником и другими американскими журналистами, Юра едет в США в составе первой российской делегации политиков и общественных деятелей...

Встречи в США с конгрессменами, с бывшими и действующими президентами... Каждый раз в Нью-Йорке Юра заходил к Кате и Славе Непомнящим, к Кэрол и Брюсу Юланд...

Фото Владимира Богданова. 1990 г.

Со Стивеном Коэном и Катриной ванден Хювел у них сложились особые отношения, с первого дня знакомства. Тема сталинских репрессий – и альтернативного взгляда на возможности социалистического проекта – Юре всегда была интересна. Но главным, конечно, была личная симпатия, ощущение душевной и духовной близости...

Он писал в «Литературной газете», а потом в «Новой газете» об американской организованной преступности, ее связи с русской, об американских «копах», о политических коллизиях двух стран и международной политике.

Юра продолжает писать о коррупции, после его публикаций открывают громкие дела и освобождают из мест заключения оклеветанных, но не только. Его волнует история, он первым в национальной прессе пишет о расстреле рабочих в Новочеркасске в 1962 году, о расстреле польских офицеров в Катыни, публикует расследования о сфабрикованных КГБ СССР делах против диссидентов... Его главные герои – те, кто противостоит мафии, беззаконию и унижению человеческого достоинства – это следователи, педагоги, ученые, механик Одесского пароходства, солдат-срочник, одноклассники погибшего подростка, правозащитники...

В 1989 году рабочие военного завода в городе Ворошиловграде на востоке Украины решили выдвинуть журналиста Щекочихина кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР как альтернативу партийному боссу города. Это были первые частично свободные выборы, когда часть кандидатов могли выдвинуть граждане. Юра до этого никогда не был в Ворошиловграде. Он приехал и буквально влюбился в молодых инженеров, которые его выдвигали. Кампания за выборы Щекочихина всколыхнула весь город, вокруг него объединились журналисты и рабочие, пенсионеры и студенты – все те, кто хотел обновления и верил в перестройку. Юра выиграл выборы и стал депутатом Верховного Совета СССР. Вошел в Межрегиональную

депутатскую группу, парламентскую оппозицию, вместе с Андреем Сахаровым и многими другими. За полтора года депутатства, до исчезновения СССР, он успел добиться возвращения городу исторического имени Луганск, реабилитировать многих жертв репрессий сталинской поры, принять участие в решении проблем десятков людей. Среди реабилитированных были две женщины, выведенные под своими именами в знаменитом романе Александра Фадеева «Молодая гвардия», как предательницы молодогвардейцев, отважных борцов с фашизмом в период оккупации. Предательницами они не были, Фадеев просто воспользовался справкой НКВД, в которой были, как позже выяснилось, ошибки. После романа обе провели долгие годы в ГУЛАГе. Дочь одной из них, Ольги Лядской, журналистка и поэтесса Елена Бондаренко, стала активисткой Юриного штаба. О судьбе обеих я писала в «Огоньке», встречалась с ними, мы с коллегами из ТВ2 в 2019 году успели записать последнее интервью Лядской, вскоре она погибла от ковида.

Люди, работавшие в те годы с Юрой в Ворошиловграде, сегодня живут в Киеве, Одессе и Луганске, их разделяют не только расстояния и границы, но и линия фронта, они по-разному смотрят на происходящее. Мы снимали их для фильма о Юре в 2017 году, и все они одинаково светло вспоминали годы надежды и веры в то, что люди могут изменить жизнь к лучшему, что от них многое зависит. И многие задавали вопрос: что тогда сделали неправильно? Почему не удалось?

В 1991 году, после путча, Юрий становится членом редколлегии «Литературной газеты». Он берет первое интервью у Горбачёва после его отставки, и сохраняет особые отношения с ним вплоть до самой смерти первого и последнего президента СССР. В «Литературной газете» Юра открывает еще одну «горячую линию» для стукачей. Тех, кто писал доносы на знакомых и незнакомых людей. Тема

Интервью. Фото Владимира Богданова, 1990 г.

доносов – больная для СССР, доносы со сталинских времен стали одним из главных инструментов террора против инакомыслящих и просто граждан. Материалы, полученные «горячей линией», публикуются в газете, изнанка стукачества, его субкультура, неотделимая от советского прошлого, препарируется в комментариях. Позже Юрий выпустит книгу «Рабы ГБ. Религия предательства», основанную на материалах «горячей линии». Эта книга сегодня также читается как вполне актуальная.

В 1995 году Юра принимает предложение партии «Яблоко» и становится депутатом Государственной думы второго созыва от фракции «Яблоко», в 1999-м снова избирается, становится заместителем председателя Комитета ГД по безопасности...

Август 1991 года. Фото Юрия Феклистова

В 1996 году Юра становится заместителем главного редактора «Новой газеты», которую создали его друзья и ученики. В газете он продолжает все те же темы – безопасность, коррупция, права человека, постоянной темой становится Чечня. Он ездит в зону конфликта, участвует в освобождении пленных. Потом эти материалы войдут в книгу «Забятая Чечня».

Отвечая на вопрос, почему он, опытный и профессиональный журналист, решил пойти в политику, Юра сказал: «Мы пишем, пишем, но ничего не происходит. Нужны и другие средства». Авторитет депутата, запрос депутата стали этим средством. Обо всём он писал в газете.

Было ли это совмещение конфликтом интересов? Коллеги в партии и в редакции считают, что нет. Реальная политика присутствовала на страницах «Новой». А Григорий

С Глебом Якуниным (в центре). 1989 г. Фото Владимира Богданова

Явлинский вспоминает, что Юра с самого начала объяснил ему, что он «прежде всего журналист, а потом уже все остальное». Международная федерация журналистов, кстати, в середине 1990-х признала возможным для журналистов в странах, переживающих трансформацию, участие в политических процессах...

В начале 1990-х Юра принял участие в создании американско-российского журнала «Демократизация», посвященного событиям в Евразии и их осмыслению в России и США.

Юра активно сотрудничает с Интерполом, его интересуют пути международной организованной преступности. Торговля женщинами. Американские связи российских коррупционеров. Злоупотребления в армии, в других силовых структурах. Вместе с коллегами не раз посещает

Перед зданием Государственной думы. 2000 г. Из семейного архива

Италию, пишет об опыте вовлечения гражданского общества на Сицилии в борьбу с мафией, предлагает использовать этот опыт в России. Его беспокоят авторитарные тенденции в обществе. Он добивается начала многих резонансных уголовных дел.

Летом 2003 года Юра внезапно заболевает и вскоре умирает, не приходя в сознание, от редкой болезни. Не состоялась поездка в США на встречу с американскими коллегами, остались незавершенными несколько расследований.

Дело о смерти депутата и журналиста генеральная прокуратура открывала несколько раз. У родных и близких осталось много вопросов...

О смерти Юры сняты телепередачи, написаны воспоминания друзей. Она остается одной из самых страшных загадок ушедшей эпохи.

Наша совместная семейная жизнь с Юрой была недолгой. Политика все больше занимала его полностью, не оставляя места ни для чего другого. Но мы стали друзьями и остались единомышленниками. В последние недели Юра неожиданно заинтересовался моим феминизмом, предложил сделать международную конференцию женщин-политиков, которые борются за прекращение конфликтов. Тема мира для него была особенной, война в Чечне и ее последствия стали для него настоящей болью. А главная его мечта была – как продолжение юношеского романтизма периода «Алого паруса» – соединить детей воюющих отцов. Чтобы они плыли вместе на корабле по Черному или Средиземному морю, недели, месяц, узнали и слышали друг друга и чтобы, вернувшись, сделали невозможными новые войны.

Михаил Горбачёв

Несколько слов к читателям книги Юрия Щекочихина*

Автор книги известен и интересен мне как журналист и писатель яркого гражданского тёмперамента. Его привлекают самые острые проблемы отношений между гражданином и государством, между человеком и государственной машиной. Надо ли доказывать, насколько актуальна эта тема: до сих пор не преодолено колоссальное отчуждение граждан от власти, и только-только – всего лет десять – двенадцать назад – наши люди начали ощущать, что такое свобода слова, свобода выбора, многие другие жизненно важные человеческие и гражданские права.

Всё, о чём пишет Юрий Щекочихин, он пропускает через сердце, неравнодушное к несправедливости, произволу бюрократа-чиновника, к тоталитарной системе в целом. Смело и с ходу затрагивая самые болезненные моральные проблемы общества, автор не всегда удерживается на грани объективности. Да, впрочем, всё его творчество и не претендует на бесстрастность аптекарских весов. Он пристрастен: в противостоянии человек – власть, гражданин – государство журналист и писатель Щекочихин целиком и решительно на стороне человека и гражданина.

Понимает ли автор, что государство – даже самое демократическое – обязано защищать государственные интересы, в том числе и с помощью спецслужб? Надеюсь,

* Рабы ГБ. XX век. Религия предательства. – М., 1999.

понимает. Все дело в том, чтобы государственные органы уважали права каждого гражданина. Это их конституционная обязанность.

И еще: жизненно важно укреплять веру людей в то, что честь, достоинство, совесть человека и гражданина способны в конечном счете выстоять перед насилием, запугиванием, подкупом, предательством и ложью.

Я думаю, Юрий Щекочихин – из тех авторов, которые умеют привлекать к этим проблемам внимание многих читателей, для которых небезразлична возможность нормальных человеческих отношений в России, доверия между обществом и властью, между людьми, в конце концов.

Скорее всего, эта книга вызовет споры, возможно, и протесты, полемику (я, кстати, не во всем согласен с автором, когда он затрагивает те или иные конкретные персоналии). Но уверен: такие споры, такая полемика пошли бы на пользу становлению гражданского сознания, прояснению совести нашего общества, оздоровлению наших государственных институтов, в чем мы все так остро нуждаемся.

6 апреля 1999 г.

Джон Кохан*

Путеводитель по абсурду и надежде

Если бы я мог придать человеческое лицо тому, что называлось гласностью, это было бы, вне всякого сомнения, лицо Юрия Щекочихина. Его жизнь и работа лучше всего отражают тот исключительный и волнующий период новейшей русской истории.

Окончание гласности – и внезапная смерть Юрия – наполнили меня чувством глубокой утраты. Вместе с тем, нахлынули воспоминания об ушедшем времени, на которое пришлось и лучшая пора моей двадцатилетней журналистской карьеры.

Впервые я встретился с Юрием вскоре после того, как стал работать шефом московского бюро журнала «The Time», летом 1988 года. Готовя текст об организованной преступности в Советском Союзе, я наткнулся на статью в «Литературной газете». Она называлась «Лев прыгнул», ее написал журналист Юрий Щекочихин, и она наделала в Москве большой шум.

Я связался с Юрием, и он согласился на интервью. Я был очень доволен нашей беседой, тщательно проверил все факты и отредактировал. Затем, к своему ужасу, увидел то, что вышло в журнале. Прекрасная цитата Юрия в заключительном абзаце была приписана Михаилу Горбачёву затуманенными глазами ночного нью-йоркского дежурного, который сокращал верстку. Я немедленно позвонил Юрию – объяснить, сказать, что это, наверное, моя самая грубая ошибка. В своей манере Юрий начал хихикать, и мы вскоре подружились.

* Шеф московского бюро журнала «The Time» в 1988–1996 гг.

Интервью для журнала «The Time» с Джоном Коханом. Фото Владимира Богданова

Юрий стал моим главным гидом и спутником сквозь все загадки, абсурды, двусмысленности и прочие обстоятельства эпохи перестройки. Он бесконечно наслаждался новыми свободами для журналистов, он знакомил меня с людьми, местами, долгое время остававшимися совершенно недоступными для западных корреспондентов, работавших в СССР.

Самое памятное наше журналистское «совместное предприятие» привело нас на Юрину родину, в Тамбовскую область, зимой 1989 года. Мы решили написать параллельно мои и его впечатления об изменениях в провинции – для специального номера «Тайм», посвященного СССР периода Горбачёва. Это был, насколько мне извест-

но, единственный опыт подобного кросс – культурного репортажа. Я не мог не улыбнуться тому, что местные власти значительно больше опасались репортажа Щекочихина из «ЛГ», чем американского журналиста: такова была репутация Юрия!

Юрий был не только великолепным журналистом, он обладал величайшим обаянием и чувством юмора. И редким даром собирать людей вокруг кухонного стола...

Наши отношения стали прохладнее, когда он решил пойти в политику. Американским журналистам вроде меня это доставляло определенный дискомфорт, наводило на мысли о конфликте интересов...

...Кто победил в нём, член парламента, облеченный властью и полномочиями или журналист, которого ноги кормят? Мне было не до сомнений. Я знал, что он служит только правде.

«Нормальный» – это определение меньше всего для него подходило. Было в нем что-то, указывающее на иное время, место и понятие чести.

Теперь, когда благодаря кинематографической версии «Властелина колец» Толкиена создалась новая мифология нашего постиндустриального времени, я бы попытался назвать Юрия русским Бильбо Беггинсом, – с его любовью к приключению, мужественными поступками и верностью написанию хроник.

Увы, герои таких агиографических историй обычно заканчивают мученически.

Так и произошло с Юрием.

Кэрол Юланд*

Настоящий журналист

Наше знакомство с Юрием началось в восемьдесят девятом году. Я была в Москве вместе с моей коллегой Катерин Непомнящей, профессором Колумбийского университета. Мы познакомились с Юрием и Надей на вечеринке в день рождения Нади. Юрий пел и играл на гитаре. На следующий день мы с Катей встретились с Юрием в офисе «Литературной газеты» и долго разговаривали обо всем, что происходит в Советском Союзе того времени, и о Штатах. После первой встречи мы виделись или в Москве или у нас в Нью-Йорке. Юрий часто получал приглашения от государственных фигур, в том числе от Колина Пауэрлла.

Во-первых Юрий был настоящий журналист: он интересовался всеми общественными проблемами и всегда поднимал глубочайшие проблемы и задавал очень точные вопросы. Он всегда хотел узнать, как американцы понимают то, что происходит в России. Я смотрела все фильмы о Юрии, которые были сделаны Надей с коллегами, и каждый раз я всё больше понимаю его работу и тот вклад, который он внес в развитие свободной прессы в России. Мы, американские слависты, которые посещали Россию в девяностых годах, видели, конечно, серьезные экономические проблемы того времени, но в то же время наше главное ощущение было – рождение свободы и новых возможностей страны. В наших разговорах с Юрием мы обсуждали

* Профессор русского языка в Университете Дрю в Мэдисоне, штат Нью-Джерси.

Фото Владимира Богданова. 1989 г.

вопросы коррупции, войны в Чечне и многое другое. Для нас Юрий был совсем новый тип политика и русского журналиста. И он в то же время оставался тем самым обаятельным, очаровательным человеком, с которым мы давно познакомились. Память о его борьбе за справедливость и о его вере в силу свободной журналистики не угасает в наших сердцах. Эта память остается яркой и светлой.

Алексей Герман, Светлана Кармелита

Когда его пугали, он только хмыкал

Мы познакомились больше тридцати лет назад с молодым мальчиком, основная цель жизни которого была принести как можно больше пользы своему народу и по возможности отхлестать по щекам его губителей.

Мы жили в разных городах и виделись нечасто. Как правило, он приезжал к нам перед поездом. И, конечно, мы говорили о разном. Но главной всегда была для него та же самая тема. Его жизнь почти все время подвергалась опасности. Говорил он об этом легко. Мы были свидетелями, как ОМОН, который должен был сопровождать его, просто не приехал и Юра уехал на «Жигулях» - «копейке».

Он был блестящим журналистом. Мы не знаем, сколько людей, так необходимых стране, как он, существует где-то на ее просторах, но знаем, что очень немного.

Когда мы говорили ему об опасности, он вообще не смеялся, а хмыкал. И как-то в этот момент один из нас подумал и сказал на кухне, что таким бы снимал «Очарованного странника» - пронзительные строчки оттуда: «Мне

за народ очень помереть хочется». Мы лишены в нашем семейном существовании пафосных выражений и восклицаний, но если можно про кого-то сказать: сложил свою жизнь на алтарь Отечества, то это про маленького Юру.

Рассказывал нам Юра мало, но все-таки что-то рассказывал. Когда он рассказывал, начинал гораздо сильнее заикаться – даже еда изо рта летела. Один из нас – режиссер. И есть у него такое неприятное свойство – больше всего неприятное для него: как-то так получается, что он ощущал судьбу человека, по глазам больше. На этом сделаны, кстати, и фильмы. Так вот, ему было подлинно, как ему казалось, ясно, что Юру убьют.

Может, есть и другие люди, храбрее. Он этого не знал, но когда смотрел на Юру, часто это чувство поднималось откуда-то из желудка.

Сейчас об этом говорят вслух.

2003 г.

Григорий Явлинский

Он чувствовал время и его эпицентр

У Юрия Щекочихина было особое чутье. Он стал журналистом не только потому, что обладал даром слова. Он выбрал журналистику, когда действовало особое обаяние шестидесятничества, а вера в слово и его действенность была очень сильной.

В Щекочихине всегда была настоящая свобода русского интеллигента, лихость и одновре-

менно сосредоточенность, умение слушать свой внутренний голос.

Он стал депутатом, когда показалось, что его читатели составляют серьезное большинство, и снова поверилось, что правда, зазвучав, сможет остановить разрастающуюся коррупцию и ложь и сделать жизнь лучше.

Его депутатство было продолжением журналистики. Да и не был он политиком в полном смысле слова. Просто, став депутатом, он получил новые возможности – быть еще больше человеком, еще лучшим журналистом. Однажды он опубликовал, что говорил на закрытом заседании фракции один крупный чиновник. Щекочихину пришлось выдержать непростой разговор с коллегами-депутатами. Он даже не защищался, а просто объяснил, что такое настоящий журналист. Статью прочтут сотни тысяч человек, и это было для него важнее политических шахмат.

Щекочихин был по-настоящему смелый человек, он ввязывался в очень опасные дела, понимая, чем ему это может грозить. Никакие угрозы не могли его остановить. И это знали все.

Он прожил жизнь с теми, кому было трудно. Он писал о подростках, которых бросила дряхлеющая советская власть, которые были ей неинтересны. Потом эти же мальчики пошли в Афганистан, и младшие братья – в Чечню. А он ездил в Чечню вытаскивать наших пленных.

Он писал о том, что не дает людям жить свободно: о коррупции, о государственной машине, которая все хочет нас переехать, о чиновниках, которые не только мешают делу, но убивают саму веру в нормальную жизнь в России. Но при этом он хорошо знал людей и находил болевые точки, одинаковые для всех. Поэтому с ним разговаривали и единомышленники, и те, кто по разным причинам оказался по другую сторону.

Какой-то чеченец однажды сказал Щекочихину: «Мы последние, с кем еще можно говорить. Мы выросли и получили

Фото Павла Гутионтова. 2000 г.

образование в СССР». Эти слова Юрий Петрович очень ценил. К этим, рожденным в СССР, он обращался на страницах «Комсомольской правды», «Литгазеты», «Новой», с экрана телевизора, с театральной сцены.

Он считал, что самое главное – это то, что останется. А останется то, что ты напишешь.

2003 г.

Шимус Мартин

Наши встречи

С Юрием Петровичем я впервые познакомился в ту пору, когда иностранных корреспондентов еще пускали на заседания Государственной думы, и мы с моей американской коллегой Кэти Лалли из «The Baltimore Sun» (сейчас она в «The Washington Post») регулярно бывали там. Эти визиты позволяли нам лучше понять новую Россию 1990-х годов, оценить ее как положительные, так и отрицательные аспекты, и самым положительным в ней был как раз Юрий.

За пределами громадного серого здания бывшего Госплана кипела своя жизнь. Неподалеку, возле «Детского мира», толпы людей наводняли стихийно возникший уличный базар, где москвичи продавали личные вещи – явно не от хорошей жизни. В подземных переходах под широкими московскими проспектами старушки торговали кто чем может, а над их головами в навороченных «Мерседесах» пролетали «новые русские». В стенах Думы жизнь была полегче.

Такого парламента я прежде никогда не видел. В зале заседаний не было балкона для представителей прессы. Репортеры теснились в специально отведенной для них комнате, где они могли наблюдать за ходом заседаний по внутридумской видеосвязи, но не могли слышать, о чем перешептываются депутаты, нажимая кнопки голосования за своих коллег (а иногда и за отсутствующих оппонентов).

А еще там продавались вещи и продукты по ценам куда ниже, чем за пределами Думы. Каюсь, я не раз приходил

Москва, Лужники. 1990 г.

туда с пластиковым пакетом и скупал вещи, которые были в дефиците или стоили гораздо дороже в других торговых точках новой, свободно-рыночной, Москвы. Торговали в Думе не только продуктами; купить можно было и голоса – если у вас было достаточно денег.

Видели мы и другие необычные вещи, в том числе то, что невозможно было ни в одном другом парламенте. Владимир Жириновский, например, мог расхаживать по коридорам Думы в окружении здоровенных, бандитского вида мужчин, бросающих на всех проходящих угрожающие взгляды. И вот как-то раз, наблюдая за этим бандитским дефиле, мы заметили копну белых волос, появившуюся из лифта и двинувшуюся в один из коридоров, где у депутатов были свои офисы. Так я впервые увидел Юрия Щекочихина. Разумеется, к тому времени я уже слышал о нем благодаря его знаменитым разоблачениям советской

коррупции. Мы пошли за ним в его кабинет и представились. И почти незамедлительно последовал теплый прием в форме бутылки армянского коньяка и трех рюмок.

То был первый из моих многочисленных визитов, во время которых я получал бездну информации из первых рук о том, что происходит в российской политике и журналистике, кто кому из политиков дает взятки и кому из журналистов угрожают. Меня тянуло на эти встречи – не только ради информации и коньяка, но и тонкого чувства юмора Юрия, которое делало их еще ярче.

Мне, впрочем, часто приходило в голову, что Юрий, будучи одновременно журналистом-расследователем и членом оппозиционного блока в парламенте, совмещал в своем лице две самые опасные в России профессии. Я тешил себя мыслью о том, что раз ему удалось уцелеть, разоблачая коррупцию, в советское время, то в новой-то, «свободной» России уж точно выкрутится.

Как сильно я ошибался, показали события июля 2003 года.

Я давным-давно вернулся в Ирландию, работал там редактором международной редакции «The Irish Times» и даже успел выйти в отставку, но в свой последний приезд в Москву в 2011 году, где я делал пятисерийный документальный проект для радио о падении Советского Союза и становлении новой России, решил во что бы то ни стало посетить могилу Юрия.

Солнечным днем мы с Андреем Мироновым, вооруженные бутылкой коньяка и воспоминаниями о Юрии, сели на Киевском вокзале в электричку, идущую в Переделкино. Андрей впоследствии погиб ужасной смертью на Украине, но его убийца хотя бы понес заслуженное наказание.

Теперь, если и когда я снова приеду в Москву, у меня есть две могилы, которые мне нужно будет навестить.

Борис Жutowский

Портрет счастья, которое было, кажется, совсем недавно

Ему тогда исполнилось сорок. По многолетнему его желанию все были вместе. Лето. Тепло. Праздник – ВСЕ ВМЕСТЕ!

Мы с Ростом придумали свой «выход». Господи, это было давно, в другой жизни, но – позавчера! Позавчера! Приехали не к началу – уже множество гостей толпились на поляне перед дачей.

На Росте были тельняшка, цилиндр, бурка, сабля и бескурковое ружье середины XIX века. И, конечно, усы, очки и очарование. На мне – цилиндр, тельняшка, бабочка, фрак, роза в карманчике. Но и усы с очками. Обняв задыхающегося от смеха юбиляра, мы начали петь ему дифирамбы.

Пространство дрожало. Маленькая девочка выгнала из лесочка на поляну нескольких крошечных козлят. Подарок судьбы! Одного взгромоздили на бурку Росту. Другого я взял, как ребенка, под попку и прижал к груди. Щекоч, обессилев от смеха, сидел на земле, обнимая третьего. Мы плавно перевели текст в горно-грузинские оды, но тут козлята почувствовали соль: потные усилия тостующих превратили щеки и шеи наши в дивное козлиное счастье. И козлята стали лизать-целовать нас шершавыми язычками.

Представляете, что происходило на поляне с гостями! Юбиляр просто катался по земле, захлебываясь слезами счастья, не в состоянии продохнуть от смеха. Козленок Роста, лениво развалился на широких плечах бурки, вылизывая шею Юрия Михайловича, подрагивал задними копытцами и дергал хвостиком.

Андрей Вознесенский

Памяти Юрия Щекочихина

*По шляпам, по пням из велюра,
по зеркалу с рожей кривой,
под траурным солнцем тюля,
отравленный сволотой,
блуждает
улыбочкой Юра,
последний
российский святой.*

V

О феминизме и женском движении

В

конце 1980-х годов в России начался новый подъем женского движения. Это послужило толчком к возобновлению диалога между российскими и американскими женщинами.

КвХ. Я не была свидетельницей первой и второй волн феминизма в США. Но то, что я пропустила в своей стране, я как бы испытала, живя по три-четыре месяца в год в Москве в то замечательное время – с 1985 по 1992 год. Москва в те годы, особенно в конце 1980-х, напоминала мне то, как, должно быть, выглядели Штаты в период первой волны феминизма. За столом женщины обслуживают, после обеда встают, чтобы все убрать, вымыть и т. д. Все эти клише. А мужчины сидят, пьют и курят.

Я тогда подумала, что, возможно, это приведет к новой волне движения женщин за свои права и что мне было бы интересно и писать об этом, и принимать участие. А потом, не знаю, как это правильно сказать, но я знала, что Стив будет заниматься сферой «высокой политики», и я

Первый независимый женский форум. Дубна, март 1991 г.

хотела найти свою сферу, свое сообщество, в деятельности которого я могла бы принять участие. И это были те женщины, с которыми я познакомилась в Московском центре гендерных исследований. С директором центра Асей Посадской и ее группой увлеченных, смелых, интересных женщин. А потом были женщины из разных

регионов, собравшиеся и принявшие активное участие в работе Первого (1991) и Второго (1992) независимого женского форума в подмосковной Дубне.

НА. Насколько я помню, освещение в прессе Форума в Дубне было по большей части исполнено стереотипов, несмотря на то что была перестройка.

Феминизм в ту пору был не в моде – из-за тех же стереотипов и отсутствия информации о феминизме, а также импульсивного желания «сбросить с корабля современности» всё, что ассоциировалось с «проклинаемым советским прошлым». Идея гендерного равенства виделась многим частью официальной советской пропаганды, поэтому новые российские «либералы» отвергали ее. К сожалению, мои американские друзья не понимали, насколько сильно было желание людей забыть всё, что было связано с их советским прошлым, даже положительное. Понадобилось много времени, чтобы осознать, что в Советском Союзе были реальные и важные достижения и идеи, пусть и неправильно понятые и использованные. Андрей Сахаров с его «теорией конвергенции» это понимал. Диалог российских и американских женщин помогал преодолевать стереотипы. Ты тоже принимала участие в этом диалоге, не только делилась информацией, ты помогла издать несколько важных переводных книг и основала уникальный женский российско-американский журнал «Вы и Мы».

КВХ. Я помогала готовить к публикации серию феминистских книг в издательстве «Прогресс». Там были сборник «О вас и вашем теле», «Второй пол» Симоны де Бовуар.

НА. «Второй пол» тогда впервые был издан на русском языке – через 50 лет после первой публикации! Это было

подобно бомбе. Я помню презентацию книги в Москве. Сегодня это классика, но в ту пору было чем-то вроде революции.

КвХ. Выпущенная «Прогрессом» серия включала и антологию женской литературы, подобранную и рекомендованную двумя феминистками – Мередит Такс, писавшей статьи для «The Nation», и Энн Снитоу, которая работала и преподавала в Польше. И это было далеко не так просто, как можно подумать, приходилось ломать барьеры. Но это было важно, потому что опросы тогда показывали, что молодые женщины сплошь и рядом хотят быть «валютными проститутками», и было видно, как мало женщин в российской политике и общественной жизни. Помню, меня удивляло, даже поражало, почему гласность не подразумевает феминизм. А ты как-то сказала, что идея феминизма не владела умами перестроечных редакторов. Нужно было сражаться, чтобы опубликовать какой-то текст о феминизме. Помню, как в 1989 году я вместе с молодой юристкой Ниной Беляевой организовала в «Московских новостях», одной из главных перестроечных газет, «круглый стол» на женскую тематику. Помнишь? Так оно и было, согласишься, не было почти никакой поддержки или интереса.

НА. Совершенно верно.

КвХ. В СМИ тогда правили бал мужчины – особенно в популярных телепрограммах эпохи гласности. Некоторые женщины стали более заметными и узнаваемыми: Ирина Хакамада, Галина Старовойтова, коммунистка Нина Андреева, некоторые другие, диссидентка Валерия Новодворская. Но в целом на телевидении было очень мало женщин.

НА. Я заинтересовалась феминизмом благодаря моим американским друзьям. Кэтрин Теймер-Непомнящая, подруга шефа московской редакции журнала «Time» Джона Кохана, – он стал другом нашей семьи, – была в то же время коллегой моего университетского профессора Галины Белой. Зимой 1989 года мы с нею в течение почти двух недель встречались с российскими писателями в Переделкино и в Москве. Катя интересовалась программами женских исследований «второй волны» женского движения в США. Потом я познакомилась с Еленой Гоцило. Она исследовала творчество русских писательниц, поделилась со мной своим видением феминистской теории. Это было, с одной стороны, очень интересно, но, с другой, я не видела, как это пересекается с нашей жизнью в Москве. У нас в СССР по закону все были равны, хотя все понимали, что равенство это чисто формальное. Я лично никогда не подвергалась дискриминации, но позже поняла, что мне просто повезло. При Горбачёве возобновили работу женсоветы, но мы с друзьями были уверены, что они только для рабочего класса, для жен, борющихся с пьянством мужей (это был разгар Горбачёвской антиалкогольной кампании). Все либеральные медиа в то время носились с идеей «природного предназначения» женщин – быть женами – матерями – любовницами – что выглядело эдаким «авангардом наоборот» по сравнению с надоевшими официальными публикациями о женщинах – работницах и колхозницах.

Тогда же, кстати, ряд молодых женщин-писательниц объединились в группу «Новые амазонки», обозначив главное направление своего творчества – женский опыт и женское видение мира. Они выпустили несколько очень сильных сборников прозы, которые не раз подвергались разгромной критике. Один известный критик написал, что женской прозы быть не может, потому что женская душа «слишком близка к телу». По счастью, американ-

ский исследователь Елена Гессен опубликовала очень хорошую рецензию на их сборник, и возмутительницы спокойствия вскоре обрели популярность. Весной 1991 года в Нью-Йорке состоялась первая конференция женщин-писательниц России и Америки, она называлась «Гласность в двух культурах». Участвовали основательницы «Новых амазонок» Светлана Василенко, Лариса Ванеева, Валерия Нарбикова. В США тогда уже работала и Татьяна Толстая. С российской стороны присутствовали также Зоя Богуславская, Наталия Иванова, молодые авторы альманаха «Преображение», философ из Московского гендерного центра Татьяна Клименкова. Конференция объединила американских славистов, американских феминисток (ничего не знавших о России) и российских писательниц (ничего не знавших о феминизме). Это была первая встреча, и, несмотря на некоторое взаимное недопонимание, она дала старт долгому и исключительно плодотворному диалогу между российскими и американскими женщинами – учеными и писателями. Наталия Иванова, Кэрол Юланд и я недавно выпустили в Москве небольшую книжку о той конференции.

Понимать, насколько большой проблемой было в России гендерное неравенство, я начала позднее, когда в Россию пришла рыночная экономика с ее законами «дикого Запада», и многие женщины по причине пола и возраста остались без работы – в основном из-за тех же стереотипов. В 1990-е годы я начала писать о гендерных сюжетах в журнале «Огонек». Надо сказать, что довольно неожиданно, став членом редколлегии (единственная женщина!), я столкнулась с сексизмом в своем родном либеральном журнале! Мои коллеги, например, сетовали, что не могут рассказать «хороший анекдот» в моем присутствии. И так далее. Многим не нравились мои феминистские тексты, но меня поддержал главред. Это было неожиданно. Все эти коллеги-мужчины уважали меня как журнали-

ста, и у нас всегда были очень хорошие профессиональные отношения. Теперь же они недоумевали, с чего вдруг я помешалась на этой ерунде (феминизме), если я симпатичная, у меня есть муж, семья и успех в профессии. Они были уверены, что все феминистки – несчастные и безнадежные уродины. Сегодня, кстати, так никто уже не говорит, это несовременно. А меня тогда очень заинтересовало это новое и свежее женское движение, было интересно следить за его развитием. Тысячи женщин по всей стране начали объединяться, чтобы вместе попытаться решить новые, неожиданные проблемы. Я писала о них в «Огоньке», потом в «Независимой газете», где мне в 1995 году предложили вести рубрику «Женщины». Каждые две недели мы публиковали интервью с политиками и активистами, информацию о международных феминистских инициативах и рассказы о новых лидерах, новости от молодых женских объединений в бывшем СССР. Читатели нашей ежедневной политической газеты, кстати, с интересом следили за этой информацией. Сегодня даже странно вспоминать об этом. Как думаешь, это была упущенная возможность? Почему это движение конца 1980-х годов не сумело реализовать свой потенциал?

КвХ. Я думаю, это дело нескольких поколений. Женщины, которых я знала по гендерным исследованиям, и те, которые были на дубнинских форумах 1991 и 1992 годов, они скорее всего видели, что можно жить по-другому. Что их работа имеет значение. Что есть другое поколение, с которым можно обсуждать эти темы. Но если говорить о реальных переменах, то они требуют долгого времени. А в России всё происходило очень быстро. И это будет, конечно, повторяться. И в Америке тоже.

НА. Правда? Ты видишь некое сходство между российским и американским феминизмом?

КвХ. Сходство есть, и очень во многом. Seriously стоит вопрос о репродуктивных правах. И еще движение за экономическую справедливость, в смысле равенства зарплат между мужчинами и женщинами. Потом проблема сексуальности, не только в смысле принадлежности к ЛГБТ (Международное движение ЛГБТ официально признано в РФ экстремистским и запрещено – *Ред.*), но и в смысле политической власти. Есть еще проблема власти корпораций. Россия, я считаю, ушла вперед. И женщины, которых я знала, возможно, чувствовали это. Они сумели что-то сделать, улучшить качество жизни для множества людей. Но понадобится еще поколение или даже больше, чтобы добиться результата.

Трудно было тогда и трудно сейчас, хотя и по-другому. Во-первых, была свернута гласность. Ну и 1990-е годы, опять же. Нужно было думать о безопасности жизни,

о том, как жить в условиях свободы. Женщинам, мужчинам. Приходилось заботиться об экономическом выживании, а в 1990-е годы многие женщины остались без работы. Чувствовалось, что они больше не контролируют свою жизнь. Кто будет заниматься научными исследованиями, если нет ресурсов? Думаю, женщины, которых мы знали, они как-то пробились, многие, во всяком случае, хотя это и было трудно. И то, что женщины не впадают в отчаяние, что они продолжают думать, что есть возможность двигаться вперед, это дает надежду. Например, сейчас есть сеть убежищ, и она до сих пор очень прочная, при том, что поддержка у них небольшая.

НА. У меня ощущение, что женщины потерпели неудачу вообще, так же, как и все прочие гражданские движения того времени, из-за недостатка практического опыта и отсутствия стратегий построения реального политического или общественного движения. Мы понятия не имели о том, как это делается. Мы начали общаться с Западом, но не изучили в достаточной мере зарубежный опыт. Опять же, появился рынок, деньги, то, чего не было в СССР, в результате многие устремились в бизнес или наивно поверили, что появится «добрый бизнесмен», который поддержит независимое СМИ или НПО «за так». Это не помогло. Сегодня мы видим, как процветает реваншизм, примитивная советская риторика, и гендерный вопрос вновь в ходу – для поддержки популярного ныне архаического подхода, который выглядит как чистый оксюморон: сочетание патриархальных средневековых идеалов семьи со множеством детей под православными иконами и советского типа женщин, активно поддерживающих государство и его политику. Конечно, всё это – признак глубокого кризиса, и ситуация изменится. Надеюсь, скоро. Но жаль потерянного времени и усилий, которые потребуются для новой нормализации. Между тем

НАША ПОЧТА

Обычно письма наших читателей занимают немалого места. В этом номере, в интересах продолжения диалога о различных путях феминизма, мы решили предоставить больше места для писем. Хотя письмо Ани Скотто по существу представляет собой статью, мы помещаем его в этом разделе.

В редакции «Вы и Мы»

Я очень внимательно прочитала материалы круглого стола «Российской и западной феминизм...» И мне очень понравилось выступление Н.Аджигиной. Любый спор нужно начинать с определения терминов и понятий. Что такое феминизм и феминистки? Мне показалось, что далеко не все участники дискуссии это понимают и уж, тем более, не все относятся к феминизму по своим взглядам, хотя и включились в новое женское движение в России. И это движение сейчас гораздо важнее теоретических споров о сходствах и различиях феминизма у нас и у них. Ясно, что лозунг: «Феминистки всех стран, объединяйтесь!» сейчас в России попросту не будет. А вот призыв к женщинам сплотиться для организации женского движения, являющегося активной политической силой, способной вывести страну из кризиса, хаоса и

Страну заклетушло насилие: политическое убийство, ограбление, бандитизм, изнасилование, — и жаждем в числе многих жертв. К счастью, появились такие ситуационистки, как Наталья Галадеренко. Но в обществе, где закон бессмыслен, ответственность немногочисленным служб типа Натановой не очень высока. Таких служб должно быть несоизмеримо больше. И на них должно выделяться средства. Чтобы добиться этого, нужна мощная политическая организация, представляющая интересы женщин.

Сетовать по поводу отсутствия равноправия на рабочем месте между мужчинами и женщинами, когда сами рабочие места исчезают с каждым днем, не очень уместно. Причем статистика говорит, что безработица, в первую очередь, охватывает именно женщин. И вовсе не из-за каких-то сексистских отношений, а из-за того, что заняты были они в большинстве своем в тех бюрократических отраслях или низкоэффективных отраслях, в которых ничего нового и полезного для общества не производилось.

Да, теперь многим женщинам «удалось в спину», чтобы воспитывать детей, приходя в себя от измучительного «равноправия» по-советски. Но одновременно с этим растет число женщин-предпринимательниц.

«Вы и Мы»

лозунг «Демократия минус женщина не демократия» — никуда не делся. И мне опять же очень жаль, что наши либералы, вдохновленные неолиберальными идеями, не использовали женский потенциал.

КВХ. Но, ты знаешь, сегодня существуют вещи, о которых тридцать лет назад женщины знать не знали. Которые улучшили качество жизни женщин. А центры гендерных исследований? Не знаю точно, сколько их существует по стране.

НА. Десятки. И они существуют на законных основаниях. Некоторые закрылись, но многие действуют. У них есть студенты, аспиранты, выходят публикации. Гендерные центры были обязаны своим появлением отчасти из-

менениям в академической сфере, отчасти – международному сотрудничеству ученых и активистов, а также личному вкладу некоторых из них. Например, Колетт Шульман. Она была пионером в области кооперации самых разных женских групп, от официального Комитета советских женщин до молодых неформалок из провинции, от академических дам до «первых леди».

КвХ. Колетт стала великой наставницей для целого поколения феминисток. У нее замечательное чувство истории.

НА. А в итоге вы с Колетт основали уникальный журнал «Вы и Мы. Диалог российских и американских женщин». Расскажи, с чего всё началось.

КвХ. Это было на том знаменательном Форуме в Дубне. В переполненном зале царило возбуждение. Колетт выступила, и идея «Вы и Мы» вызвала живой интерес, потому что, как ты сказала однажды, последнее, что нам хотелось бы делать, это читать лекции. А журнал – это был взаимный обмен практическими, интеллектуальными, культурными идеями. Но это непросто, потому что вокруг так много групп, которые именно что читают лекции из разряда «мы лучше знаем».

НА. Журнал стал яркой, видимой частью женского диалога. Он просуществовал десять лет и внес большой вклад в повышение осведомленности о гендерных проблемах, в обмен информацией между женскими аудиториями в США и в России. В 1996 году он стал выходить и на русском, и я была рада разделить редакционную работу с Колетт: она стала редактором с американской стороны, а я – с российской. Журнал стал международным женским журналом, он освещал вопросы, касающиеся не только США

На Четвертой всемирной конференции ООН по положению женщин. Пекин, 1995 г.

и России, но и стран бывшего СССР, Европы, Азии. Мы получали информацию отовсюду, из всех городов и весей, и рассылали печатные копии в разные страны. Какое-то время назад я была в Средней Азии и видела наш журнал в университетских библиотеках и женских центрах. А не так давно студентка МГУ защитила дипломную работу по истории журнала. Сообщения о журнале звучат на конференциях об истории российско-американских гуманитарных связей. Важную статью о нем написала также профессор Принстонского университета Эллен Чансез.

КВХ. Всё это было в эпоху до интернета. Тогда была еще почтовая рассылка! Первые выпуски были самиздатского качества, передавались из рук в руки, информация о журнале распространялась устно, никакой рекламы не было. Что было, так это отзывы и поддержка женщин

разных поколений. Подборка материалов была очень хорошая. Публиковались литературные произведения, книжные рецензии, а также рассказы из реальной жизни и практические советы, будь то малый бизнес или инструкция, как организовать приют для женщин, страдающих от домашнего насилия. А что ты скажешь про сегодняшнее поколение женщин в России? Насколько они активны? Интересуются феминизмом?

НА. Есть ряд организаций, и до эпидемии COVID-19 проводились феминистские фестивали и другие крупные события. Много было акций, публикаций, представлений. Есть небольшие феминистские молодежные группы. Они более радикальные, чем те, что были в 1990-е годы. Про 1990-е они ничего не знают и, к сожалению, не интересуются. Они активны в Интернете, со старшим поколением практически не пересекаются. А каково было твое впечатление от встреч с гендерными исследователями и активистами? Что ты думала о них и обо всем движении?

КвХ. В Московском гендерном центре я познакомилась с потрясающими женщинами. Таня Клименкова, Ольга Воронина, Ася Посадская. И было что-то очень трогательное и такое настоящее в том, как они собирались в этой маленькой, тесной комнате и каждая делала свое дело. Была атмосфера общности и солидарности, хотя они были разных возрастов: Лена Кочкина помладше, Таня Клименкова постарше, и Ася, которая была объединяющим началом. Думаю, им было очень трудно, потому что поддержки не было почти никакой, даже в академических структурах, в которых они работали.

НА. Как сказала одна женщина, «мой феминизм заканчивается, когда я стучусь в свою дверь». В 1990-е годы стереотипы повседневной жизни были очень сильны. Но сегодня,

Диалоги. 1995 г.

спустя 30 лет, молодые люди думают совсем по-другому, многие из моих студентов мужского пола называют себя феминистами, молодые художники участвуют в феминистских акциях и акциях протеста против гендерного насилия. И это несмотря на официальную пропаганду традиционных ценностей. Большинство простых людей в России, как показывают недавние опросы, расценивают домашнее насилие как преступление и выступают за принятие закона, наказывающего за него. И это реальный результат и успех десятилетий борьбы за гендерное равенство. Нужно отметить здесь работу кризисных центров. К сожалению, часть этих центров и их руководители включены сегодня в список «иностранных агентов», но остальные активно работают. Первые женские инициативы начали получать поддержку от международных, прежде всего американ-

ских, организаций. Вот почему некоторые критики говорили, что феминизм привезли и насадили в России американцы. Должна сказать, что некоторые западные представители, приезжавшие в Россию на деньги различных фондов, вели себя как английские королевы в Африке. Или начинали диктовать, что и как нам нужно делать. Это раздражало.

КвХ. И не слушали женщин, живущих в вашей стране?

НА. Женское движение 1990-х и начала 2000-х годов, пусть и частично, прежде всего в области академических исследований и кризисных центров, действительно получало серьезную поддержку от американских и европейских фондов, но практически это было самостоятельное, подлинно национальное, растущее снизу движение. Американская помощь и сотрудничество были важны, они помогали в деле гендерного просвещения и популяризации гендерной тематики. Между прочим, американские исследователи помогли российским в разработке темы российской гендерной истории и истории женского вопроса. Было важно понимать, что феминистские идеи зародились в России в середине XIX века, женщины принимали активное участие в благотворительной и просветительской деятельности, существовали дореволюционные женские организации. Было очевидно, что феминизм не был импортирован в Россию с Запада, он развивался в российском обществе на протяжении долгого времени, а в советское время был забыт и извращен. Не будет преувеличением сказать, что женская активность и борьба за право женщин на образование и работу, за равенство – одна из принципиальных основ национальной идентичности, или «скреп», выражаясь языком сегодняшней пропаганды.

Новое женское движение родилось в 1990-е годы как следствие общей демократизации страны, с одной стороны,

Альянс американских и российских женщин, 1996 г.

а с другой – стало ответом на трудности жизни и новые экономические вызовы. Женщины в буквальном смысле спасли страну, создавали малый бизнес, организовывали самопомощь и т. д., в то время как мужчины пребывали в растерянности и не знали, что делать.

Я много лет писала о женских инициативах в России и должна сказать, что женщины самоотверженно трудились для пользы общества во всех регионах, в больших и малых городах, и демонстрировали солидарность и талант. Многие из них в ходе этой деятельности реализовали свой потенциал и начали новую жизнь. Многие продолжают делать это. Не все они были феминистками в строго академическом смысле слова, но они много сделали.

КвХ. Я хочу спросить тебя об абортах. Как с этим обстоит дело в России сейчас?

НА. Во время пандемии я брала интервью у Анатолия Вишневого, одного из лучших наших демографов. К сожалению, вскоре после этого он скончался от COVID-19, ему было 85. И он сказал, что несмотря на все кампании традиционалистов и находящихся под их влиянием СМИ и закрытие официальных государственных программ, семейное планирование в нашей стране по-прежнему сильно, потому что имеет долгую историю, и центрами планирования семьи проделана большая профессиональная работа. Кстати, Российская ассоциация планирования семьи работала в тесном сотрудничестве с американской, с Джоан Данлоп и другими подвижниками в области женского репродуктивного здоровья. В некоторых восточноевропейских странах ситуация куда хуже. Наше молодое поколение хорошо информировано в этом плане, и система доступна, она дешевая.

КВХ. Это в Москве.

НА. Нет, практически везде в России. Это нельзя официально запретить – будет революция. Даже церковь понимает это, поэтому они действуют очень осторожно. Конечно, они пытаются влиять, призывают к новым ограничениям и т. д. Но они понимают: полностью запретить аборты в России невозможно.

КВХ. Но сделать аборт по-прежнему несложно?

НА. За деньги можно. Но и бесплатно – ты приходишь в поликлинику и получаешь направление. Мест много. Я помню, как это было в моей молодости. Условия были ужасные, за анестезию приходилось платить, и всё такое. Но сейчас есть сотни разных способов, и медицина постоянно развивается, особенно репродуктивная медицина. Средства контрацепции доступны, и молодые люди сегодня

образованы на этот счет. Сегодня люди работают и вкладывают большие деньги в репродуктивные технологии. Да.

КвХ. Россия нас здесь опередила. Америка катится назад в сфере репродуктивных прав.

Катрина ванден Хювел

Гласность для женщин?*

Спустя 73 года после Русской революции советские женщины сталкиваются с мощным противодействием принесенной ею эмансипации женщин. Нынешняя политика гласности дает возможность советским гражданам озвучивать патриархальные предубеждения, некогда заклеенные как буржуазные и контрреволюционные. Подконтрольные государству СМИ, например, часто винят именно «сверхэмансипированных, маскулинизированных» женщин во всех социальных бедах, от подростковой преступности до разводов. Неоднозначная позиция Михаила Горбачёва по поводу роли женщин в политической и экономической жизни, как и социальные меры, предложенные недавно Коммунистической партией и Съездом народных депутатов, только укрепляют уверенность в том, что дети, дом, семья – исключительно женская зона ответственности.

Перестройка так и не сумела до сих пор изменить вторичную роль советских женщин в качестве рабочей силы или сократить их домашние обязанности. Предложенные

* Рецензия на книгу *Francine du Plessix-Gray* «Soviet Women: Walking the Tightrope» (New York: Doubleday, 1989).

компартией и направленные на «улучшение условий жизни и труда женщин» меры подразумевают, например, сокращение продолжительности рабочей недели, освобождение от тяжелых и травмоопасных видов труда (где обычно самые высокие зарплаты) и увеличить продолжительность оплачиваемого декретного отпуска для многодетных матерей и матерей-одиночек. Однако эти меры, какими бы щедрыми и назревшими они ни были, никак не затрагивают фундаментального неравенства, от которого страдают женщины. Официальные дискуссии о двойной нагрузке женщин редко поднимают вопрос о разделении домашних обязанностей между мужчинами и женщинами или об ответственности общества за семейное благополучие. Идея мужского отпуска по уходу за ребенком еще в прошлом году была чем-то невообразимым. (В апреле нынешнего года Верховный Совет СССР принял резолюцию, которая впервые предоставила право на неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком отцам, дедушкам и другим членам семьи.)

Почему это происходит в стране, которая впервые в мире назначила женщину послом и запустила первую женщину в космос? В Советском Союзе больше всего в мире женщин-профессионалов и специалистов и около 90 % женского населения – работающие женщины. Раннее советское законодательство было призвано гарантировать полное экономическое и социальное равенство мужчин и женщин. В качестве одного из условий такого равенства женщинам гарантировалась занятость в подконтрольном государству секторе экономики, а ответственность за ведение домашнего хозяйства и уход за детьми перекладывалась с отдельной семьи на коллектив. Однако сначала война, затем масштабная безработица, высокая инфляция и консервативная социальная политика Сталина помешали воплощению социальных программ в полной мере. Хотя в плане трудоустройства возможности для женщин

увеличились, обобществления сферы домашнего хозяйства так и не произошло.

В итоге, многие советские женщины демонстрируют тяготение к традиционной женской роли, воплощенной в заботе о доме и семье. Они устали от десятилетий формального равенства, а на деле – двойного бремени, усугубленного нехваткой потребительских товаров (недавнее советское исследование показало, что 275 миллиардов часов, или 90 % всего времени, отведенного на оплачиваемую работу в народном хозяйстве в год, тратится на походы по магазинам, уход за детьми и домашний труд, и тратится в основном женщинами). При этом, согласно опросам, только 20 % советских женщин согласились бы оставить работу, даже если могли бы себе это позволить. А большинство советских женщин, как и американских, все еще вынуждены работать на полную ставку, чтобы свести концы с концами. Однако есть еще женщины – немногочисленные, но их голос звучит всё заметнее – которые пользуются преимуществом открывающихся возможностей для активного участия в политической и социальной сфере. Некоторые даже поддерживают феминизм западного толка – как они его понимают.

Франсин дю Плесси-Грей начала свой проект в 1987 году в надежде запечатлеть общество в процессе перемен головами его женщин. Она признается, что преследовала двойную цель: изучить «первое в истории сообщество женщин, которому дано было испытать официальную эмансипацию», и разобраться в сути того магического влияния, которое на нее в жизни оказали русские женщины (Франсин выросла в Париже, где ее воспитывали русские мать, бабушка и гувернантка). Ностальгия по уютному аристократическому окружению из родственниц с материнской стороны, возможно, обусловила ее выбор собеседниц: это в основном «успешные», образованные,

интеллигентные городские женщины. Ни колхозниц, ни представительниц научно-технических специальностей в ее книге не найти, а рабочие представлены чисто символически (зато там много врачей – более традиционной женской профессии). Созданные ею портреты женщин – дома, на работе, в больницах и поликлиниках – прорисованы тщательно, с большим вниманием к деталям, и зачастую лирично. Признанный мастер художественного и документального слова, дю Плесси-Грей рассказывает истории этих женщин как романист.

Сильная сторона книги – рассказ о плохом состоянии системы здравоохранения и о том, как это сказывается на женщинах и их здоровье. Дю Плесси-Грей записывает рассказы женщин о грубом обращении с ними во время родов. Посещая больницы, она констатирует примитивные условия: давно не менявшиеся, запятнанные кровью простыни на постелях кормящих матерей, недостаточное количество душевых, поношенные больничные халаты, больше напоминающие тюремные. Мужей в палаты к женам и новорожденным детям не пускают, так как боятся, что они занесут инфекцию. Самая большая ирония этой советской отсталости в области гинекологии заключается в том, что именно в Советском Союзе несколько десятилетий назад была разработана техника подготовки к родам (француз Ламаз, который считается автором метода на Западе, в начале 1950-х годов учился в СССР у двух советских врачей, Платонова и Вельвовского). Сегодня в Советском Союзе о методе Ламаза практически ничего не известно, и женщины мало что могут рассказать о том, как протекали их схватки. По сведениям дю Плесси-Грей, в СССР есть только одна клиника – в более приближенной к Западу республике Латвии – где практикуются роды в семейной обстановке.

Аборт является главным методом контроля рождаемости – не по предпочтению, а из-за отсутствия надежных

контрацептивов (диафрагмы выпускаются только двух размеров, а презервативы презрительно именуются «галошам»). На каждую беременность, завершившуюся родами, приходится, по разным статистическим источникам, от 4 до 6 аборт. Условия в абортариях, описанные дю Плесси-Грей, сегодня во всех подробностях описывают и советские газеты. Например, в прошлом году газета «Московские новости» опубликовала рассказ одной женщины под заголовком «Не хочу сожалеть о том, что я женщина». Автор, Екатерина Николаева, вспоминала о том, через что ей пришлось пройти, чтобы сделать аборт. Врач, увидев, что она смотрит на его окровавленные перчатки, наорал на нее, а другой женщине сердито сказал: «Раньше нужно было думать. А то сладкое вы все любите, а расплачиваться не хотите».

Статья заставила члена Советского правительства Александру Бирюкову инициировать расследование по линии Министерства здравоохранения. Она пообещала кардинально нарастить производство контрацептивов в стране в ближайшие два года. Но призыв Бирюковой к переменам еще не скоро будет услышан. Советская система репродуктивного здравоохранения нуждается в радикальной перестройке на началах большей человечности и эффективности, и дефицит противозачаточных средств – далеко не единственная проблема. В стране практически нет программ планирования семьи, а те, что есть, не в состоянии бороться с широко распространенными стереотипами о том, что контрацептивы ненадежны, опасны и недоступны. (Пока еще не существует образовательной литературы о сексе для женщин, но в следующем году в издательстве «Прогресс», возможно, выйдет книга «Our Bodies, Ourselves» в русском переводе.)

В отличие от дискуссии об абортах на Западе, в которой акцент делается на противопоставлении гипотетических прав зародыша и права женщин на выбор, в центре

советской – работа о здоровье женщины, ее право на доступную и надежную контрацепцию, достойные санитарные условия, анестезию и уважение медперсонала. Что касается моральной стороны аборт, то в настоящий момент в СССР нет национальных дебатов по этому вопросу. Хотя растущая этническая напряженность в регионах, например, на Кавказе, может поднять этот вопрос: его могут сделать своим козырем патриархальные религии с их смутным представлением о женщинах. (Схожее явление мы наблюдаем в Польше, где Католическая церковь, пользуясь своим влиянием на «Солидарность», пытается свернуть программы аборт и уменьшить доступность контрацептивов.)

Мало кто из советских сексологов (удивительно востребованная и уважаемая сегодня профессия) будет обсуждать проблему гомосексуализма. Десятилетия культурной изоляции от Запада плюс репрессивное законодательство обеспечили в целом реакционное отношение к вопросу сексуального поведения. (В то время как женский гомосексуализм официально никогда не запрещался, мужской считался уголовным преступлением с наказанием до восьми лет тюрьмы, однако эта статья УК с большой долей вероятности будет отменена уже в этом году.) Но и здесь встречаются проблески оппозиции. В декабре 1979 года группа ленинградских женщин выпустила в самиздате альманах «Женщины и Россия». Это был первый осмысленный феминистский текст, опубликованный в Советском Союзе, с начала 1920-х годов. Его авторы писали об изъянах советской гинекологии, нехватке потребительских товаров и общей перегруженности женщин – проблемах, о которых сегодня всю пишет перестроечная пресса. По-настоящему необычным в альманахе было обращение к теме лесбийских отношений – той реальности советской жизни, наличие которой даже сегодня если и признается, то завуалированно и неохотно.

Десятью годами ранее, в ноябре 1969 года, в престижном литературном журнале «Новый мир» была опубликована повесть Натальи Баранской «Неделя как неделя». (Эта повесть наряду с несколькими рассказами Баранской вышла недавно на английском языке.) Написанная в форме дневниковых записей с понедельника по воскресенье, она подробно описывает кошмар повседневной круговерти жизни женщины: недостаток продуктов, бесконечные очереди, проблемы здравоохранения и детских дошкольных учреждений, неразвитость службы быта и муж, уткнувшийся в телевизор или газету и не желающий пошевелить пальцем. Когда он предлагает Ольге, молодому специалисту НИИ: «А что, Оля? Может, тебе лучше не работать? Подумай, ведь половину года сидишь дома», – она с негодованием отвечает: «А ты хочешь засадить меня на весь год? И разве мы можем прожить на твою зарплату?... Значит, всю эту скукотищу на меня одну, а себе только интересное!» История Ольги затронула женщин за живое; Баранская получила сотни писем с благодарностью за то, что написала правду об их жизни.

Это было двадцать лет назад. Двадцать лет понадобилось женщинам, чтобы начать что-то делать. С 1989 года наблюдается подъем независимой (то есть вне зоны партийного контроля) женской активности. И хотя признаков массового движения пока нет, независимые женские ассоциации то и дело возникают в разных частях страны. Однако это новое явление не нашло отражения в книге «Советские женщины». (Справедливости ради следует сказать, что перемены в Советском Союзе сегодня происходят так быстро, что многие книги успевают устареть, едва выйдя из печати.) Дю Плесси-Грей пишет, что сплотиться женщинам «по сей день мешает неодобрительное отношение государства к любой «феминистской» деятельности за пределами контроля партии... и странное отсутствие солидарности». Ее замечание насчет того, что

во время поездок ей удалось встретить «от силы двух» других феминисток, вызывает недоумение. В минувшем декабре, будучи в Москве, я как-то вечером сидела в редакции одной газеты и слушала рассказы двадцати женщин из восьми различных независимых ассоциаций о том, как феминизм повлиял на их жизнь. Многим было слегка за 20, что противоречит мнению дю Плесси-Грей, что молодое поколение утратило контакт с феминистскими традициями. На самом деле возникающие сегодня повсюду женские ассоциации состоят из женщин разных возрастов и разных политических и профессиональных ориентаций.

В Москве группа женщин-ученых во главе с Ольгой Ворониной создала Лигу освобождения общества от стереотипов (ЛОТОС), которая занялась гендерным анализом советского общества. Ольга Бессолова создала на базе бездействующего женсовета ЦАГИ в подмосковном Жуковском Клуб женских инициатив, сотрудничающий с горсоветом в деле улучшения городской инфраструктуры, и Межрегиональный женский политический клуб, который организует политическую учебу для женщин и выдвигает кандидатуры для участия в местных и национальных выборах. В январе прошлого года я присутствовала на одном из собраний Клуба женских инициатив. Сорок женщин – ученых, журналистов, инженеров и заводских рабочих – четыре часа обсуждали свои проблемы. Они убеждены, что решение «женского вопроса» состоит не в улучшении ситуации со снабжением и сервисом, а в пересмотре взглядов на социальные роли мужчины и женщины.

Месяцем ранее сформировалась федерация женщин-писательниц внутри Союза писателей, а женщины-кинематографисты и журналисты создали объединения для борьбы за повышение зарплаты и улучшение условий труда. (В Советском Союзе до сих пор есть только один

зарубежный корреспондент-женщина.) В марте в Москве группа женщин основала женский центр, который будет одновременно юридической консультацией и школой политического лидерства. В Ленинграде Елена Зелинская, которая возглавляет женское кооперативное объединение и Северо-Западное информационное агентство (сеть независимых журналистов Ленинграда), недавно была назначена председателем комитета горсовета по коммуникациям. В Узбекистане (где дю Плесси-Грей брала интервью у «самовлюбленной партийной начальницы» и у «женщины-драконихи») Розика Мергенбаева снимает документальные фильмы об ужасных условиях работы женщин и девочек на хлопковых полях.

Еще большее беспокойство, чем эти не замеченные дю Плесси-Грей факты, вызывает ее вывод о том, что «Советский Союз, возможно, нуждается в мужском движении не меньше, чем в женском». Она пишет, что протестировала эту идею на некоторых своих советских друзьях, и та нашла «очень хороший отклик». Но женщины, которых опрашивала дю Плесси-Грей и которые дали материал для этой книги, – это почти сплошь сильные и успешные женщины, которые живут либо с матерями, либо с детьми, либо с пассивными, слабыми мужчинами, которых они высмеивают в присутствии дю Плесси-Грей. Как человек, последние десять лет регулярно бывавший в Советском Союзе, я могу сказать, что мужское движение там было всегда, а вот женские проблемы только сейчас начали всплывать на периферии преимущественно мужской тематики политических и культурных откровений гласности. Разве матриархат будет платить женщинам две трети от средней зарплаты мужчин, нанимать их на грязную физическую работу и заботиться о том, чтобы женщины не могли достичь вершины своих профессий – а потом еще обвинять «маскулинизированных» женщин во всех социальных бедах?

Презентация проекта «Сексист года». 2017 г.

Франсин дю Плесси-Грей в своей книге выступает как своего рода романтический феминист, соглашаясь с мнением, распространенным среди советской интеллигенции и политической элиты, о том, что советские женщины по своей сути очень отличаются от мужчин. «В этой лаборатории эмансипации, предложенной нам Советским Союзом, – делает вывод она, – в этом эпохальном эксперименте, в ходе которого женщины оказались частью рабочей силы – в масштабах, не имеющих аналогов в истории – парадоксальное «равенство» полов может символизировать центральную дилемму этого человеческого параметра: тайное противоречивое желание женщины вести и быть ведомой и мужская растерянность, непонимание и стремление противостоять ее загадочной силе и часто

пугающей способности делать всё и сразу». На всех уровнях советского общества, пишет она, неизменно поражает «наличие у женщин развитого чувства собственной большей терпимости, трудоспособности, оптимизма, выносливости, пронизательности и самоуважения – самоуважения, развившегося под тяжестью их ежедневного труда, связанного с непрерывным добыванием хлеба насущного». При этом многие женщины, с которыми дю Плесси-Грей говорила, не хотят ничего менять, они «предпочитают продолжать выматываться, продолжать жаловаться и держать своих мужей подальше от кухни, “где им не место”». Возможно, замечает она, такую позицию можно лучше понять, если посмотреть с точки зрения традиции, заданной великой русской литературой, которая изображает женские страдания как искупительную силу. В итоге дю Плесси-Грей создает тот же образ женщин, который создали в XIX веке писатели мужского пола: героини, обладающие куда более сильным характером, чем их современники-мужчины. Эти писатели водрузили женщин на пьедестал, чтобы удобнее было воспевать их страдания, а заодно держать их в подчинении.

Структурно книга состоит из небольших импрессионистических зарисовок, изображающих женщин в своих домах, с детьми и иногда с покорными, затюканными мужьями, то есть, в традиционном окружении. Такая организация материала позволяет дю Плесси-Грей продемонстрировать писательское мастерство, но круг взаимоотношений женщины в любом обществе обычно не ограничивается семьей. Однако общественная деятельность советских женщин дю Плесси-Грей, похоже, не интересует, поэтому жизнь ее героинь выглядит несколько статичной и пассивной. Мне бы хотелось, чтобы автор больше расспрашивала их о том, что, по их мнению, они или правительство Горбачёва могли бы сделать, чтобы улучшить условия труда и быта.

По сути, женщины как активные политические фигуры в книге не фигурируют. Когда дю Плесси-Грей указывает на вопиющее отсутствие женщин в высших органах власти, она не упоминает о структурных изъянах системы, которая за 73 года допустила только двух женщин в состав Политбюро. Вместо этого она пишет о том, что западные феминистки «склонны придавать слишком большое значение мужскому сексизму и его предрассудкам», чтобы объяснить отсутствие женщин в высших эшелонах советской власти. Советские женщины, по мнению дю Плесси-Грей, считают политику грязным делом, которое лучше оставить мужчинам. В эпоху гласности, пишет она, советские женщины «часто замечают, с нотой иронии и гордости, что с учетом тоталитаризма и морального краха советского режима... их скептически-сдержанное отношение к политической власти, возможно, оказалось провидческим». Ситуация, однако, выглядит более сложной. На прошлогодних выборах в Верховный Совет, которые проводились на альтернативной основе и были самыми свободными с 1917 года, в составе депутатского корпуса оказалось меньше 15 % женщин по сравнению с 33 % в прошлых созывах. А на недавних выборах в парламент РСФСР процентное соотношение избранных женщин упало с 35,3 % до отмены квот до 5,4 % после. (Проведенный в прошлом году перед выборами опрос в «Аргументах и фактах» показал, что для избирателей одно из важнейших качеств кандидата – «чтобы был мужчиной».) Эта тревожная статистика породила женскую дискуссию о необходимости разработки программ «обратной дискриминации», которые помогли бы в этот переходный период привлечь больше женщин в местные низовые советы, которые играют такую важную роль в новой политической жизни страны.

Классовые различия в Советском Союзе не менее значимы, чем в Соединенных Штатах, но из-за сфокусиро-

ванности дю Плесси-Грей на женщинах из интеллигенции эти различия в книге не видны. Например, несколько опрошенных ею женщин выражают надежду на то, что новые частные предприятия и кооперативы предложат женщинам лучшие условия труда, такие как гибкий график и хорошее медицинское обслуживание. Но для миллионов женщин возможные последствия прорыночных экономических реформ менее интересны. Я говорила со многими женщинами, и их больше волнует, что радикальное сокращение 18-миллионной бюрократии приведет к массовым временным увольнениям среди вспомогательного – почти исключительно женского – персонала учреждений. Их волнует, что кооперативам, которые больше похожи на коммерческие, нацеленные на прибыль, бизнес-партнерства, чем на коммунальные предприятия, требуются работники, которые могут работать по 12 часов в день, что исключает женщин с детьми (если работа не подразумевает возможности работать дома). Другие нововведения, такие как рабочие бригады, предложенные с целью поднять производительность труда, оставляют за бортом инвалидов, пожилых рабочих и опять же женщин с детьми, которые традиционно берут больше больничных. Кроме того, когда женщины пытаются воспользоваться своими законными правами на сокращенный график или на неполную ставку, работодатели не идут им навстречу, вынуждая женщин либо перерабатывать, либо увольняться. Поскольку почти все льготы в советском обществе (жилье, здравоохранение, пенсии) так или иначе связаны с работой, женщины боятся потерять ее и стать более зависимыми от своих мужей и семей в результате реформ.

Возможно, единственная ощутимая – и значимая – выгода, полученная женщинами от Горбачёвских реформ, это свобода объединений, дающая возможность указывать на существующее неравенство в системе, или, как вырази-

лась одна моя советская подруга, «выпустить пар». Ольга Воронина, которая помогла создать независимую группу ЛОТОС, написала в прошлом году: «Женские движения Европы и Америки двадцать лет боролись за то, чтобы общество признало их проблемы. У нас здесь процесс демократизации только-только начинается, и наш вопрос не из тех, что можно решить декретом. Пока общество не изменит свой взгляд на женщин и не перестанет сводить их проблемы к товарному дефициту, ничего не изменится».

Опубликовано: The Nation. 4 июня 1999 г.

Катрина ванден Хювел

«Пролайфисты» атакуют Россию

В отношении наших детей ведется массовый террор, – говорит Галина Серякова. Мы сидим у нее на кухне. На столе, между блюдцем с печеньем и чайником, выложены в ряд пластиковые модели человеческих зародышей. – Гитлер со Сталиным и мечтать не могли об убийствах в таком масштабе».

Серякова является основателем «Права на жизнь», одной из новых российских антиабортных организаций. «Мои зародыши, – говорит она с гордостью, – это подарок от международной федерации “Право на жизнь”».

Помимо кровавых событий, ужаснувших в прошлом месяце мир и перевернувших в очередной раз политическую жизнь в стране, в России идет еще одна, менее заметная, но важная битва за русскую душу. От улиц Москвы до отдаленных деревень Сибири, на идеологических развалинах коммунизма, христианские фундаменталисты,

воинственные католики и даже иудейские фанатики, <жаждая обратить бывших советских людей в свою веру>, распространяют литературу, проводят молитвенные собрания и даже прибегают к долларам там, где простого убеждения не хватает. Группы христианских правых, такие как «International Right to Life Federation» (Международная федерация «Право на жизнь»), заметно более организованы и более успешны. Их идеи насчет нравственности и семейных ценностей – особенно потому, что совпадают с идеями возрождающегося национализма, где в основе традиционный взгляд на женщину и прославление материнства – очень привлекают россиян, избавившихся от старой и ищущих новую идентичность. В этом контексте право на аборт становится естественной мишенью. Как заявил в прошлом году, вернувшись из поездки в Россию, президент федерации доктор Джон Уиллке, «мы видим исторические перемены в регионах мира, прежде непроницаемых для пролайферской деятельности... Очевидно, что Россия – чрезвычайно плодородное непаханое поле в смысле систем ценностей и нашего вопроса».

В прошлом году организация Уиллке провела в Москве трехдневную конференцию «Право на жизнь» с целью помочь наладить контакты между разными американскими группами христианских правых и нарождающимся российским антиабортным движением. Одна из таких американских групп, «Focus on the Family» («Фокус на семье»), медиаконгломерат из Колорадо-Спрингс с ежегодным бюджетом в 77 миллионов долларов, поставившая целью бороться с «воинствующими гомосексуалами», защитниками абортотворения и порнографами, вещает ежедневно на более чем 2500 российских радиостанциях. «Human Life International» (международная организация «Человеческая жизнь»), католическая группа, которая называет себя крупнейшей в мире организацией «pro-life/pro-family» («за жизнь/за семью») с 58 отделениями в 40 стра-

нах, открыла офисы по всему бывшему Советскому Союзу. Их последний проект, «Conversion Corps for Mary» («Корпус обращения во имя Девы Марии»), призван привлечь «100 человек, которые могут пожертвовать – возможно, с большим убытком для себя – как минимум 1000 долларов, чтобы помочь исполнить пророчество Пресвятой Девы Марии относительно обращения России». Отец Пол Маркс, президент N.L.I., призывает американских волонтеров поработать один год в России, чтобы «помочь нам спасти тысячи, а в конечном счете, может быть, миллионы младенцев в утробе по всей Восточной Европе и России». Он нанял 12 россиян для работы в больницах, где производят аборт. «Они профессионально обучены отговаривать девушек от абортов», – сказал он мне. Эта деятельность пока только начинается, но параллельно ведется накачивание России, Украины и Беларуси деньгами на перевод и публикацию литературы и видеоматериалов на тему «за жизнь/за семью», а также на тему предполагаемого вреда внутриматочных спиралей и противозачаточных таблеток.

Россия во многих отношениях – идеальная территория для христианских правых. В том, что касается социального мышления и ценностей, страна по-прежнему глубоко консервативная. Недавний опрос общественного мнения показал, что двумя самыми популярными институтами в стране являются Русская православная церковь и армия. Действительно, та важная роль, которую сыграла церковь сначала в качестве посредника, а затем поддержав одну из сторон в столкновении между президентом Ельциным и парламентом, продемонстрировала ее новый авторитетный статус. Между тем, уровень гомофобии в обществе, несмотря на официальную декриминализацию гомосексуализма в мае прошлого года, остается высоким. Феминистское движение слабо и дезорганизовано, и, поскольку право на аборт долгое время было неотъемлемой частью

коммунистической системы, женщины не торопятся сомкнуть ряды, чтобы отстоять его. (Мало кто из ныне живущих женщин помнит ужас нелегальных аборт, бывший фактом жизни двух десятилетий при Сталине.) Угроза, нависшая над правом на аборт, стала частью того, что молодой социальный демограф Андрей Попов назвал частью посткоммунистического синдрома: «Если аборт были разрешены при коммунистах, значит, аборт – это плохо, потому что коммунисты были плохие».

Противники абортов также всю эксплуатируют страхи по поводу серьезного падения рождаемости. Так, в прошлом году впервые за послевоенное время смертность в России превысила рождаемость. Многие женщины говорят, что неотступная бедность, социальная нестабильность и отсутствие надежды на будущее заставляют их откладывать на лучшие времена или вовсе отказываться от рождения детей. Более половины семей с тремя и более детьми живут в бедности. Аборт для большинства российских женщин остается единственным доступным средством контроля деторождения. Нередко можно встретить женщин, сделавших за жизнь по 6–8 абортов. В итоге по этому показателю Россия опережает другие страны мира.

Широко разрекламированные рыночные реформы мало изменили ситуацию. На практике отсутствие сексуального образования и денег на контрацептивы делает планирование семьи привилегией нуворишей. Сегодня только 22 % российских женщин детородного возраста используют средства контроля рождаемости. И хотя «Planned Parenthood Federation of America» («Американская федерация планового родительства») и горстка неправительственных российских организаций начали распространять соответствующую литературу и контрацептивы в школах и учреждениях, потребности пока превышают возможности. Одна российская газета написала, что на каждого российского мужчину приходится лишь три пре-

зерватива в год; потребность в оральных контрацептивах удовлетворена только на 2 %. Только интенсивные государственные инвестиции в планирование семьи способны улучшить ситуацию. Однако в этом году ельцинское правительство выделило на закупку современных противозачаточных средств меньше твердой валюты, чем выделялось при коммунистах.

Вместо этого московское городское правительство, ряд министров кабинета Ельцина и его главный советник по делам женщин и семьи радостно приветствовали представителей американских правых христиан и их повестку. «Я был поражен: они как дети, – сказал после встречи с чиновниками российского Министерства здравоохранения отец Маркс. – Расхватили всё, что у нас было – значки с антиабортной символикой, нашу литературу. Они в восторге от всего американского». Маркс хвалился, что видел печатные материалы своей организации в больницах и школах: «Даже в Сибири есть наши плакаты».

Российское Министерство социальной защиты, президентский совет по делам семьи и московское правительство распространяют книги, брошюры, другие материалы христианских правых в российских школах. Подается всё это как научная, объективная и непредвзятая информация по вопросам репродуктивного здоровья, сексуальности и воспитания детей. Видеофильмы группы «Фокус на семье» на тему сексуальной морали используются на уроках этики в старшей школе. В техникумах и вузах в ходу книга «Dr. Dobson Answers Your Questions» («Доктор Добсон отвечает на ваши вопросы»), написанная основателем «Фокуса». В книге, в частности, утверждается, что «никакими рациональными доводами нельзя оправдать извлечение здорового маленького человечка из комфортной и безопасной среды, чтобы оставить его умирать от удушья на фарфоровой столешнице», что «сексуальная революция способна уничтожить нас как народ» и что гомосексуализм – это «извращение».

В московских педагогических училищах используется также пособие Джона и Барбары Уиллке «Wonder of Sex: How to Teach Children» («Удивительный секс: как учить детей»). «Что такое аборт?» – спрашивает девочка маму в этой брошюре. – «Это когда люди ведут себя вопреки желаниям Божиим».

Министр социальной защиты Элла Памфилова консультируется с «Фокусом на семье» по вопросам разработки учебного курса для социальных работников и советуется с ними по поводу социальной и семейной политики. Как выразился один российский аналитик, «жажда западных контактов и долларов настолько велика, что никто не спрашивает: “Кто там?” Говорят: “Заходите, вам сюда”».

Бесплатные Библии, другие печатные и видеоматериалы, многотысячные религиозные собрания и реклама по телевизору являются наиболее привлекательными с точки зрения идеологической обработки российской аудитории. Складывается впечатление, что российское антиабортное движение подпитывается не только и не столько религиозным пылом или идейным фанатизмом, сколько прагматическим оппортунизмом. Хотя среди российских активистов мне встречалось много искренних и преданных, даже маниакально преданных идее людей, есть те, кого просто привлекает возможность получить бесплатные факсы или видеопроигрыватели, а также гранты в валюте и зарубежные поездки.

Вот, например, Михаил Мацковский, директор Международного центра общечеловеческих ценностей – неправительственной организации, которая публикует литературу христианских правых. В минувшем марте он был назначен членом президентской Комиссии по вопросам женщин, семьи и детей и утверждает, что является ответственным за представление подобных материалов российскому правительству. Умеющий произвести впечатление и хорошо говорящий по-английски, Мацковский

называет себя антрепренером семейных ценностей. Проработав много лет социологом в Институте социологии Академии наук СССР, он, по его словам, был настолько вдохновлен перестройкой, что решил выйти за рамки институтской деятельности и перейти от изучения семьи к чему-то более масштабному.

Свой Центр при определенной финансовой поддержке правительства он открыл в 1991 году. Круг его задач, как у очень многих российских организаций, предельно размытый: «способствовать достижению взаимопонимания и доверия между народами, а также сближению культур и идеологий на основе универсальных моральных принципов, принятых цивилизованным человечеством». Кроме того, Мацковский утверждает, что зарубежные партнеры Центра «заинтересованы в свободном и открытом обмене мнениями по важнейшим политическим, экономическим и социальным вопросам». Казалось бы, подобные определения должны исключить из круга партнеров Центра христианских правых, но, продавая их версию морали, Мацковский неплохо зарабатывает. Опубликованный Центром «Доктор Добсон отвечает на вопросы» разошелся в объеме 300 тысяч экземпляров за несколько месяцев; «Удивительный секс» супругов Уиллке – 100 тысяч экземпляров за месяц. В этом году Мацковский обещает опубликовать еще их брошюру «Abortion: Questions and Answers» («Аборт: вопросы и ответы»), которую многие считают «библией» американского антиабортного движения. «Мы направили ему кое-какие деньги, чтобы зарядить печатные станки», – сказал мне Джон Уиллке.

Энди Мелилла, директор «Фокуса на семье» по международным связям, знаком с Мацковским уже несколько лет. «У него еврейские корни, и сам себя он называет агностиком, – говорит Мелилла. – Но, когда он приехал к нам, в нашу штаб-квартиру в Калифорнии, он сказал, что его страна остро нуждается в системе ценностей,

и что его очень заинтересовали наши “Десять заповедей”. “Нам нужно нечто подобное в качестве морального фундамента для нашей страны”, – сказал он».

Многие участники российского антиабортного движения куда менее наивны в отношении мотивов Мацковского. «Он напечатает что угодно, лишь бы приносило деньги», – говорит один активист. Действительно, Центр Мацковского публикует также книги типа секс-пособия Барбары де Анжелис «Secrets About Men Every Woman Should Know» («Секреты о мужчинах, которые должна знать каждая женщина»). Когда я спросила Мелиллу, знают ли он и Джеймс Добсон об этом, он нервно хмыкнул. «Возможно, нужно будет разузнать, – сказал он. – Как, еще раз, название этой книги?»

Уиллке отзывается о Мацковском, который помог ему организовать в прошлом году в Москве конференцию «Право на жизнь», исключительно положительно. Именно Мацковский установил связи с немногочисленными, но фанатичными приверженцами антиабортной идеи в России. Две главные группы, представляющие это низовое, самоорганизованное движение, – «Право на жизнь» Галины Серяковой и «Поддержка материнства» доктора Игоря Гузова – насчитывают, по их заявлениям, до 5 тысяч членов. Следующий уровень движения представлен: бывшим религиозным диссидентом; православным священником, последователем Достоевского, который отвечает за связи с общественностью в РПЦ и одновременно подрабатывает идеологом авторитарной христианско-демократической партии; домохозяйкой, организовавшей «горячую линию», для того чтобы отговаривать беременных женщин от аборт; и экономистом, продающим лакированные пасхальные яйца с изображением зародышей западным компаниям.

Доктор Гузов любит сравнивать себя с Бернардом Натансоном, врачом-гинекологом, который создал «The Si-

lent Scream» («Беззвучный крик») – нашумевший документальный фильм о якобы кричащем от боли зародыше. Под воздействием фильма Натансона Гузов сделал свой собственный, «Право на жизнь», в котором смонтировал устрашающие кадры с трупиками зародышей и капающей на белый кафель кровью со снятыми скрытой камерой беседами своих студентов-медиков с несчастными беременными женщинами, которых они убеждают не делать аборт. Гузов приложил усилия к тому, чтобы фильм «Беззвучный крик» был трижды показан по российскому государственному телевидению. Его фильм был показан дважды.

«Узаконив аборты, большевики несут ответственность за убийство миллионов людей», – говорит Гузов, в то время как мы сидим на потертом диване в его однокомнатной квартире в рабочем районе Москвы. Комната имеет несколько монашеский вид: иконы, портрет Николая II, – но при этом есть факс, видеомаягнитофон, телевизор «Тошиба». Все эти вещи – подарки «Human Life International» и чикагской «Pro-Life Action League» («Лига действий за жизнь»). При спонсорской поддержке такого рода Гузов также съездил в Америку, где встретился с членом Палаты представителей Генри Хайдом и с различными лоббистами и адвокатами антиабортного движения. Одна лоббистская группа впоследствии опубликовала сведения об ассоциации «Поддержка материнства» в своем информационном бюллетене. По словам Гузова, он получает много писем «от простых людей Америки» с обещаниями прислать пожертвования. Недавно он открыл валютные счета в лондонском «Lloyds Bank» и в нью-йоркском «Republic National Bank».

И все же, в случае Гузова, материальные дивиденды его кампании представляются вторичными по сравнению с идеологическими целями. Об этом говорит и название его организации, и его яростная антикоммунистическая риторика, характерная для русских правых националистов. Они убеждены, что коммунизм, сексуальная распу-

ценность, разводы и женская эмансипация разрушили нравственные основы страны. Среди других центральных вопросов их повестки – проблемы расовой и этнической чистоты.

«Демографический кризис в нашей стране перерастает в демографическую катастрофу, – сказал в разговоре со мной Гузов. – Мы поняли, что должны что-то сделать, чтобы предотвратить тотальную депопуляцию страны. Русские деревни вымирают, в то время как мусульманское население стремительно растет. Нужно спасти русскую нацию». Неудивительно, что самые пылкие и активные последователи российского антиабортного движения живут в русской глубинке. В отличие от пролайферов в США, которые выступают против аборт в основном с позиции права на жизнь зародыша, многие русские националисты руководствуются необходимостью увеличения численности своей этнической группы. Аборт для них – преступление против нации.

Крестовый поход за семейные ценности нашел влиятельную поддержку в российском парламенте, где новоявленные демократы и консерваторы старого толка объединились под воздействием паники от обвала рождаемости и попытались в прошлом году отменить либеральный закон об абортах. «Аборт антигуманен и бесчеловечен», – сказал мне недавно Николай Павлов, зампреда Комитета Верховного Совета по делам женщин, охране семьи, материнства и детства и один из ведущих национал-патриотов. А еще: «Женщина без трех детей – это тройная угроза для нашей нации». Незадолго до того, как Верховный Совет был распущен Ельциным, в нем рассматривался Закон о защите семьи. Только благодаря вмешательству женских групп из него было удалено положение о праве на жизнь младенца «с момента зачатия». Если, как обещал Ельцин, парламентские выборы состоятся в декабре, фундаменталистские подходы – разделяе-

мые и так называемыми «демократами», и сторонниками «твердой линии» – наверняка будут представлены в программах кандидатов. «Подлинное феминистское движение, – сказал Павлов, – должно быть против аборт, потому что это покушение не только на новую жизнь, но и на жизнь женщины». Между тем, как говорит одна моя российская подруга, женщины, может быть, и хотели бы рассматривать другие возможности, но, к сожалению, альтернатив аборту крайне мало.

Учитывая, насколько укоренен аборт в качестве средства контроля рождаемости в России, маловероятно, что христианские правые скоро достигнут здесь каких-то внушительных успехов. Но подлинные фанатики заглядывают далеко. «Я знаю, что сегодня запретить аборт в России невозможно. Мы не Польша, – сказала мне Галина Серякова. – Но я хочу начать с изменения сознания людей в отношении аборт, чтобы это стало чем-то преступным». В отличие от своих американских единомышленников, Серякова и ее последователи не сталкиваются с правовыми барьерами, когда приходят в больницы отговаривать женщин от аборт или читают лекции студентам о вреде этой процедуры. «Молодые люди открыты нашему посланию, – говорит она. – Для них аборт – это что-то связанное с родителями и с дискредитированным коммунистическим строем».

В одной клинике Серякову пригласили поговорить с 19-летней пациенткой и рассказать ей об ужасных физических и эмоциональных последствиях аборт. Используя для подкрепления своих слов материалы «Human Life International», Серякова уговорила девушку записаться в созданный «Правом на жизнь» новый дом для женщин.

«Что хорошо для нашего движения в России, – говорит Джозеф Шейдлер, воинственный исполнительный директор «Pro-Life Action League», – это то, что можно прийти в школы, в больницы, на радио и на телевидение

и говорить о том, какое зло аборт. То есть, до тех пор, пока здесь не утвердится «Planned Parenthood» и не начнет распространять свою пропаганду». Есть, возможно, и другие факторы, облегчающие работу пролайферов. От одного врача-педиатра, работающего в московской больнице, я слышала, что некоторые западные религиозные организации помогают деньгами и оборудованием только при условии, что больница перестанет делать аборт.

Во времена экономического кризиса даже самые благонамеренные люди могут рискнуть общественными правами ради материальной помощи. Во времена кризиса веры – а это, в самом широком смысле, и есть то, что сейчас переживает Россия – люди, обладающие твердыми убеждениями, часто выигрывают за счет неуверенных в себе или дезориентированных. В России националистическое и религиозно-консервативное крыло существовало задолго до нашествия американских христианских правых. Однако новый, далеко не священный союз Востока и Запада таит в себе угрозу. За последний год «Planned Parenthood» и множество других групп не раз были вынуждены заглаживать последствия агрессивного миссионерства защитников семейных ценностей и отстаивать право женщин на легальный и безопасный аборт. Однако многие россияне, лишенные идеологических корней, измотанные экономическими потрясениями и социальной нестабильностью, становятся все более уязвимы для проповедей этих западных миссионеров. Экспорт семейных ценностей может скоро прийти на смену разрекламированной экономической «шоковой терапии», бывшей до сих пор самым разрушительным вкладом США в политику вмешательства в дела других стран после окончания холодной войны.

Опубликовано: The Nation, 1 ноября 1993 г.

Надежда Ажгихина

Назад, на кухню

Выставка советского искусства «Искусство перестройки: кухарка или женщина космонавт» была открыта в Колгейтском университете в ноябре и декабре 1993. Название напоминает об известной фразе Ленина, о том что «каждая кухарка должна быть способна управлять государством». Когда я училась в начальной школе, я и мои одноклассники отлично знали эту фразу, мы знали также, что кухарки у нас никогда не работали в правительстве.

Как бы то ни было, ленинские слова вдохновили художников, которые стремились запечатлеть новые роли женщин в обществе. На выставке мы видим улыбающихся и счастливых трактористок, мускулистых атлетов, девочек в пионерском салюте. Помимо произведений соцреализма, здесь много фотографий женщин из газет и журналов советской поры, что придает проекту особую глубину и объем.

Переходя от экспоната к экспонату, я подумала, что через год или два могла бы другая выставка, «Кухарка или Мисс Вселенная». Сегодня именно участие в конкурсах красоты становится главным мерилем успеха для женщин в России, и СМИ это охотно поддерживают. Даже коммунистическая газета «Правда» поздравила Юлию Курочкину, победительницу конкурса «Мисс Вселенная» и назвала ее настоящей патриоткой.

Надо сказать, что сегодня в России женщины по-прежнему в целом остаются «на кухне» – внизу социальной лестницы, на них часто смотрят как на граждан второго сорта, несмотря на формальное равенство. По правде говоря, никогда ленинский призыв повысить статус женщины не встречал такого активного противодействия в обществе, в газетах, на радио и ТВ, как в 1990-х.

Обращаясь к всероссийской аудитории, популярный телеведущий заявил, что у женщин нет никаких других качеств, кроме мягкости и слезливости. Знаменитый режиссер Никита Михалков сказал в интервью: «Я по натуре азиат и считаю женщин существом низшим».

И его популярность ничуть не упала после этих слов.

На последней сессии парламента один из депутатов резюмировал: «Зачем транслировать по ТВ наши дебаты? Мы ведь не обсуждаем Конституцию с нашими женами и тещами, это дело нас, мужчин». После такого заявления для многомиллионной аудитории, подозреваю, во многих странах у депутаты были бы проблемы. Но не у нас.

За такое положение дел во многом несут ответственность российские СМИ.

В сталинское время портреты женщин на важных государственных постах и ударниц труда украшали страницы газет и журналов. После Сталина пропаганда несколько увяла, о женщинах писали в целом меньше, центральные СМИ вспоминали о них в канун 8 марта, искали авторов и героинь. В целом доминирующий идеологически образ женщины как «работницы и матери» (определение Надежды Крупской) продолжал существовать вплоть до конца СССР, но вызывал все большую оскомину.

К концу 1970-х – началу 80-х в общественном сознании, во многом благодаря талантливым текстам либерально ориентированных газет и журналов, обретал популярность альтернативный образ – «естественной женщины», матери и жены, подруги, объекта желания... «Главное предназначение женщины – быть женщиной», – писали прогрессивные издания. Такая женщина должна основные силы посвящать семье, детям, мужчине, но не работе и собственным интересам. Для многих тезис Ленина о «кухарке, управляющей государством» был синонимом идеологического диктата.

Известный публицист Леонид Жуховицкий на страницах журнала «Юность» писал: «Идеальная женщина – это та, которой кладешь руку на плечо, и у нее появляется на плече выемка в форме руки». И многие женщины были с этим согласны.

Традиционные женские журналы «Работница» и «Крестьянка» считались изданиями второго сорта. Они публиковали подчас очень интересные материалы об активных женщинах, но большинство воспринимало это как часть официальной пропаганды. В период перестройки они стали больше публиковать материалов о сексе, о психологии. В Горбачёвские годы материалы о женщинах в политике по-прежнему не вызывали большого энтузиазма, зато читательский интерес сразу отметил публикации о прежде табуированных темах – женском алкоголизме, преступности, проституции...

Во многих влиятельных СМИ – «Столица», МК, «Собеседник» – возник новый образ героя – некий супермен, альтернатива «совку». Идеальный русский мужчина, успешный, он интересуется женщинами, всегда готов уделить им внимание, он стремится к западному образу жизни, о котором, конечно, узнал из журналов. Прекрасная альтернатива «строителю коммунизма». Эти издания пишут о женщинах, но прежде всего об актрисах, спортсменках, успешных и известных персонах, но в основном о том, как они счастливы рядом с суперменом – другом, мужем, отцом или сыном. Формула из рекламы компьютеров «Женщина – друг бизнесмена» становится символом рыночной России.

Не так давно редколлегия журнала «Дар», адресованного российской художественной элите, где я состояла, с возмущением отвергла мою идею опубликовать подборку материалов о западном феминизме в искусстве. Вместо того опубликовали несколько эротических фотографий на грани мягкого порно. Это казалось актуальнее. Принцип

«все, что было запрещено вчера, не может не быть прекрасно» – овладел умами и воображением. Многие новые СМИ спешили освоить прежде запретные территории, публиковали тексты о девиациях, осваивали язык порнографии, рекламы сексуальных услуг...

На этом фоне сама идея важности женского образования представлялась сомнительной – ведь она не гарантировала работу, куда важнее было не получить диплом университета, а иметь привлекательную внешность и найти своего «супермена»...

Страна, которая некогда показывала пример равноправия мужчин и женщин, откатывалась далеко назад...

По счастью, благодаря усилиям женщин юристов, в Конституции сохранилась важная статья о равенстве.

В то же время российские СМИ нашли нового «врага» – и это западные феминистки. Они предстают в популярных изданиях исключительно в негативном свете, как агрессивные неудачницы, борющиеся с мужчинами, они приезжают в Россию, чтобы коррумпировать наивных русских женщин. Журналистка МК писала, что «американки просто с жиру бесятся, им нечем заняться, пока мужа на работе», и отметила «ужасных и уродливых» американок на женском форуме в Дубне. В результате многие русские, в том числе и вполне образованные люди, уверены, что феминистки просто сражаются с мужчинами. На одном из радиоэфиров студентка-слушательница спросила меня, бывают ли у феминисток дети.

Однако в России наметились и реальные перемены. Создаются и набирают силу женские политические объединения, которые участвуют в выборах. Движение «Женщины России» преодолело барьер на выборах в Государственную думу в 1993 году и сформировало фракцию, которая не дает забыть об интересах женщин. Далекое не все женщины ее поддержали, для многих она слишком неконкретна в политических целях и напоминает советскую

Надежда Ажгихина и Ирина Юрна (в центре) с коллегами из Ассоциации женщин-журналистов. 1995 г.

модель, опирающуюся на государственные институты. Сыграла роль и позиция фракции по отношению к конфликту в Чечне – фракция безоговорочно приняла сторону президента и не стала взаимодействовать с популярным движением «Солдатские матери», требующим немедленного прекращения огня, как и с другими независимыми группами.

Новый российский феномен – это нарождающееся по всей стране независимое женское движение. Кто-то, как депутат Ирина Хакамада и ее «Либеральный женский фонд», ориентирован на политическую активность, кто-то сосредоточен на социальных и гуманитарных задачах. Организации, формализованы они или нет, существуют

в бизнесе, образовании, культуре, есть национальные группы – как «Женщины и конверсия», объединяющие сотрудниц бывших оборонных предприятий, есть региональные, местные, межрегиональные группы... Кто-то помогает одиноким матерям, кто-то – жертвам домашнего насилия, кто-то солдатским матерям... Они работают в Сибири, на Урале, на Волге, в Карелии, на Дальнем Востоке, на Кольском полуострове...

Главная проблема движения – отсутствие консолидированных усилий и солидарности. В 1994 году Ассоциация журналисток провела дискуссию «Женское движение и политическая система сегодня в России». Приняли участие более 15 межрегиональных и национальных объединений, но так и не смогли сформулировать общую позицию. Еще одна проблема – отсутствие контакта женских групп со СМИ. Аудитория просто ничего не знает о них. Хочется верить, что это будет преодолено и что страна узнает о том, что сегодня делают и могут предложить обществу женщины, которым небезразлично их будущее.

Опубликована: Women's Review of Books, 1994 г.

Катрина ванден Хювел

Свободу Pussy Riot

*Феминистская панк-группа вызвала потрясение
в российской политике и в православной Церкви*

В своем последнем интервью в качестве президента России Дмитрий Медведев прокомментировал по просьбе журналистов всевозможные вопросы – отношения с США, Украиной и Грузией, коррупцию в правительстве... и дело Pussy Riot.

Возможно, живя в этой стране [США], вы мало что слышали, если слышали вообще о группе Pussy Riot, но этот феминистский панк-рок коллектив вызвал возмущение в российской политике. В минувшем феврале, накануне президентских выборов в России, он устроил импровизированный «панк-молебен» на кафедре храма Христа Спасителя – главного московского храма, равнозначного собору Святого Патрика в Нью-Йорке. Участницы группы, одетые в балаклавы, потрясали кулаками в воздухе и падали на колени, взывая к Деве Марии: «Богородица, Путина прогони!»

Выглядело это как храбрая – пусть для кого-то безвкусная – музыкальная выходка, вобравшая в себя требования тысяч протестующих, регулярно выходивших на улицы Москвы, начиная с декабря. Возможно, это был не самый лучший способ популяризации взглядов оппозиции и привлечения в ее ряды новых сторонников. Но эти панк-рокеры на виду уже пару лет, и их кричащие перформансы и музыка не раз вызывали раздражение властей. На видео их акция напоминает скорее флэш-моб – причем маленький флэш-моб – хотя и в таком месте, где сходятся власть церкви и власть государства.

Но властям эта акция не показалась такой уж безобидной. 3 марта – за день до президентских выборов, в которых победил Путин – две участницы Pussy Riot, Мария Алёхина и Надежда Толоконникова*, были арестованы группой вооруженных полицейских офицеров якобы за участие в перформансе. Две недели спустя была арестована еще одна участница группы, Ирина Локтина.

Всем трем женщинам были предъявлены обвинения в «хулиганстве», им грозит до семи лет тюрьмы. Несмотря на то что у двух из них есть малолетние дети, все три были оставлены под стражей до суда, дата которого недавно была

* Надежда Толоконникова включена в список иноагентов РФ.

Кампания «Освободите Pussy Riot»

перенесена с 24 апреля на 24 июня. Как писала «The New York Times», «всё указывает на то, что дата будет снова перенесена, и суд не состоится раньше осени».

Женщины обратились к президенту Медведеву с просьбой рассмотреть законность возбуждения против них уголовного дела. Международная организация «Amnesty International» объявила их «узниками совести». (В России на сегодняшний момент есть только два известных «узника совести» – бывший олигарх Михаил Ходорковский и его бизнес-партнер Платон Лебедев.) В Соединенных Штатах панк-рокеры, женщины и члены феминистских организаций попытались привлечь внимание к делу и организовать поддержку Pussy Riot. Кампания «Свободу Pussy Riot» приобретает глобальный характер.

Полиция задержала участниц Pussy Riot

Но особенный интерес к этому делу проявляют в России, где ведущие газеты (даже консервативные), женщины и участники протестов, заполнявшие улицы городов перед парламентскими и президентскими выборами, демонстрируют мощную негативную реакцию на излишне жесткие действия властей.

Это дело также высветило и обнажило противоречия внутри самой Русской православной церкви – между церковными иерархами и многими рядовыми служителями.

Именно церковь больше всех настаивает на том, чтобы все участники перформанса в храме были наказаны за «богохульство». По свидетельству «The New York Times», священники получили распоряжение сверху распространять некое письмо с призывом наказать панк-рокеров «как можно строже». Патриарх Московский отрицает этот факт. Но один из иерархов якобы сказал, что участники акции «объявили войну православным, и они получают войну».

Многие люди в России видят в действиях церкви и ее преувеличенной активности в этом деле плохо завуалированную попытку отвлечь внимание от собственных проблем: коррупции, чрезмерного влияния и богатства.

Когда я была в Москве в начале апреля, случился скандал с пресс-службой РПЦ, которая с помощью фотошопа убрала с фотографии патриарха Кирилла на своем официальном веб-сайте его часы «Брегет» стоимостью не менее 30 тысяч долларов – но забыла «стереть» их отражение на поверхности стола, за которым сидел патриарх. Кроме того, патриарх выиграл судебный иск на 600 тысяч долларов за ущерб, причиненный пылью его квартире, расположенной в элитном здании в Москве. По сообщениям блогеров, у Кирилла имеются также «большой загородный дом, частная яхта и склонность к зимнему отдыху в Швейцарии».

Огласка такого рода неприглядных фактов, по мнению многих россиян, была реальной подоплекой организованной церковью на прошлой неделе массовой демонстрации напротив храма Христа Спасителя. На площади собралось, по разным оценкам, от 30 до 65 тысяч человек, что в любом случае много, и звучали призывы помочь церкви защититься от «кампании богохульства», подразумевавшей, в том числе, и акцию Pussy Riot, пишет «The Times». Людей на демонстрацию свозили автобусами «из более чем дюжины церковных приходов». Приехали и «Ноч-

ные волки» – «националистически настроенная группа мотоциклистов». Это была реальная демонстрация силы – не менее, если не более многочисленная, чем любая московская продемократическая демонстрация – а те священники, которые не пожелали присоединиться к ней, получили от патриарха Кирилла клеймо «предателей в рясах».

Борис Кагарлицкий*, директор Института глобализации и социальных движений и эксперт в области российского общества и политики, пишет: «Дело Pussy Riot вкупе со скандалами вокруг патриарха обернулось пиар-катастрофой для РПЦ. Женщины под стражей, и значительная часть православного сообщества возмущена позицией церковного руководства, которая стоит за их судебным преследованием. Массовый молебен, организованный в защиту церкви от «атаки» и даже «травли» со стороны Pussy Riot, только усугубил ситуацию. Некоторые священники – впервые за много лет – публично выступили против действий патриарха, и теперь мы имеем растущее движение в защиту принципа отделения церкви от государства, чего не было еще месяц назад».

Дело Pussy Riot показало наличие глубоких разногласий между светскими и более консервативными элементами в России и внутри самой Русской православной церкви. Медведев, похоже, не осознал до конца всё значение этого дела – несмотря на то что упоминание о нем прозвучало в его последнем интервью – ответив, что женщины получили «именно то, чего искали: популярность», и отказавшись от дальнейших комментариев.

Может быть, они действительно хотели популярности. А может быть, они хотели сделать именно то, что сделали, – выступить с громким политическим заявлением, не при-

* В 2022 году признан иностранным агентом.

чинив при этом физического ущерба ни церкви, ни кому-то другому. В любом случае, заключение под стражу и до семи лет тюрьмы за эти действия выглядят возмутительно. Пора освободить Pussy Riot.

Опубликовано: The Nation, 9 августа 2019 г.

«Диалог – это огромная ценность»
Беседа с Джеки Абрамян для журнала «Ms»,
6 октября 2023 г.

Надежда Ажгихина – о глобальной журналистике, роли женщин в период конфликтов и о том почему нельзя «отменить» русскую культуру и всех русских.

«Историю делают обычные люди»

«Миллионы русских оказались отлучены от западного мира, в то время как одновременно они испытывают серьезные ограничения внутри страны, – предупреждает Надежда Ажгихина. – Если такая практика продолжится, вам на Западе скоро будет просто не с кем разговаривать в России».

Надежда Ажгихина – журналистка, бывший вице-президент Европейской федерации журналистов, с 2018 года исполнительный директор писательской ассоциации ПЭН-Москва.

«Историю делают обычные люди, не только политики. Диалог это огромная ценность, потому что, когда люди встречаются и разговаривают, что-то происходит», – считает ветеран журналистики Надежда Ажгихина, она верит в это. Мы сидим в углу холла отеля в Нью-Йорке, вечером,

после насыщенного дня – встречи, лекция в университете, ужин с коллегами и друзьями.

В соответствии со своим именем, Надежда верит в будущее, в то, что наш мир станет совершеннее. Она работает в ПЭН-Москва, член Союза российских писателей, была членом Гендерного совета Международной федерации журналистов 15 лет... Рассказывает о том, что ее волнует, на прекрасном английском, с характерным русским акцентом, который ни с чем не перепутаешь, ее лицо время от времени озаряет улыбка.

Я спрашиваю о современном глобальном вакууме, который прекратил межкультурные связи и взаимопонимание, из-за чего мы перестали понимать, что происходит с людьми в России. Нам не хватает человеческих историй. Именно личные истории несут отголоски и шрамы бывших революций и обновлений, смены давящей идеологической догмы открытостью миру, и затем новой изоляции от Запада.

Ажгихина верит, что мировое сообщество интеллектуалов и академический мир смогут «встать на переднем крае борьбы со стереотипами и построения мостов в самых различных сферах», а также смогут избежать «пугающей тактики отмены русской культуры и всех русских».

«Это важно для будущего, нашего общего будущего. «Отмена России» оставила многих русских интеллектуалов, студентов, представителей среднего класса, людей открытого мышления за бортом, заставила их почувствовать себя дискриминированными Западом, и многие из них начали сомневаться, менять свою точку зрения и присоединяться к позиции пропагандистов. Санкции вообще не оказывают серьезного воздействия на олигархов, генералов или политиков – она наказали людей либеральных взглядов. Миллионы русских оказались отторгнуты от западного мира, в то самое время, когда внутри страны со стороны властей происходит серьезное давление, ограничения. Если такая практика продолжится, вам на Западе просто скоро не с кем будет разговаривать в России». В стране, говорит она, «живет огромное число достойных людей. Женщины, как это часто бывает, берут ответственность в турбулентные моменты на себя, помогают другим».

Ажгихина с ностальгией вспоминает, как осознание женщинами своей силы и своего места в обществе в годы перестройки сопровождалось открытием западных практик, началом взаимодействия между женщинами России и Америки. Именно диалог помог демонтировать долгое время присутствующий в российских постсоветских СМИ образ женщины как «второсортной» в серьезных вопросах. Этот образ, говорит она, стал результатом очарования нео-либеральными идеями, пришедшими на смену долгих лет советской пропаганды, декларирующей формальное равенство (которого на самом деле никогда не было),

и альтернативный советскому образ в новой России получил распространение в обществе и в бизнесе.

С одобрения Михаила Горбачёва и его «ученой первой леди» Раисы Максимовны, в годы перестройки развивалось международное сотрудничество женских миротворческих инициатив, был открыт Московский центр гендерных исследований и многое другое. Все это помогало самоопределению независимых женских организаций, которые возникали по всей стране.

Первая встреча женщин-писательниц из СССР и Северной Америки состоялась весной 1991 года в Нью-Йоркском университете, она называлась «Гласность в двух культурах» и дала хороший старт межкультурным связям, народной дипломатии, преодолевая непонимание с обеих сторон. Последующий перевод на русский язык и выпуск классической книги «О нас и нашем теле», поддержанные Катриной ванден Хювел и сотрудничество американской и российской ассоциаций планирования семьи стали следующим шагом в развитии взаимодействия. Этому способствовали и новые СМИ, в том числе национальная женская радиостанция «Надежда», которые среди других подняли тему домашнего насилия на уровень всенародного обсуждения. В результате этой работы многие молодые люди обоего пола включились в борьбу с этим преступлением.

Лозунг «Демократия минус женщины не демократия», поднятый на щит российским женским движением, преодолел все барьеры и помог российским женщинам почувствовать себя частью всеобщей борьбы за равенство. Он открывал двери, спасал жизни, снижал напряжение, и объединял женщин в их борьбе за ядерное разоружение, равноправие и безопасность.

Надежда Ажгихина. 1995 г.

Снижение международных этических стандартов и феминистский репортаж

В недавнем прошлом вице-президент Европейской федерации журналистов, Ажгихина бьет тревогу по поводу истощения глобального журналистского ландшафта и нехватки серьезного, тщательно подготовленного и выверенного контента. Она говорит о том, что в системе мировых СМИ «традиционные компании, связанные с определенными семьями», в числе собственников сменяются международными корпорациями, сфокусированными исключительно на получении финансовой прибыли, а не на производстве качественных новостей.

«Глобализация рынков упростила контент и снизила качество информации, теперь многие СМИ используют

одни и те же источники, одни и те же темы. Наиболее затратные подразделения, такие как отделы расследований, науки и технологий, подверглись сокращению, и число зарубежных корреспондентов снижается по всему миру», цитирует Надежда Ажгихина обозревателя журнала «Нейшн», автора книги «Жизнь и смерть американской журналистики» Джона Николса.

«Мы сегодня далеки от реальной журналистики. С тех пор как компании стали сокращать число квалифицированных журналистов, мы видим повсюду одну и ту же тенденцию – публикацию унифицированных новостей и торжество кликбейтов. Оптимизируется все, не в целях информирования или просвещения аудитории, но для повышения рейтингов, для кликбейтов. Объективный репортаж и живые голоса, представляющие многообразие мира, заменяются «пакетами новостей», это очень опасный тренд. Международное журналистское сообщество должно привлекать к этому внимание» – говорит она.

Ажгихина тем не менее видит выход в различных международных журналистских инициативах – среди них конференции ЮНЕСКО, посвященные в том числе работе женщин журналисток и созданию языка мира после конфликта.

Ажгихина родилась в Томске, одном из старейших сибирских городов, приехала в раннем возрасте с родителями в Москву, защитила диплом и получила степень кандидата наук в МГУ. Она сделала серьезную журналистскую карьеру. Ее резюме включает ряд важных позиций в ведущих российских СМИ, таких, как «Огонек», «Независимая газета», «Деловой вторник», «Журналист». В 1992 году она вместе с Ириной Юрна создала Ассоциацию журналисток.

Источником своего успеха она считает свою семью и своих учителей, ведущих писателей и журналистов, исследователей русской литературы. Как у многих в России,

среди ее предков очень разные люди, коммунисты и жертвы ГУЛАГа, она вспоминает бабушку, «практическую феминистку», она была первая женщина – главный геолог угольной шахты.

«В ту пору женщины никогда нигде не работали в шахтах. Она пришла на шахту совсем молодой, после окончания института, и сидела одна за огромным столом с многими мужчинами. И она запретила им материться! Совершенно не представляю, как ей это удалось. Но они при ней никогда не матерились, это правда...»

Ажгихина признает, что гендерная дискриминация существует в России, как и повсюду в мире.

«ООН-Женщины» недавно опубликовала доклад, в котором говорится, что полное гендерное равенство в мире состоится не раньше, чем через 200 лет. Но в России сегодня статус женщин выше, чем в первые постсоветские годы, женщины составляют 27 процентов в органах власти.

Ажгихина говорит, что профессиональные женщины с высокими зарплатами могут себе позволить продолжать работать после рождения детей, оплачивать няню или хороший детский сад, но тем, у кого доходы невысоки, это трудно. В России существует Национальная стратегия по улучшению жизни женщин, однако она считает, что должно быть больше сделано для того, чтобы женщины принимали более активное участие в принятии решений на национальном уровне. Сегодня женщины активнее проявляют себя в работе на региональном уровне, в том числе и в регионах, где распространен ислам, они участвуют в бизнесе, в различных проектах и программах.

«Основные СМИ в России уже довольно активно освещают проблемы домашнего насилия, однако в последнее время они все больше говорят о традиционных ценностях и о религии, звучит вполне патриархатная риторика...» – говорит она.

Мередит Такс (слева) и совет директоров «Women's World» в Белладжю, 1996 г.

По оценкам социологических опросов, большинство россиян считают домашнее насилие преступлением, которое должно быть наказано. Это стало во многом результатом работы общественных организаций и журналистов.

Миссия выполнима

Я спросила у Ажгихиной, дает ли современная ситуация в мире какую-то надежду миротворцам в принципе, или они обречены быть на обочине событий.

«Поскольку в мире происходит так много конфликтов, и в целом очень мало информации о том, что происходит в разных регионах планеты, наше представление довольно фрагментарно. Я помню дискуссии о многих конфликтах, в ходе которых гуманитарные аспекты редко упомина-

нались. Мало говорят о существующих практиках, в том числе о возможности создания языка мирной коммуникации, которая предотвратила бы возникновение новых трагедий. К сожалению, инициативы, связанные с человеческим измерением, не в приоритете. Хотя они есть! Поиски путей прекращения насилия не самые популярные сегодня и не доминируют в повестке дня основных СМИ. Лидирующие СМИ сегодня забыли многие важнейшие принципы журналистики. Они участвуют в информационных войнах и подчас провоцируют эскалацию, вместо того чтобы искать возможности установления мира».

Ажгихина говорит, что базовые моральные принципы забывают прежде всего потому, что «они не приносят прибыли».

Она с сожалением говорит о том, что те в Европе, кто хранил память о Второй мировой войне, уже ушли или уходят. Другое поколение, и особенно молодые люди, думают о войнах и ядерной опасности как о «компьютерной игре». «Когда я вела дискуссию молодых ученых на тему СМИ и ядерной угрозы, в рамках российско-американского диалога в Санкт Петербурге, меня поразило, что никто из них не рассматривал ядерную угрозу как что-то серьезное. Это меня устрасило. Я не знаю, как так вышло, но я полагаю, это результат того, что мы очень мало говорили в публичном пространстве об этом, и вообще мало подчеркивали важность сохранения мира как основы нашего всеобщего развития. Важно не только сообщать о результатах выборов, стихийных бедствиях и развлечениях, но и напоминать аудитории об основных ценностях, о том, что достойно и что постыдно, что хорошо и что плохо». Она подчеркивает, что в «нашем мире постправды» многие люди потеряли ориентацию.

Она присоединяется к своим коллегам и друзьям из Этической международной журналистской сети в поиске «новых путей поддержать журналистику – как благо для

Марш женщин-журналисток, декабрь 2006 г.

всех». Среди предложений Сети – создание независимых фондов для поддержки журналистов, обучение новым технологиям, работе с большими базами данных, а также вовлечение аудитории в формирование повестки СМИ и работу в СМИ в целом. Она и коллеги верят, что журналистика сохранит свое влияние, и будут продолжать свою миссию, несмотря на все современные вызовы.

Она цитирует Международную федерацию журналистов, которая в 2019 году приняла Глобальную хартию журналистской этики, под которой подписались почти все профессиональные организации мира. Хартия утверждает приоритет журналистского долга перед всеми другими интересами.

Я спросила Ажгихину, найдут ли русские и украинские женщины «дорогу дипломатии», которую Генри Киссинджер назвал «трудной и часто разочаровывающей», но единственной возможностью. «Очень трудно обобщать, есть разные мужчины и разные женщины во всех странах. Но я верю, что женщины как участницы глобального процесса народной дипломатии, в том числе в деле построения мира после конфликта, мирной коммуникации, недооценены. Женщины обладают опытом во всех областях и могут продвигать и поддерживать усилия по построению мира, потому что у них есть ответственность за самые простые, базовые вещи. Это не потому, что они лучше мужчин, но потому, что они часто знают, как действовать в очень трудных, критических обстоятельствах, которые часто кажутся непреодолимыми. Неслучайно женщины часто ведут за собой в периоды бедствий и катастроф... Я верю: женщины, мотивированные на поиск языка мирной коммуникации, найдут нужные слова быстрее мужчин. Верю, что это возможно также для русских и украинских женщин – найти общий язык и помочь друг другу. Может быть, они уже на пути к этому. Женский потенциал, который облегчит поиск языка мира, который поможет преодолеть последствия той трагедии, которую мы переживаем сегодня».

И каково ее основное послание женщинам мира?

«Давайте мечтать о нашем будущем, будущем, в котором дети живут в одном космосе, в одном пространстве. Мы все находимся на небольшом голубом каменном шаре, который несется во Вселенной. Мы не должны останавливаться. Мы должны верить в невозможное, в то, что невозможное станет возможным. Наша миссия выполнима. Нам надо прежде всего иметь мечту, тогда она имеет шанс стать реальностью».

VI

Журналистика и СМИ

НА. Наш диалог начался в 2021 году, и то была другая эпоха. Сегодня, 5 декабря 2024 года, мы видим, как изменился мир. Мы столкнулись с новыми, более грозными вызовами. Наша профессия, журналистика, и СМИ в целом переживают глубокий кризис.

Оглядываясь назад, полагаю, что мы могли бы сосредоточиться на трех главных темах журналистики, начиная с конца 1980-х годов. Или назовем это тремя главными уроками? Я вспоминаю себя, молодую журналистку, работавшую в «Комсомольской правде» в брежневские годы «застоя». Я даже не надеялась выехать когда-нибудь за рубеж, не мечтала о совместной работе с журналистами из других стран или о создании независимых печатных изданий. Это было в целом скучное, беспросветное время. Время застоя.

Но в «Комсомольской правде», главном официальном органе ВЛКСМ, собрались тогда просто фантастические журналисты и публицисты. «Дети хрущевской оттепели», напитавшиеся демократическим духом той эпохи. Каждый день они изо всех сил старались говорить правду, сообщать новости о прошлом и настоящем, напоминающие нам о человеческом достоинстве. Как писатели и лучшие журналисты XIX века. Сочувствие к простому человеку и его страданиям и призыв к правде – важнейший элемент русской либерально-демократической традиции на протяжении как минимум двух столетий. И наши старшие коллеги и наставники учили нас, молодых, что можно быть честными журналистами и честными людьми в любой ситуации

В журнале «Огонек» с сыном Дмитрием. Фото Марка Штейнбока

и на протяжении всей жизни. У нас не было каких-то громких, четко прописанных этических кодексов, как теперь, но все прекрасно понимали, о чем речь.

Если кто-то хотел заниматься пропагандой ради денег и карьеры, это был его выбор. А если хотел пользоваться уважением лучших журналистов страны, коллег и простых людей, то старался говорить правду, пусть и эзоповым языком. И все это хорошо понимали. Мое поколение сделало свой выбор, придя в профессию в годы господства советской цензуры, и укрепилось в нем, когда в марте 1985 года к власти пришел Горбачёв.

Свобода, пришедшая тогда, была в значительной степени подготовлена либерально мыслящими журналистами и писателями, и читатели верили им.

В начале 1990-х годов, когда Россию захлестнул дикий капитализм, очень большим искушением стали деньги. Возникали новые СМИ, их владельцы стремились сделать их коммерчески успешными, и очень скоро СМИ превратились в орудие в руках олигархов. Журналистам и владельцам новых СМИ не удалось уберечь свою сферу от влияния олигархов и государства. Не было опыта, понимания, что свободу надо защищать. Даже сегодня, при всех современных ограничениях (хотя их не сравнить с советской эпохой, это разные вещи), люди не меньше властей несут ответственность за то, что происходит в нашей сфере, это сфера, созданная людьми.

Второе. Журналистика – универсальная профессия. Журналистские ценности одинаковы в любой части света. В Советском Союзе мы часто слышали, что «Моральный кодекс строителя коммунизма» куда выше любых гуманитарных принципов на Западе. Горбачёв напомнил всем, что существуют универсальные ценности и они едины для всех. Это совершенно справедливо в отношении журналистики. Журналисты в Соединенных Штатах, в России, в Зимбабве, в Австралии, хоть на Луне – это всё люди одной

Встреча телекомпании ТВ2 за свободу прессы, Томск

крови. Они либо журналисты, либо нет. Они исходят из одних стандартов и руководствуются одними этическими принципами. У меня есть опыт работы с международными журналистскими организациями, я 15 лет была членом гендерного совета Международной федерации журналистов и 6 лет – вице-президентом Европейской федерации журналистов, принимала участие во множестве международных форумов и программах по развитию СМИ. Я видела, что журналисты повсюду одинаковы. Где-то им работать легче, где-то совсем нелегко, но они люди одной крови, у них одни вполне идеалистические ценности и принципы. Я видела, я знаю, что солидарность имеет значение. Солидарность журналистов и солидарность их аудитории. И, несмотря на всё политическое давление, на все сегодняшние попытки разделить, изолировать нас,

сделать марионетками или солдатами информационных войн, солидарность не исчезла.

И последнее. Важно иметь мечту. Если у тебя есть мечта, пусть она выглядит абсолютно недостижимой, но ты в нее веришь, постарайся сделать ее реальной. Я помню, как вещи, которые когда-то казались абсолютно невозможными, в один прекрасный момент становились нашей практикой. Потому что людям хотелось, чтобы они стали реальными. Перестройка пришла в нашу жизнь, в первую очередь, благодаря журналистам и вообще людям, которые верили в невозможное. Кто мог поверить в свободу слова, свободу выражения мнений? Никто из моих коллег в начале 1980-х и помыслить не мог, что мы сможем создавать собственные СМИ или расследовать случаи коррупции среди высокопоставленных чиновников. Но это случилось – потому что некоторые люди верили в это и заставили поверить других людей. Эта энергия отдельных людей стала реальной силой, реальным оружием. Это не просто воображение, это нечто практическое.

КвХ. Я не буду столь последовательной, как ты, но я согласна, что существует сила журналистов, людей, солидарности, которая меня, например, привела в «The Nation». На самом деле, я думаю, существуют разные виды СМИ. В Америке, к примеру, есть таблоиды, ищущие сенсаций любого рода. Есть гиперполитизированные издания, занимающиеся освещением избирательных кампаний в духе дерби, «скачек». И есть те, для которых важно держать отчет перед аудиторией, важен общественный интерес, а люди, в них работающие, верят, что журналистика посредством репортажа может обнажать, изменять и улучшать условия жизни людей. Вспомни Ханну Дрейер, которая недавно получила премию Фетисова, а потом Пулитцеровскую премию за серию репортажей об эксплуатации детского труда, до которой правительству не было

Первый день Катрины в качестве редактора «The Nation» с пятилетней дочерью Никой

дела. Ее репортажи привели к изменениям. Но, чтобы это случилось, нужно быть настойчивым, нужно быть бдительным, нужно долгое время, порой десятилетиями, бить в одну точку.

Я пришла в «The Nation» стажером, потому что я уважала это издание, которому в 2025 году исполнится 160 лет, за ту роль, которую оно сыграло в эпоху маккартизма, в 1940-е – 1950-е годы. Тогдашний главный редактор и его преемники были как благородные стражи свободы на фоне других, которые вели себя малодушно.

Я уважаю журналистов, которые проявляют храбрость и в хорошие времена и в не очень хорошие времена, тех, кто несмотря ни на что остается верным этическому кодексу, кодексу журналиста.

Второе. Есть разные типы журналистики. Долгие годы мы занимались литературной журналистикой, журналистскими расследованиями, международными проектами, когда мы сотрудничали с партнерами со всего мира и из разных СМИ, даже Tik-Tok и Instagram! Международная журналистская солидарность важна, и она не должна наткаться на финансовые препоны, которые часто мешали великим журналистам, таким как И.Ф. Стоун, «разгребатель грязи» Айда Тарбелл, Том Уикер, который был главой бюро «The New York Times» в округе Колумбия и бесстрашно освещал кровавые события бунта заключенных в тюрьме «Аттика» в 1971 году. Ему необязательно было это делать, но он хотел быть в гуще событий, хотел быть очевидцем и передать увиденное.

Журналисты-личности играют очень большую роль, но не менее важны журналистские организации – печатные и вещательные органы – которые не только дают журналистам финансовую возможность работать над волнующими их темами, но и обеспечивают им необходимую поддержку и ресурсы. Ханна Дрейер год вела свое расследование. Это невозможно, если у вас за спиной нет института типа «The Nation» или «The New York Times», где Ханна публиковалась. Либо надо пытаться получить грант. Старый порядок вещей умирает, старые газеты закрываются, журналисты-ветераны теряют работу, на смену государственным изданиям приходят некоммерческие.

Результатом этого кризиса является появление новых моделей – альтернативных традиционной газете, где люди работали по 25–30 лет. Возникают новые, некоммерческие издания, занимающиеся освещением отдельных областей, будь то уголовное право или проблемы женщин. Я не уверена, что «нишевая» модель является более работающей, чем другие, но это важное направление развития.

Сегодня нужно думать и действовать быстро. Нужно разбираться в новых технологиях, новых темах, понимать

пишущую молодежь, новых экспертов. Живость ума, восприятия нового в сочетании с институтами, поддерживающими журналистов, – вот что важно для сохранения лучшего, что есть в журналистике.

НА. Какие новые бизнес-модели используются в «The Nation»?

КвХ. Это не столько бизнес, сколько стратегия на ближайшие десятилетия. Интернет уже сегодня стал центральной частью нашей работы. Ежедневно в пять утра мы публикуем семь материалов. Мы установили платную подписку. Поэтому тот, кто заходит на наш сайт, дает нам свой электронный адрес и получает после этого три статьи. Это имеет стратегическое значение, потому что нам важно, кто нас читает. Я хочу, чтобы то, что мы печатаем, оказывало влияние, а не только приносило деньги.

НА. Что произошло с американской журналистикой? Помню, как я впервые приехала в Штаты, и тогда, в перестройку, американская журналистика была для нас образцом для подражания. Мы знали, что журналисты могут отправлять в отставку президентов, могут даже останавливать войны, могут озвучивать самые разные мнения. Для нас это был потрясающий пример. А что сегодня? Какие тенденции появились в американской журналистике и почему?

КвХ. Одна из самых больших проблем, которая, как я думаю, мешает журналистам совершать храбрые, рискованные расследования, – это финансовая ситуация. Журналисты сегодня больше подвержены риску, они не спешат браться за большие, громкие, вызывающие споры истории, и не только из страха остаться без заработка, но и потому, что власти предрасположены препятствовать этому.

Мы сейчас вступаем в очень непростой период. Новостные структуры принадлежат большим корпорациям, и эти корпорации, я имею в виду не только «Fox News», но и NBC и другие, у них у всех есть бизнес-регуляторы в Вашингтоне. Поэтому они действуют с оглядкой, осторожничают, не хотят обнажать неприглядные вещи о коррупции или лжи.

«The New York Times» больше не является тем мощным стражем общественных интересов, каким была раньше. Инструменты, чтобы освещать события, доносить мнение, еще есть, но финансовый вопрос стал очень щекотливым. «Los Angeles Times» и «Washington Post» не стали информационными спонсорами последней президентской кампании, что было традицией, реальной традицией, хоть и переоцененной. Они не сделали этого, потому что беспокоились по поводу исхода выборов и тех проблем, с которыми входящие в их корпорации СМИ могут столкнуться. Мне интересно было бы услышать твое мнение вот о чем: когда люди читают в интернете – что они читают? Читают ли они социальные медиа, заголовки или они читают большие статьи, журналистские расследования? Я считаю, что платформы меняются, и мы должны быстро реагировать на это, но не утрачивать сути журналистики.

И еще я считаю, что качество журналистской работы не измеряется тем, публикуется материал в интернете или где-то еще. Оно измеряется тем, сколько вкладывается в репортаж. Мнения, которые публикуются в «The Nation», в основном так и остаются мнениями, а репортаж может приводить к изменениям. И я думаю о том, что ты сказала ранее: мы рискуем столкнуться с немыслимым, если не будем пытаться делать невозможное... Как это правильно. Нужно иметь воображение – а это так трудно для людей, которые боятся потерять работу, видят свою отрасль, скажем так, не в лучшей кондиции.

В журнале «Огонек». 1991 г. Фото Юрия Феклистова

НА. Что ты думаешь о влиянии технологической/цифровой революции?

КвХ. Я так мало знаю об этом – об ИИ, например. А это скоро скажется на всём – на журналистике, архитектуре, рекламной сфере, военной. Нужно быть мудрым, чтобы понимать это, не сбрасывать со счетов, но не следует и видеть в этом спасение. Для многих групп людей существует риск, что ИИ отнимет у них работу.

НА. В России об этом много говорят. А некоторые компании уже начали использовать ИИ для анализа больших данных.

Но многие люди, да, боятся потерять работу, и в журналистике сейчас кризис, осложненный к тому же поли-

тическими ограничениями. Но я вспоминаю публикации в «The Nation» и еще книгу, которую написал Джон Николс, «Жизнь и смерть американской журналистики» («Life and Death of American Journalism»), она о развитии СМИ в мировом масштабе.

КвХ. Джон, кстати, недавно отметил 20-летие «Свободной прессы» («Free Press») – группы, которую он создал и которая дала старт движению за демократию в СМИ.

НА. Расскажи об этой инициативе.

КвХ. Это очень серьезное движение, они делают важные вещи. Например, они предприняли ряд усилий по укорочению процессов конгломерации и коммерциализации интернета.

НА. Как ты думаешь, поскольку сегодня мы наблюдаем признаки изоляционизма в разных странах – не только в России, но и в Штатах и ряде других стран – возможно ли закрытие интернета?

КвХ. Думаю, можно закрыть большую часть, но не всё. Это же целый мир, глобальный и взаимосвязанный. Вы попытаетесь закрыть одну его часть, но люди, как вода, просочатся в другие. Люди ищут места, где возможна хоть какая-то свобода слова. Есть известное высказывание одного американского писателя, по-моему, Амброза Бирса, о том, что свобода печати даруется тем, кто таковую имеет. Хотя мне меньше всего хотелось бы сегодня быть циничной.

Есть один очень хороший проект, который вселяет в меня весомую надежду относительно будущего местных новостных изданий. Это созданная моим коллегой Марком Херцгардом группа по мониторингу климата, «Covering

Climate Now». Она предоставляет информацию о климате журналистам разных изданий, от «The Times of India» до радио Южной Каролины и метеоканалов... Она есть в интернете – coveringclimatenow.org

НА. Это фантастика.

КвХ. Он написал очень хорошую книгу о СМИ в эпоху Рейгана, называется «На полусогнутых» («On Bended Knee»). Она о готовности подчиняться, когда еще нет никакого внешнего давления. Когда включаешь внутреннего цензора. Это громко звучит, но, поверь, в моей стране сегодня это происходит.

НА. У нас самоцензура – ежедневная практика.

КвХ. Это универсальное явление.

НА. Мы все чаще и чаще вспоминаем советские времена...

КвХ. Когда сидели холодными вечерами на кухнях и делились мыслями с друзьями и родными, не желая высказывать их открыто на улице или на работе.

НА. По-моему, Стив как-то сказал, что после распада Советского Союза США унаследовали самое худшее из его опыта, и наоборот.

Как ты думаешь, что могли бы сделать журналисты и что вселяет в тебя хоть какой-то оптимизм при мысли о будущем?

КвХ. Оптимизм мне внушает молодое поколение. А еще то, что все еще существует диалог, пусть и неформальный, между журналистами из разных стран, и что есть профес-

сиональные умения и навыки, которым журналисты всего мира хотят учиться. Журналисты как никто хотят менять мир к лучшему, хотят говорить правду и предлагать решения. С оптимизмом я смотрю и на эти небольшие некоммерческие структуры, в которых сейчас укрылась и восстанавливается или, скорее, выживает журналистика. Некоторые из них, возможно, слишком узконаправленные, но они делают хорошую работу, исследовательскую работу, а еще мы видим подтверждение того, что СМИ как «четвертая власть» нуждаются в стабильной, работающей демократии. Существует, продолжается диалог, но параллельно идет коммерциализация интернета, мы видим, как он все больше превращается в товар, его ценность снижается. Просто потому, что он так устроен. Поэтому на первый план выходят не журналисты, а «инфлюэнсеры», которые продвигают те или иные продукты. Но наша вера в журналистику, в хорошую журналистику и в ее способность творить перемены к лучшему в основе своей сохраняется.

НА. По-моему, Джон Николс написал, что сегодня владельцами печатных СМИ являются уже не основавшие их век назад старинные семьи с большими деньгами, а корпорации.

КвХ. Да, Джон, который вместе со своим коллегой Робертом Макчесни дал нам движение за демократию в СМИ, выразился предельно точно. Впрочем, ностальгировать по тем богатым семействам не нужно, если вспомнить, что тот же Херст «устроил» войну, но все же в ту пору существовала более тесная связь между прессой и сообществами. И проблема не только в «больших боссах» типа нынешнего владельца «The Washington Post» Джеффа Безоса или того южноафриканского врача, который купил «LA Times». Проблема еще в частных инвестициях, когда

приходит к вам компания, скажем, ALDEN, со своим капиталом, а их представление о бизнесе состоит не в поддержке журналистики и журналистов, а в том, чтобы делать деньги. И вы начинаете урезать новостной отдел, и качество репортажа падает. А их цель – консолидация бизнеса.

Серьезная проблема – монетизация новостей, о чем уже давно предупреждал Джон. Некоторые владельцы изданий могут быть хорошими людьми и эффективно управлять своими газетами, но вот Безос/«The Washington Post» не захотел поддержать президентскую кампанию, потому что, видимо, боялся, что будет наказан или будет какое-то взыскание со стороны новой администрации.

В 1990-е годы мы видели, что происходило в России. И уже тогда были признаки того же самого у нас, олигархи покупали СМИ, и это стало большой проблемой, которая не только остается, но растет и углубляется.

НА. Давай вернемся назад и вспомним о нескольких десятилетиях сотрудничества журналистов двух наших стран. Не так давно британская исследовательница Дина Файнберг написала книгу о советских и американских зарубежных корреспондентах, в которой показала, что и те и другие, разумеется, были тесно связаны со своими правительствами и обязаны были заниматься пропагандой. Но при этом они часто влюблялись в страну, в которую приезжали работать, и, будучи стойкими патриотами своей страны, начинали освещать реальную жизнь людей. А во времена Горбачёва многие даже лично сотрудничали. И не только корреспонденты. Юрий Щекочихин и глава московского бюро журнала «Time» Джон Кохан работали вместе, и в 1989 году в специальном выпуске «Time» и в «Литературной газете» публиковались одни и те же статьи...

День памяти погибших журналистов. Центральный дом журналиста в Москве. Фото Александра Воробьева. 2007 г.

КвХ. Кстати, книжные магазины понемногу возвращаются, чему я очень рада, потому что, когда приходишь в настоящий книжный магазин, ты видишь все это разнообразие книг... А в интернет-магазине нет этой радости случайной находки.

НА. Давай поговорим о твоём первом совместном проекте.

КвХ. В «The Nation» был проект, который назывался «InterNation». У нас работали журналисты – кто-то в Чили, кто-то в Исландии, кто-то в Южной Африке. В Москве мы поддерживали связь с Ясеном Засурским в МГУ, и мы организовали конференцию, это был конец 1992 года. Приехал Карл Бернштейн, работавший по Уотергейтскому делу,

и были сессии и дискуссии, и был реальный обмен мнениями по поводу журналистики. Но никакого совместного проекта из этого не получилось. Позже у нас были проекты – о последних днях Киссинджера с одной чилийской газетой, об исландском климате.

Сегодня, как ты знаешь, существуют международные ассоциации, сложившиеся еще в доинтернетную эпоху. По проекту «Пандора» (об отмывании денег в тридцати странах) сотрудничали порядка тридцати газет. Было много интенсивной работы, и это важно. И было хорошее финансирование. Проблема в том, и это случается довольно часто, что ты работаешь над проектом, поднимаешь важную проблему, но журналисты или организация не вкладываются в то, чтобы донести ее в полном объеме до аудитории, потому что нормальный человек не будет читать материал в 20 000 слов. То есть, ты заботаешься о том, чтобы разместить новость в разных модулях, дать небольшое видео, небольшую авторскую колонку. И это, полагаю, отчасти стало той трудностью, с которой столкнулись авторы таких проектов, потому что это был такой большой проект. Как убедиться в том, что он имел эффект? Да еще в разных странах. В общем, это то, что мы начали в 1992 году.

НА. А что сейчас? Думаешь, возможно будет создать нечто подобное в ближайшем будущем?

КвХ. «Covering Climate Now» – интересная модель. Это совместный проект, который делают люди из разных стран и разных СМИ, используя ресурсы медиаорганизаций, чтобы освещать состояние климата. Это нечто новое. Я думаю, что пути для партнерства существуют, у нас есть партнерские отношения с множеством групп здесь в Америке. Партнерство – хорошая модель для развития и движения вперед, если найти правильного партнера и иметь реальный проект с четко обозначенной целью. Мне не

нравится слово «нишевый». Но это реальность. И, мне кажется, для людей, которые занимаются этими небольшими проектами, это неважно.

Радио, кстати, остается недооцененным.

НА. Все слушают радио в машине.

КвХ. Так что, думаю, это было бы разумно – обратить внимание на радио, и в смысле развития медиа, и в политическом, и в культурном отношении. Подкасты – это очень большая и новая форма. YouTube. И молодые люди сегодня, я вижу это у наших стажеров, они все мультимедийные. Они разбираются во всем и умело пользуются любыми медийными формами.

Но все очень поляризовано сегодня.

НА. Это значит, что США, как и Россия, страна крайностей? Хотя у нас это обычно движение из одной крайности в другую. В Америке же крайности разные...

КвХ. Инцидент с Pussy Riot был воспринят у нас как явление гигантского масштаба. Он стал лакмусовой бумажкой, проверкой на свободу слова, на степень свободы у вас. Но что было бы, произойди это здесь, в Нью-Йорке, в соборе Святого Патрика? Да мэр Джулиани моментально прикрыл бы эту лавочку, разве не так? Некоторые люди считали Pussy Riot героями, и они действительно были интересными, но считать их мерилom свободы в России – это было, по-моему, чересчур. Опять же, много ли людей в стране знали об этом? Это здесь они стали явлением.

НА. Потому что это было нечто экзотическое из России, поданное СМИ и интерпретированное определенным образом?

КвХ. И никто не вспомнил о нас самих, какими мы были и как вели себя у нас на Юге лет двадцать тому назад...

НА. Люди повсюду не очень-то хотят знать реальную историю своих стран. К сожалению...

КвХ. А ты испытываешь оптимизм? Не в отношении журналистики как профессии, а в отношении молодого поколения вообще?

НА. Да. И мой оптимизм связан прежде всего с тем, что я слышу много новых голосов. Потому что Россия – огромная страна, и повсюду теперь интернет. И даже житель маленькой деревушки может бесплатно иметь доступ ко всей возможной информации, на всех языках.

Но должна быть идея. Нужно хотеть добывать информацию. И любой человек может создать свой веб-сайт или канал на YouTube или в другой социальной сети.

КвХ. И получить право голоса!

НА. Получить право голоса – как следствие демократизации медиасферы. Многие люди даже получают денежную поддержку; краудфандинг в России очень развит. Многие люди платят за то, чтобы слышать независимые голоса в своих городах, потому что им это нужно.

КвХ. Интересно. Собирают с помощью краудфандинга деньги, для того чтобы заниматься журналистикой?

НА. Да. Я много вижу молодежи в новых изданиях... Я верю в них, они очень быстро соображают, отлично разбираются в технологиях. Они способны находить и создавать новые, иные формы. Они по-другому чувствуют, видят мир, не так, как мы. И, несмотря на то что они

окружены со всех сторон пропагандой, их это как будто не касается. Для них это как дождь, как погода. Они ощущают себя гражданами мира. Многие имеют опыт зарубежных поездок, у многих есть связи в других странах. Они не считают, что живут за «железным занавесом».

КвХ. Они найдут способ.

НА. Среда изменилась, она другая. И я уверена, что если есть люди, заинтересованные в развитии новых, честных СМИ, они с этим справятся. Потому что я верю в человека.

КвХ. Менее масштабных СМИ. Это могли бы быть небольшие издания.

НА. Небольшие, не такие глобальные. Это один из возможных вариантов будущего развития СМИ.

КвХ. Есть такой термин – «глокальный», то есть одновременно «глобальный» и «локальный».

НА. Я верю в человеческую судьбу, в человеческий выбор, отсюда мой оптимизм. Я верю в сотрудничество и в солидарность, потому что солидарность важна, несмотря ни на что. И сегодня американцы, которые продолжают сотрудничать с русскими, они настоящие герои, и я не могу не признать этого, находясь в Штатах сейчас, в декабре 2024 года. Для русских это сложнее, многие просто боятся. Но те люди, которые верят в наше будущее развитие, они все понимают.

КвХ. Стопроцентно. Нужно, чтобы было пространство, потому что не каждый будет сражаться за него, а оно необходимо. Однако диалог все более криминализирует-

ся или демонизируется. Даже дипломатия низводится и подвергается нападкам за якобы недостаточно жесткую позицию.

НА. К сожалению, в этот процесс все больше втягиваются СМИ.

КвХ. Был такой старомодный проект, тот, что много лет назад делали совместно Фил Донахью, очень хороший телеведущий, и Владимир Познер.

НА. Телемосты.

КвХ. Это был очень плохой период в наших отношениях. Там звучали шутки про русских женщин и секс. Но это было полезно.

НА. Все их смотрели. Но сегодня такое невозможно представить...

КвХ. Несколько лет назад были попытки возобновить телемосты. Сейчас к этому нет интереса. Но диалог ведь так важен – не для того чтобы давить или навязывать, а для того чтобы открывать людям глаза на имеющиеся альтернативы. Трудно говорить честно и свободно во время войны. Есть такая книга, «Первая жертва» («The First Casualty»), она про правду на войне. Сегодня это можно видеть в нашей стране, и это, на мой взгляд, вредит диалогу, потому что люди боятся говорить. А потом они начинают бояться вас, вы становитесь опасным, потому что они не знают вас, не знают, кто вы, думают, что вы дьявол. Нужен посредник, нужны медиа, которые не будут заниматься пропагандой, а захотят говорить с широким кругом людей. Нашему телевидению, кабельному телевидению, которое, кстати, здорово потеряло в рейтингах по-

сле выборов, и CNN, им нужны люди с другими взглядами. Многие из тех, кто сегодня выступает с комментариями, имеют финансовый интерес в тех областях, о которых они говорят. Например, выступают руководители военно-промышленных корпораций и говорят о прогрессе в войне на Ближнем Востоке.

Это искусственно сужает круг возможностей в глазах людей, ведь им все время твердят: вот как вам нужно думать, и так живут не все.

Но способность думать более широко срабатывает в условиях, когда страны не ведут войну, мир более стабилен, а люди менее напуганы.

Катрина ванден Хювел

Верю в людей с фонарем

Как обстоят взаимоотношения СМИ и власти, СМИ и общества в мире? Многие коллеги уверены, что никаких драм в странах, где принципы свободы слова давно зафиксированы национальными конституциями, не происходит, это свойственно только новым демократиям. Практика показывает, что это заблуждение – тем более опасное, что оно основано не на старых интеллигентских стереотипах памятных застойных лет, когда многим Запад представлялся раем, а СССР – адом безо всяких оговорок. Мы до сих пор плохо знаем и свою, и чужую историю и практику и, увы, мало знакомы с практикой наших коллег. Тем интереснее, на наш взгляд,

будет познакомиться с позицией нашей коллеги из США, одного из наиболее ярких участников дискуссии о роли СМИ в современном обществе, главного редактора старейшего оппозиционного американского журнала «The Nation» Катрины ванден Хювел. Постоянный участник телевизионных и радиопрограмм об американской журналистике, политический комментатор и острый публицист, сторонник классических принципов свободы слова в эпоху глобализации, она любезно предоставила журналисту текст одного из недавних выступлений, который мы публикуем с некоторыми сокращениями.

Катрина ванден ХЮВЕЛ, главный редактор журнала «The Nation», США.

Я хочу быть честной. Я редактирую политический еженедельник, и в последнее время наша политическая практика заставляет меня испытывать довольно болезненные чувства. Это гнев и возмущение, которые не могут не вызывать несправедливость и обман.

Должна признаться, я верю в целесообразность и важность подобных чувств, вызванных вполне конкретными причинами и побуждающих к конкретному противодействию, – и убеждена, что они играют немалую роль в журналистике и нашей жизни в целом.

Извините, но я верю и в то, что, поскольку мы живем в этом мире, возможно и даже необходимо его совершенствовать, и журналистика занимает в создании образа и очертаний лучшего мира не последнее место.

У меня сегодня больше вопросов, чем ответов. И главный из них – как мы, журналисты, можем способствовать развитию гражданских сил, столь необходимых нормальному нравственному обществу? Как гражданин, журналист, живущий в стране, где правительство без устали лжет своему народу, будет отстаивать истину? Как журналист, переполняемый гневом от вида ежедневных безобразий,

The Nation

VOL. XCVIII—NO. 2546

THURSDAY, APRIL 16, 1914

No. 5, 14
Per. Ann.

PRICE TEN CENTS

Emerson's Journals

Edited by EDWARD W. EMERSON and WALDO EMERSON FORBES

"NO MORE REMARKABLE HISTORY OF A HUMAN INTELLECT IN ITS UNTRAMMELED DEVELOPMENT HAS EVER BEEN WRITTEN."

Early in life Emerson began the practice of keeping a journal as a depository for his thoughts and a daily record of his spiritual life. This journal was continued for more than fifty years, and all that Emerson thought and felt went into the making of it. Never before has the growth of a wonderful personality, the spiritual and intellectual development of a man of pure genius, been revealed as they are in these pages.

The publication of this journal is the most important literary event of years. It is unusual for even a small manuscript of a famous author to be published so long after his death, but here is the complete journal of America's greatest philosopher and thinker, occupying ten printed volumes, supplementing his previously published works without in any way duplicating them, and constituting a fresh and living autobiography of the man in his environment.

EMERSON AS SEEN THROUGH HIS JOURNALS

No life, no autobiography even, could give so fresh and vivid a picture of Emerson and his period as do these Journals. Through their pages we see him as a young apprentice, formulating his ideals and ambitions, learning the mastery of the written word, and turning at length from the pulpit to the lecture platform and to literature for the deliverance of his message. We see him attain a success beyond his dreams, gathering up the spiritual unrest of the times into a message of strength and inspiration for two continents. We see him in the sunny afternoon of his life, recognized as the foremost American writer and thinker, and revered as a seer by thousands of his countrymen. The most memorable phases of contemporary life are mirrored in the Journals. His impressions of foreign lands and of nearly every part of his own country occupy many delightful pages. Most interesting of all, perhaps, are the glimpses we have of Emerson as the leader of American thought at the period of its greatest activity. Gentle and reticent in society, he reserved for the pages of the Journals his real opinions of his contemporaries, and often they are of extraordinary pungency.

"UPON EVERY PAGE ARE THE OLD EMERSONIAN FELICITIES AND BENEDICTIONS, THE OLD FLASHES THAT GIVE INSIGHTS INTO THE NATURE OF MAN AND UNIVERSE."

Lovers of Emerson will be amazed at the wealth of these pages. Lavishly as the great philosopher poured out the treasures of his mind in essays and in letters, the reader will rise from the Journals with the conviction that what he gave in his lifetime was only a tithe of what he had to give. For not only do these ten volumes stand on a level with his published work in philosophic value and in unpremeditated felicity of expression, but, beyond this, they have a splendid vitality, a deep human interest in their wonderful revelation of intellectual and spiritual growth, to which his essays and letters seldom, if ever, attain. From every point of view, these volumes rank with the best of Emerson's writings, and without them his works are incomplete.

EMERSON'S JOURNALS, a chronological record of his life from 1820 to 1876, published in a style uniform with the Centenary edition of his Works and now a part of them. Completed by the publication of the tenth volume. Each volume, illustrated, \$1.75 net. Postage extra.

4 Park Street
Boston

HOUGHTON MIFFLIN COMPANY

16 E. 40th Street
New York

сможет остаться эффективным, гуманным и честным защитником правды и не давать спуску тем, кто наверху? Быть критически настроенным, но не тенденциозно оппозиционным? Говорить о том, что демократия – единственная опора и основа нашего общества, а не только о том, что сегодня она угнетена? Как создать и поддержать СМИ, которые не делают граждан пассивными, запуганными наблюдателями трагических событий, но вооружают их информацией и побуждают к сочувствию к ближним?

В нашем журнале «The Nation» мы отказываемся расценивать идеализм как неуместную вещь и, подобно аболиционистам, основавшим его в 1865 году, верим, что ничто не обладает такой силой в мире политики, как нравственность. И мы серьезно относимся к силе идей, убеждений, совести, к этическим принципам профессии.

Мы также ценим свою независимость. И поскольку грань между новостями и развлечениями в журналистике сегодня подчас трудноуловима, поскольку конформизм и монополизация превращают многие СМИ в маргинальные и честные, вопрошающие о правде голоса едва слышны, в наши дни независимость представляется еще более важной.

К сожалению, большинство американских СМИ за последние несколько лет утратили волю и задор задавать неудобные вопросы власти, что, собственно, и является основной задачей независимой журналистики в демократическом обществе. Администрации удалось слишком легко запугать их, убедить в необходимости войны, и они начали клеймить любую критику как предательство, замалчивать споры, извращать смысл таких слов, как «патриотизм» и «сострадание», и подталкивать принятие законов, которые вторгались бы в нашу частную жизнь и разрушали бы наше достоинство.

Однако всегда есть альтернатива, этому учат история и сама жизнь. И я предлагаю другой взгляд на журнали-

стику. Массмедиа – по крайней мере в первоначальном смысле – это не только передача информации, но, помимо прочего, и питательная среда, в которой ученые нередко выращивают новые биологические культуры, как пенициллин. Это важно.

Наши СМИ в чем-то сродни и питательному бульону биолога, и автомобильной трансмиссии – они доставляют с равной легкостью новости, проливающие свет, и новости, отравляющие умы.

Опубликовано: Журналист, 2005, № 2.

Надежда Ажгихина

Пропать между российскими и американскими СМИ стала глубже

американское министерство юстиции, а вслед за ним и большинство американских СМИ сделали королевский подарок «идеологическим ястребам» Кремля, о котором не мечтали даже самые смелые пропагандистские умы. Присуждение телеканалам «Russia Today» и «Спутник» статуса «иностранный агент» и бурная (вполне предсказуемая, надо сказать) ответная реакция открыли новый виток «информационной войны», последствия которого, судя уже по первым маневрам с обеих сторон, трудно предсказать.

Российские законодатели отреагировали на решение американского министерства юстиции эмоционально и стремительно: за считанные дни были приняты без какого-либо обсуждения поправки к закону о СМИ, который был

дополнен пунктами, посвященными иностранным СМИ и «иностранным структурам, распространяющим информацию». К ним «могут быть применены положения закона о некоммерческих организациях, регулирующего правовой статус некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента.

Другими словами, практически любое СМИ, имеющее иностранное финансирование, может быть включено в список «агентов» и обязано предоставлять финансовую документацию, данные о сотрудниках и иную информацию российским властям. Невыполнение повлечет астрономические штрафы и даже блокировку информационных ресурсов. Принцип включения СМИ в «агенты» не определяется, фактически все иностранные кампании имеют шанс, от «Нью-Йорк Таймс» до «Вестника Зимбабве».

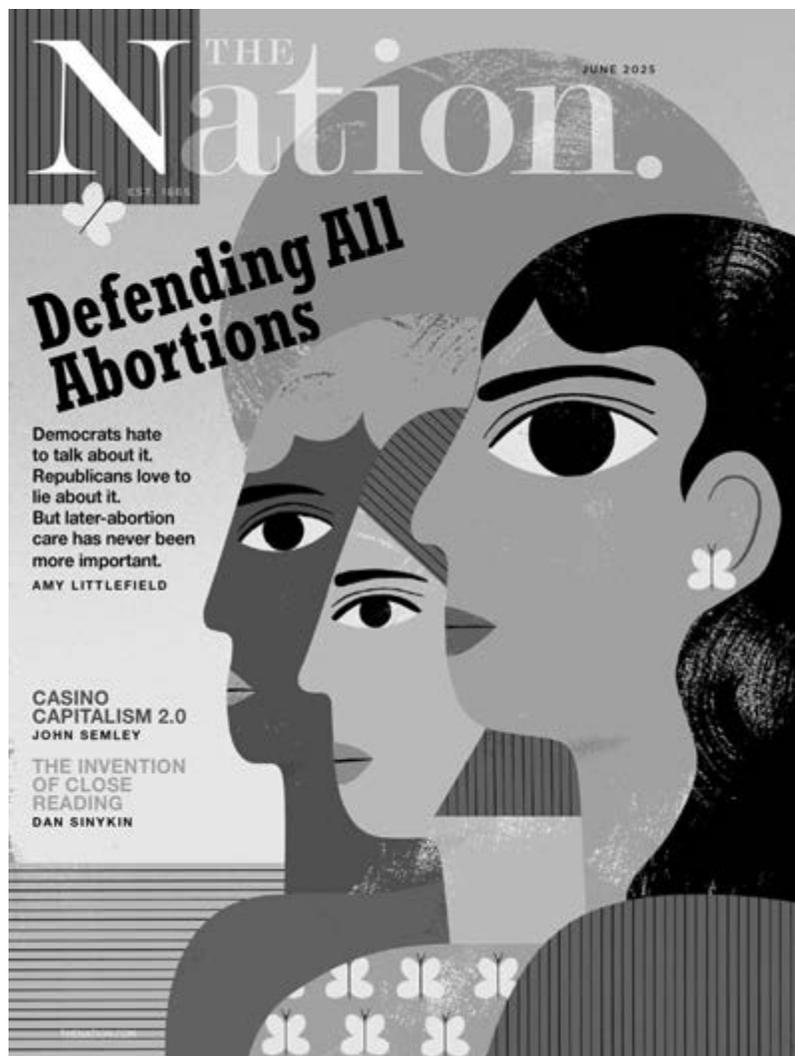
Совет по правам человека при Президенте РФ немедленно выступил в острой критикой инициативы, просил хотя бы отложить ее принятие, так как в тексте поправок оказалось много нестыковок и противоречий. Надо сказать, Совет все последние годы призывал парламент и президента вообще отменить закон об иноагентах, который до сих пор касался лишь НКО и поставил в чрезвычайно трудное положение не только сто с лишним организаций, включенных в список, но и работу всего гражданского общества. Новые поправки поставили крест на надеждах об отмене закона. Более того, вызывали опасения, что и последние предложения, по сути, делающие невозможной работу зарубежных СМИ в России, – не предел, и «закручивание гаек» будет продолжаться. Укрепила в этом и та скорость, с которой президент подписал поправки. Но еще больше – решение американского Конгресса лишить журналистов RT аккредитации. В ответ на это некоторые российские парламентарии тут же предложили лишить аккредитации в Государственной думе всех американских журналистов. Идея была подана в одном из

Московская студия «Russia Today» (Илья Пупалев / Sputnik через AP)

многочисленных экспрессивных интервью руководителем RT Маргаритой Симоньян. Впрочем, реализация предложения, как считают журналисты, практически невозможна – аккредитации иностранным корреспондентам в России выдает МИД. На момент написания этого текста в списке 9 американских СМИ. Последствия принятых решений для них будут значительно жестче, чем для RT в США. Международная федерация журналистов и другие международные организации призвали обе страны, Россию и США, отменить принятые решения, противоречащие принципам свободы слова и не преследовать журналистов друг друга. Призывы пока что не были услышаны. Напротив, «информационная война» только набирает обороты. Очевидно, что «Рашагейт» вышел на новый виток.

Что произойдет дальше, предугадать невозможно. Но даже если случится чудо и разум возобладает над амбициями принимающих решения людей по обе стороны

океана, даже если скоропалительно принятие решения будут отменены, информационное пространство, а также журналистика в целом понесут трудно восполнимые потери. Совершенно точно, в любом случае RT получит дополнительные миллиарды рублей на развитие своей деятельности в мире из российского бюджета. То есть те деньги, которые могли бы быть теоретически направлены на развитие общественных СМИ, повышение квалификации журналистов, развитие социальных программ местных газет, творческие обмены и многое другое. Нет сомнения, что американские программы по противодействию «кремлевской пропаганде» также получают средства, которые теоретически могли бы быть потрачены на восстановление некогда активных и плодотворных контактов и совместных программ российских и американских журналистов. О будущем развитии диалога журналистов, некогда активном и плодотворном, похоже, на долгое время придется забыть. И совершенно очевидно, что поиск «пятой колонны» и «внутреннего врага», в том числе и в медиасреде, в России еще больше активизируется. По знакомой уже схеме, каждый новый виток антироссийских санкций со стороны Запада ведет не к обострению отношений граждан и власти, а ровно наоборот – к усилению консолидации послушного большинства вокруг власти, которой готовы простить все прегрешения в обмен на «противостояние внешнему врагу», и новым репрессивным мерам по отношению к независимым голосам, число которых стремительно сокращается. Так было после «Акта Магнитского» и после всех санкционных решений последних трех лет. В прессе появилось крылатое выражение – в ответ на внешнюю агрессию Россия будет «бомбить Воронеж» – то есть отыгрываться на своих.

«Рашагейт» и сопутствующие ему информационные перформансы за несколько месяцев нанесли перспективам улучшения отношений двух стран удар более травма-

тичный, чем все годы холодной войны и гонки вооружений вместе взятые. Сегодня это становится очевидно. Утрачено взаимное доверие элит. Нарушены правила игры, некогда неукоснительно соблюдавшиеся. Но самое страшное – нарушено доверие между людьми, между интеллектуалами двух стран. И не вполне осмысленная еще опасность – подвергнуты сомнению основные тезисы, на которых основывалась сама необходимость и возможность диалога. «Гибридная война», в которой перемешались правда и фейк, интерпретация и факт, подлость и достоинство, – это бои без правил в темной комнате. Можно сказать миллионной аудитории то, что еще недавно считалось недопустимым. Понятия приличия и меры отброшены. Поле битвы достается моральным мародерам. Сегодня никто не верит никому.

Эксперты считают, в ближайшее время пропасть между нашими профессиональными сообществами будет только расти, и все труднее будет выстраивать мосты понимания и сотрудничества по любому поводу. Пропагандистская истерика на телеэкране также не исчезнет, и поиск «внутреннего врага» и «пятой колонны» тоже.

Кто от этого выиграет? Кому выгоден в итоге весь «Рашагейт»? Почему все это происходит?

Некоторые сторонники конспирологических теорий в Москве говорят, что сама массированная атака на малоизвестные и уж точно не оказывающие никакого влияния на широкую американскую аудиторию каналы похожа на спецоперацию по продвижению RT и «Спутника»: сегодня о них точно знают все. Исследователь американско-российских отношений и автор недавно вышедшей книги «Заклятые друзья» Иван Курилла дает более аргументированное объяснение: не впервые в Америке образ России используется для определения и уточнения собственной идентичности в тот или иной момент. Соответственно, Россия так же точно использовала образ Америки

для решения своих внутренних вопросов на протяжении веков. Это способствовало созданию многочисленных устойчивых мифов, ярче всего представленных в продукции Голливуда и Мосфильма, довольно далеких от действительности. Краткий период объятий в годы перестройки закончился полной потерей интереса американского истеблишмента к стране. Непродуманные заявления о том, что Россия – «второстепенная провинциальная держава», высокомерное поведение элиты по отношению к России, нежелание считаться с ее интересами и вообще вникнуть в реалии страны в целом закончились резким ухудшением отношений, ростом антиамериканской риторики задолго до Крыма и последующей антиамериканской кампанией в СМИ, включая заявление руководителя государственного агентства «Россия сегодня» Дмитрия Киселева о том, что Россия может превратить США в «радиоактивный пепел». «Рашагейт» в российских СМИ предстает как истерическая реакция супердержавы на постепенную утрату мирового господства и страх перед растущей «самобытной русской силой».

Для сознания современного российского либерала разворачивающийся и крепчающий «Рашагейт» – глубокая травма. Прежде всего, потому что российский либерал свято верит в устойчивость и неизбежность американских демократических институтов как таковых. Сама мысль о том, что самую крепкую демократию мира могли поколебать – и тем более повлиять на святая святых – исход выборов – какие-то хакеры, пусть и суперквалифицированные, невыносима и невозможна, почти оскорбительна. Американская практика приверженности закону, сменяемости власти и прозрачность процедур, пусть и не самых простых для понимания, – для поколений либерально мыслящих россиян (да и не только) – эталон, к которому надо стремиться. Никто из российских либералов не верит всерьез, что российские хакеры, как бы многочислен-

ны и хитры они ни были, могли оказать реальное влияние на результаты выборов. Ровно как и другие хакеры – китайские, иранские, свои американские или какие угодно. И упорство, с которым американские СМИ настаивают на исключительной роли русских хакеров, воспитанных спецслужбами, российскому интеллигенту непонятно. Он не верит своей российской пропаганде и четко улавливает, что любое упоминание о значении «русского следа» играет на руку нынешним хозяевам Кремля, но совершенно не понимает, зачем американские СМИ изо дня в день говорят об этом. Изредка просачивающиеся в прессу замечания о том, что американский истеблишмент и СМИ озабочены не Россией совершенно, но собственными проблемами, и «русский след» – не очень удачно выбранная форма противодействия сегодняшней администрации (мог бы быть и какой-нибудь другой, скажем, китайский или какой-нибудь еще) – вызывают еще большую фрустрацию. Российский интеллигент традиционно привык верить, что американские собратья искренне хотят поддержать демократические реформы и либеральные силы в России. Содействовать развитию торжества закона, прозрачности рынка, росту гражданского общества и свободному развитию искусств. Он помнит, как в годы «застоя» американские журналисты, преодолевая все препоны, встречались с советскими диссидентами, провозили рукописи свободолобивых текстов на Запад, как самоотверженные исследователи-слависты поддерживали авторов самиздата и открывали миру глаза на реалии советской жизни, о которых не говорила советская пропаганда. Журналисты и слависты, вместе с советскими либеральными интеллигентами и диссидентами по обе стороны океана подготовили мощный плацдарм для обновления политического ландшафта периода перестройки. Этот героический, без преувеличения, период, которому посвятили свои лучшие годы десятки выдающихся интеллектуалов

обеих стран, закончился. И новые сюжеты не вписываются в прежние рамки. Сегодня американские, да и в целом западные журналисты зачастую ограничиваются вполне предсказуемыми репортажами о России как об опасной стране с непредсказуемым и агрессивным лидером, и только.

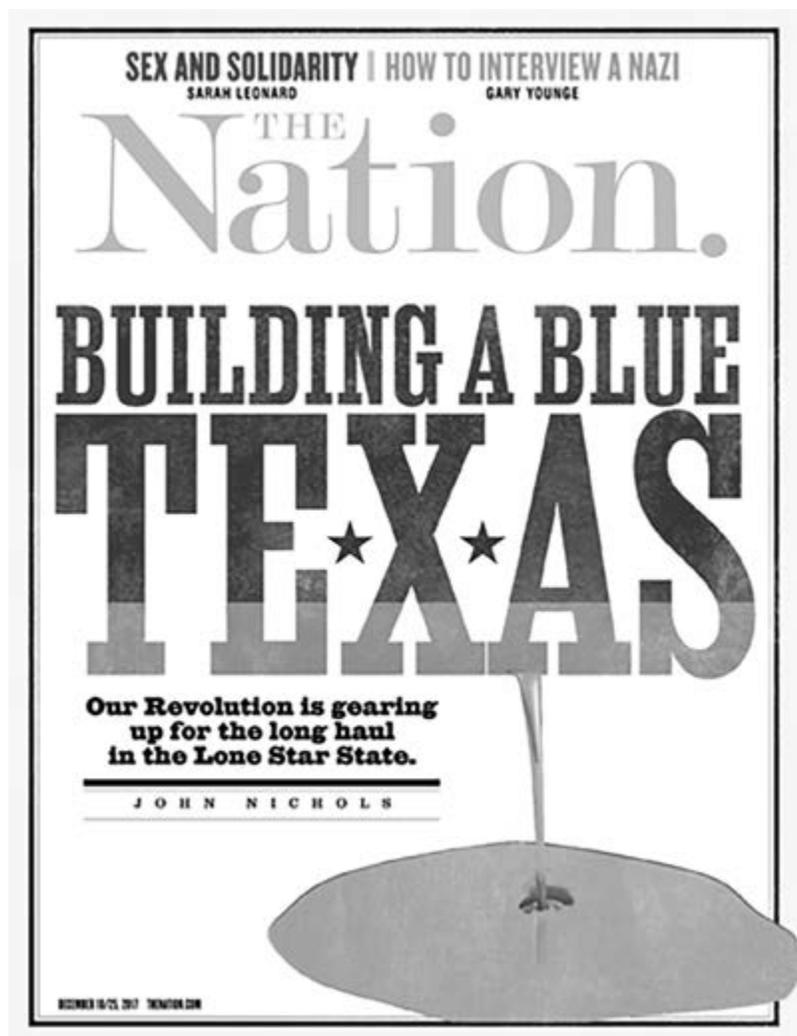
Для российских либеральных журналистов происходящее – горькое разочарование в своих собственных идеалах. «Рашагейт» убил прекрасную мечту российских либералов о совершенстве американской государственной системы, соблюдении законов, о совершенстве американской прессы. Поколения российских коллег воспитывались в восхищении американскими журналистами, аналитиками и расследователями, они были примером и образцом для подражания. Даже в советское время, вопреки пропагандистским установкам, на факультетах журналистики преподаватели не скрывали восхищения успехами американцев. Тот факт, что на деле это сегодня не всегда соответствует реальности, вызывает горькую, почти детскую обиду. Как так – лучшая в мире пресса недоговаривает, нарушает свои собственные принципы во имя сиюминутной политической цели? Чем же они отличаются от российских пропагандистов? И еще большую обиду вызывает высокомерное отношение американцев и откровенное нежелание вникнуть в противоречивую ситуацию в России. И эта обида, эти обманутые ожидания понимания, сочувствия и помощи со стороны «американских братьев по стротительству нового мира» – мина замедленного действия. Она может стать реальным тормозом будущего диалога.

Историк Влад Зубок, профессор Лондонской школы экономики, замечает, что высокомерное отношение и нежелание вникнуть в многочисленные неоднозначные тенденции постсоветского развития России наметились не вчера, он считает, что еще в 1990-е американцы предпочи-

тали формально поддерживать «своего парня» в Кремле, и игнорировали уже всю заявившие о себе противоречия в стране. Потом, когда противоречия стали острее, и демократия стала пробуксовывать, в Америке о России вообще забыли надолго, «звездные» журналисты работали в других регионах, программы по изучению страны сократились до критического уровня, информация о стране возникала только в связи с экстраординарными событиями, будоражила аудиторию, но серьезного анализа ситуации аудитория не получала. Как не получает и сейчас. И «Рашагейт» уводит все дальше и дальше от нее.

Горькое понимание, что «русская карта» в современной «информационной войне» – удобный повод свести счеты с политическим оппонентом, рождает в сознании либерала тихий внутренний протест. Ноты затаенной обиды и разочарования звучат все чаще в независимых СМИ, число которых продолжает сокращаться. Экономические трудности также не способствуют развитию частных СМИ. Аналитики утверждают, что современный рекламный рынок России не в состоянии полностью обеспечить частную прессу, менеджеры вынуждены искать дополнительное финансирование, и чаще всего средства приходят из государственных структур, с которыми издания заключают контракты на информационное обслуживание. Разнообразие голосов в российском медиаландшафте стремительно сокращается. Уход иностранных СМИ из информационного пространства России, а именно этим чреватые новые решения законодателей, серьезно сократит многообразие. Конечно, полная изоляция по советскому образцу в цифровую эпоху невозможна. Но информационная среда страны станет иной.

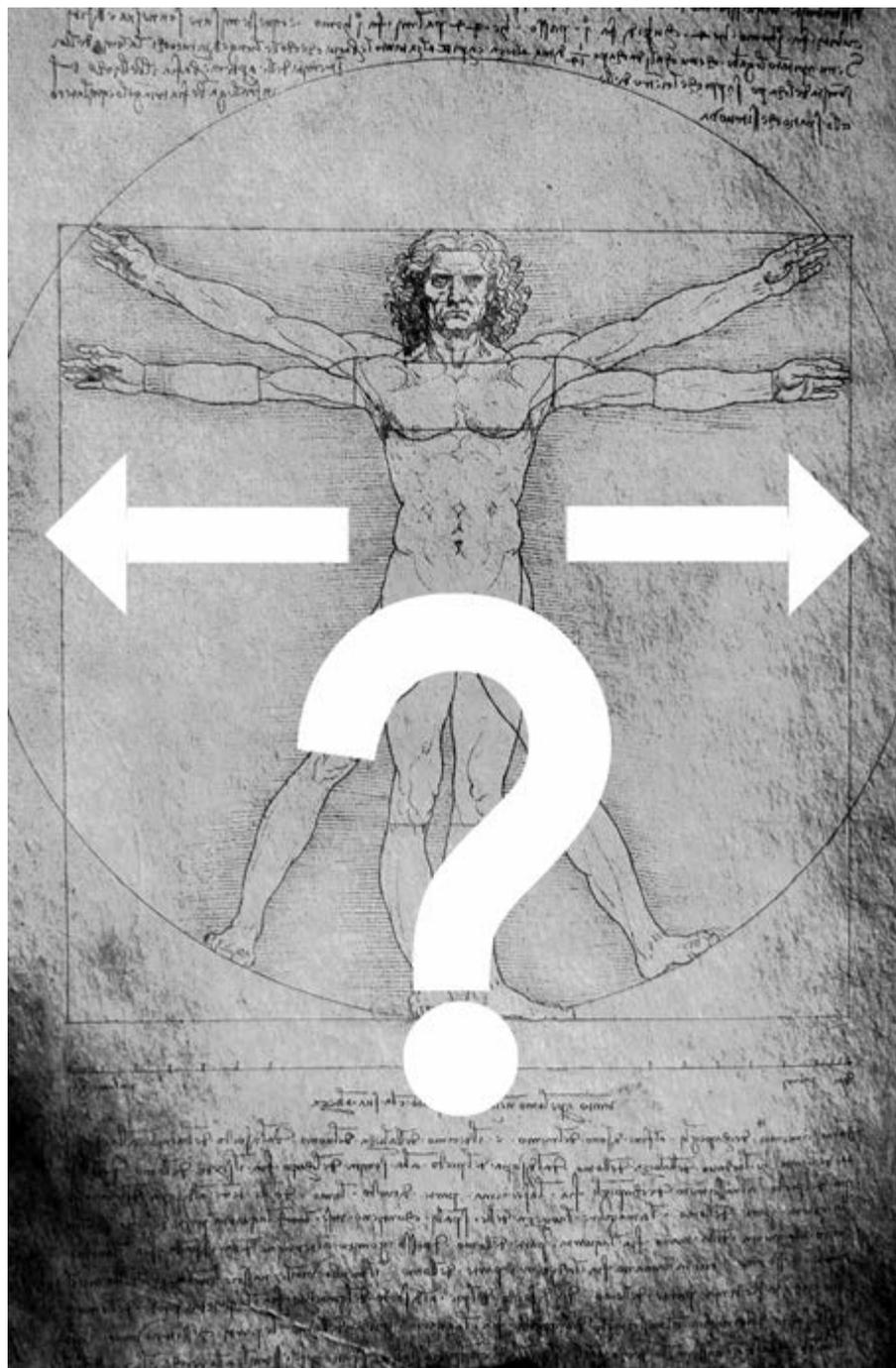
Драматизм сегодняшнего момента в том, что сегодня, в отличие от времен былой холодной войны в идеологическое противостояние оказываются втянуты не только те, кому положено по службе – политики, имиджмейкеры,

чиновники, – но и простые граждане. Этого не было при Брежнев и Рейгане. Сегодня обыватели ненавидят виртуального врага вполне конкретно и эмоционально. Должна признаться, такого, как сейчас, накала антиамериканских настроений в обществе не помню за всю свою сознательную жизнь.

Для того, чтобы русские и американские читатели и зрители увидели подлинные лица друг друга, необходимы обоюдные усилия. Ученых, журналистов в том числе, не только политиков. Чтобы в те времена, когда отношения наших стран улучшатся (а это, исходя из логики истории, к счастью, произойдет неизбежно), политикам было на кого опереться в своем стремлении возобновить доверительный разговор.

Опубликовано: The Nation, 22 декабря 2017 г.

VII

Об альтернативах

НА. Сегодня мы переживаем худший период отношений между Россией и Америкой – хуже не было за всю мою жизнь. И повсюду наблюдается рост правых настроений и ненависти. Как ты думаешь, какие альтернативы сегодня существуют? Что можно было бы считать работающими альтернативными моделями в нынешней ситуации?

КвХ. Горбачёв – вот кто был выдающимся «альтернативщиком». И он был великим реформатором, а быть реформатором значит каждый день иметь дело с возможностями, с обещаниями и с риском. Важно не забывать историю. Горбачёв понимал, что в истории всегда были альтернативы. То, что он привнес в область международных отношений, национальной безопасности, было не просто чем-то новым – прорывным. В своей речи в ООН в 1988 году он дал новое определение безопасности и предложил альтернативы милитаризму, который причинил столько зла двум нашим странам после Второй мировой войны. Он показал, что есть альтернатива: человеческая безопасность, – и она зависит не от военной мощи, а от решения проблем распространения ядерного оружия, пандемий, других глобальных проблем. Он также боролся за мир без ядерного оружия. Представляешь? Горбачёв понимал, что он был самым высокопоставленным «ядерным аболиционистом».

Но люди и страны часто не хотят альтернатив. Иногда потому, что еще не пришло время. Но меня беспокоит, что сегодня людям просто не хватает воображения представить,

Встреча Рональда Рейгана и Михаила Горбачёва. 1986 г.

как могло бы быть, и нет тех, кто мог бы это ясно объяснить. Это не романтизм и не идеализм – представить, что могло бы быть вместо того мира, в котором мы живем. Какие есть варианты? Думаю, основным и главным здесь должен быть диалог, способность говорить с другими людьми, не прибегая, чуть что, к военной риторике. Сегодня утром я видела клип на YouTube, в котором люди, собравшиеся в каком-то месте, хвастались друг другу своим оружием. Что, кичиться оружием – это альтернатива безопасности? Обеспечивает ли это безопасность? Я подумала, что вместо того, чтобы делать оружие нормой жизни, мы должны говорить о том, как избавиться от оружия. Вот если бы в каких-то дебатах, которые мы во множестве ведем в нашей стране, кто-то сказал: «Как можно закончить войну?» – вместо: «Как можно вести

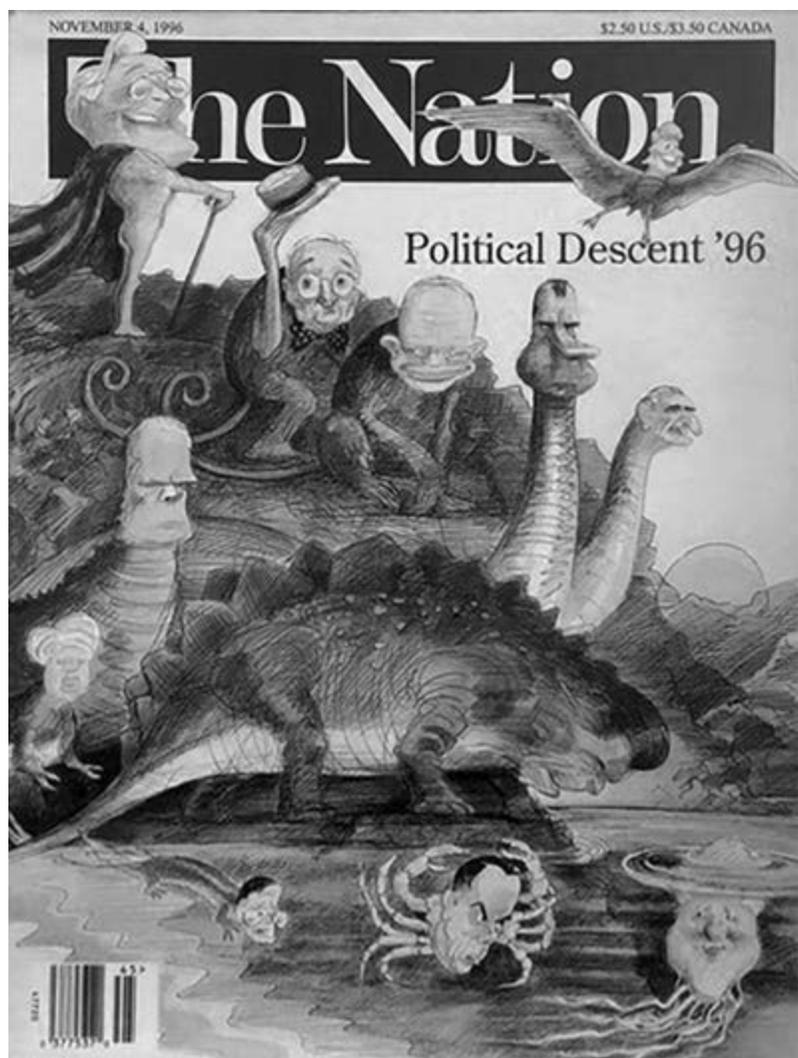
войну?»! Люди с альтернативным мышлением не станут нормализовать войну, они станут задавать жесткие, критические вопросы. Это и будет диалог. Так что я на сто процентов верю в необходимость нового мышления.

Я очень ценю очерк Стива «Большевизм и сталинизм». В нем он сформулировал альтернативу тому, что было доминирующей теорией в этой области. Вот почему вас называют «ревизионист»: вы ревизуете, пересматриваете то, что общепринято, и переставляете на другое, альтернативное, место, которое с ходу не принимают, но, по мере того как вы боретесь за свою альтернативу, она становится все более реальной.

НА. Я согласна, что нехватка воображения – болезнь сегодняшнего мира. А еще – агрессивное воздействие на мозг цифровых технологий. Оксфордский словарь английского языка назвал «brain rot» («брейнрот», буквально – «гниение мозга») словом 2024 года. Это очень точное определение сегодняшнего состояния, и это враг альтернатив. Но если люди начали бы думать, начали дискутировать между собой – а отсутствие внутринациональной дискуссии наблюдается сегодня во всех странах, – ситуация могла бы улучшиться.

Для меня «The Nation» – одна из альтернатив.

КвХ. «The Nation» с самого начала был альтернативным голосом. Он был основан в 1865 году аболиционистами – убежденными сторонниками отмены рабства. Не ради каких-то националистических целей, а с тем чтобы укоренить в нашей стране идею о том, что всегда есть альтернативы, которые могут все изменить. Возможно, сейчас мы не очень успешны, потому что вынуждены вести борьбу, в том числе за создание реальных общественных движений. Я считаю, что осознание того, что ты можешь играть роль, что альтернативное мнение нужно людям,

чтобы открыть им глаза, очень важно. Потому что наши медиа часто скорее демобилизуют, чем мобилизуют людей на борьбу за решение задач сегодняшнего дня.

Помню, я была поражена, когда читала главу о наших женщинах. Только представь: женщины, которые впервые вступили в контакт с центром гендерных исследований в своем сообществе. И всё из-за Vyi/Мы. Письма показывают, что людям было интересно, они узнали какие-то новые вещи, увидели мир, который не видели прежде и который мог привести к изменениям и альтернативам. Когда люди обнаруживают что-то, о существовании чего они не знали раньше, обнаруживают возможности, у них открываются глаза. И наоборот, невозможность каких-то вещей заставляет людей думать: я буду сидеть дома, я не буду смотреть новости, это слишком болезненно.

Ты говоришь, что у тебя есть двое друзей, которые, проснувшись утром, начинают злиться по поводу того, кто руководит этой страной. Но это чувство надо куда-то направить, в нужное русло. А не просто злиться и кричать на телевизор. Но что они могут сделать? Поэтому создание альтернатив, которые помогли бы установлению диалога, жизненно важно.

НА. Ты абсолютно права. Хочу только добавить, что проблема номер один – выход из информационного пузыря.

КвХ. Из персонального информационного пузыря, созданного интернет-фильтрами.

НА. Именно. В России тоже это существует. Люди что-то обсуждают, они смотрят тот или иной канал на YouTube, потом могут поспорить друг с другом за чашкой чая или кружкой пива, а потом отправляются спать, и на этом все кончается. Помню, то же самое было во время протестов 2011–2012 годов: люди выходили на улицы, выкрикивали

Рисунок Алексея Ерша

протестные лозунги, а затем расходились по офисам и квартирам, обсуждали за чаем или пивом, расслаблялись и забывали обо всем. Так или иначе, но это очень важно – делать что-то на практике, работать с людьми, просвещать, разъяснять, помогать тем, кто нуждается в помощи...

КвХ. В 2016 году у нас здесь было то, что мы назвали «наше сопротивление». Существуют разные виды сопротивления, и, думаю, сегодня многие люди не видят большой пользы в многотысячных демонстрациях. Сегодня люди мыслят более точно, появляется больше групп, которые разрабатывают стратегии для альтернативных решений. Но, повторяю, это очень трудно – иметь в стране прогрессивное гуманитарное движение, когда у вас война в самых разных местах. А моя любимая страна, боюсь, воюет постоянно с момента своего возникновения. Одно время была надежда, что холодная война пошла на

спад, но этого, разумеется, не случилось. Как нам найти способ закончить войну, с чего начать? Возможно, это звучит громко, но иногда диалог и дипломатия – это одно и то же. Дипломатия сегодня демонизируется, потому что очень часто в ней видят инструмент для уступок. Диалог, точнее, то, что раньше виделось как диалог с теми, кто думает не так, как вы, сегодня очень труден. Труднее доказать его необходимость, чем это было раньше.

НА. В России все связи с окружающим миром обрезаны или заморожены. Многие боятся. Правительственные структуры не поддерживают академические обмены. Люди занимаются этим, но самостоятельно, под свою ответственность. А у многих людей до сих пор нет зарубежных паспортов, и это проблема, отсутствие информации и коммуникации с миром. Начиная с эпохи Горбачёва тысячи россиян разного возраста побывали в США, приняли участие в многочисленных совместных проектах, и это повлияло на научную и культурную жизнь, создало среду, которая оказалась по-настоящему плодотворной. Программы обмена значительно подняли самооценку российских профессионалов, они уже не чувствовали себя людьми второго сорта, как это бывало в советское время.

КвХ. Бывший сенатор Билл Брэдли, который в течение долгого времени поддерживал обмены, лет пять–шесть назад написал Путину, призывая к возобновлению обменов. Но гражданская дипломатия, в которой ты тоже принимаешь участие, как и наши коллеги, такие как Синтия Лазарофф, потерпела поражение. Хотя бы иметь возможность обмениваться идеями или просто профессиональными советами. Это не представляет опасности, зато позволяет поддерживать профессиональные связи, научное и прочее сотрудничество. Научный обмен всегда был стержнем российско-американских отношений.

Рисунок Алексея Ерша

НА. Академические обмены существовали во времена холодной войны, они стали основой будущих мостов.

КвХ. Но дух кооперации очень трудно поддерживать во время войны.

НА. Вот почему нужна альтернатива – не только тем конфликтам, которые мы наблюдаем, но вообще разрешению проблем с помощью военной силы.

КвХ. Это главная беда: наше сознание сегодня настолько милитаризировано, что вместо того, чтобы направить энергию на прекращение войны, мы подпитываем войну, направляя туда все больше вооружений. А эти

вооружения, помимо того, что это грубая и разрушительная сила, очень многим приносят еще и очень большие деньги.

НА. Это очень прибыльный бизнес.

КвХ. Существует термин – «военное кейнсианство», по имени экономиста Джона Мейнарда Кейнса. Американская промышленность по большей части создает рабочие места, производя оружие.

НА. Да, люди имеют работу и получают хорошую зарплату.

КвХ. Но существуют очень обоснованные исследования, показывающие, что вы создаете более производительные рабочие места – в образовании, здравоохранении и т. д., – если переводите туда деньги из военного сектора. Но это требует огромной политической воли, а трагедия в том, что большинство политиков, поддерживающих эту альтернативу, не побеждают на выборах.

НА. Это как с программой Григория Явлинского, лидера объединенной демократической партии «Яблоко». Я была его доверенным лицом на выборах 2018 года. Никто не читал его программу, а это была фантастическая программа, как можно переориентировать экономику. Как забрать деньги из военного сектора, как наладить жилищное, дорожное строительство и всё такое. Это была очень сбалансированная и реалистическая программа, но ее проигнорировали.

КвХ. Руководители России в 1990-е годы были куда более озабочены введением «шоковой терапии», которая привела к обнищанию большинства граждан, появлению

Плакат партии «Яблоко» к местным выборам. 2024 г.

олигархов и возникновению стойких антиамериканских настроений. Так что вместо эволюционного экономического плана «500 дней» страна получила «шоковую терапию», ограбившую простых людей.

НА. Именно после этого регулярным явлением стали убийства журналистов...

КвХ. Нам до сих пор не всё известно о том, как происходил процесс разграбления России олигархами, но отчасти это было обусловлено необходимостью переизбрать Ельцина, для чего была разработана схема залоговых аукционов. Это породило страх перед альтернативами, поскольку, если альтернатива – шоковая терапия, люди не хотели таких альтернатив и были готовы вернуться к тому, что было.

НА. Люди чувствовали себя несчастными, много людей умерло. Смертность в 1990-е годы зашкаливала: преступность, алкоголизм, бедность, болезни и прочее. Но вместо того, чтобы решать эти проблемы, президент решил раздать бывшую государственную собственность людям из своего окружения – за бесценок, задаром. И эти люди начали убивать друг друга. Это был бандитский капитализм, а не капитализм в чистом виде.

КвХ. Похоже, сегодня все страны мира проходят определенный виток правозэкстремистского популизма.

НА. В этом нет ничего особо нового. Люди сыты по уши лицемерием бюрократов, коррупцией, наплевательским отношением к своим нуждам, разницей в доходах между богатыми и бедными, растущим госдолгом. А еще кризис демократических институтов, с которым бюрократия в Европе – разросшаяся, неповоротливая и дорого-

стоящая – справиться не может. Для них лучший выход – найти врага вроде России. Объявить, что Россия ответственна за всё плохое в Европе. Более того – за всё плохое в мире. Это так просто! И вот уже призраки холодной войны вновь оживают...

КвХ. Есть такое интернет-издание, называется «The Onion» («Луковица»), это сатирический журнал. Так вот, друг моей матери Терри Саузерн, который написал сценарий выдающегося фильма «Доктор Стрейнджлав», как-то заметил, что не может больше писать сатиру, потому что реальность победила. Он умер задолго до того, как Трамп пришел к власти, но это серьезное замечание. Я согласна с тобой насчет кризиса институтов, но есть еще одна вещь, в которой сходятся позиции правых и левых популистов, а именно то, что элиты повсюду обманывают нас своей политикой. Мы с тобой из больших стран, там много эмоций, точек зрения на то, почему люди голосуют за того или иного кандидата. Это не всегда политика, иногда это просто эмоциональный порыв.

НА. «Голосуй сердцем!» – лозунг ельцинской кампании 1996 года. Людьюми манипулируют политтехнологи, а сегодня еще и искусственный интеллект, все они вмешиваются в наши жизни.

КвХ. Я вчера разговаривала с одним человеком, который посоветовал мне две книги – почитать об ИИ. Мне интересно знать, какую угрозу несет в себе искусственный интеллект и каковы его возможности. Потому что сейчас я этого пока не понимаю и опасаясь, что, если не пойму, начну бояться и демонизировать его.

Есть еще одна проблема: где люди собираются? Раньше это была местная кофейня, парикмахерская, центр занятости, ротари-клуб. Сегодня же есть ощущение, что мест

для общения и солидарности людей становится все меньше, и поэтому местом встреч (в лучшем случае) делается интернет.

НА. Интернет мог бы быть.

КвХ. Мог бы! Сама идея площади... Но коммерциализация, которая последовала, заставляет задуматься о необходимости альтернативного медиа без чрезмерной коммерциализации. Кроме того, существует оппозиция большим формам, вроде того же противостояния маленького человека и большой бюрократии в Брюсселе. Это знаешь как: мол, мы хотим быть локальными и глокальными, хотим сами определять свое будущее. И раз мы сдали СМИ большим корпорациям, которые обосновались где-то там, далеко, нам нужно вернуться к региональным, местным СМИ.

НА. Я наблюдаю этот процесс в разных частях мира, начиная с пандемии COVID-19. Было исследование Международного института прессы о том, как в разных местах люди создавали новые форматы СМИ и начинали привлекать местную и региональную аудиторию, публикуя информацию по вопросам здравоохранения и некоторым другим. И это может быть как локальным, так и глобальным, достаточно взглянуть на наш женский российско-американский диалог, который стартовал как раз во время COVID-19, онлайн, и я прекрасно помню первые встречи женщин – спасибо Синтии Лазарофф, которая организовала это. Там были женщины с Дальнего Востока, из Кореи, кто-то из Японии. И в конце концов мы решили сосредоточиться на российско-американском диалоге. Ты помнишь? Это было такое яркое ощущение. Мы провели несколько встреч, и до 24 февраля 2022 года не только разместили наши диалоги в интернете, но и подготовили

открытые письма президентам наших двух стран с призывом предотвратить ядерную угрозу. И пускай подписало их не так много людей, они были опубликованы в разных местах, в том числе в крупных изданиях, и информация широко разошлась.

КвХ. Это всё важно, но главная, объединяющая идея заключается в том, что альтернатива возможна. Если вы собираетесь вместе, то необязательно вы станете силой, но вы как минимум начнете думать по-другому, и это может привести к самым разным изменениям. Меня иногда беспокоит, что люди замыкаются в бесконечных «что, если...», и их нельзя винить, но из такой позиции трудно что-то увидеть. Я очень люблю историю. В истории можно найти всё что угодно. К примеру, ты знала, что в 1920-е годы был договор, объявивший войну вне закона? «The Nation» не поддержал его, потому что в нем были слабые места, и это тоже определенная мера вещей, потому что, когда речь идет о создании реальной альтернативы, я думаю, отталкиваться нужно от возможного. Я сторонница реформ. Помню, я была расстроена, когда Берни Сандерс решил назвать свое движение «Наша революция», поэтому я приобрела футболку с надписью «Эволюция».

НА. Я тоже против революции. Надеюсь, этого никогда не произойдет, потому что революция – это катастрофа. Но мне нравится каждый день читать новости о том, что тот или иной политик или политическая группа попытались найти альтернативное решение какого-то конфликта. Это важно. Важно искать и четко формулировать альтернативы: рано или поздно ситуация обязательно изменится, и тогда людям нужно будет с чего-то начинать, и они смогут присмотреться к тем вещам, которые уже были представлены. Вот почему я считаю эту медленную работу важной.

Рисунок Сергея Щербины

КВХ. Но внутри я иногда чувствую противоречие, потому что, когда я оглядываюсь назад, на историю перестройки, я думаю, что, будь это в моей стране, я, наверное, была бы в Межрегиональной <депутатской> группе, которая все время твердила: «Горбачёв действует слишком медленно». Потому что в отношении перемен всегда существуют разные подходы. Есть наблюдатели, которые подталкивают к более быстрым и решительным изменениям, и, если повезет, есть кто-то типа Горбачёва, реформатор-эволюционист. А вот у себя в «The Nation» я порой чувствую, что наша роль – действовать смело и безоглядно, не быть прагматиками, но в глубине души я знаю, что иногда нужно быть прагматиком, чтобы достичь большего...

НА. Это верно. Но я за идеалистический подход, потому что он помогает видеть свет в конце тоннеля. А во-вторых, я отнюдь не революционер по своей сути, я участвовала в больших демонстрациях в 1991 году, и мне этого

хватило. Это был мой собственный выбор. Для меня куда важнее изо дня в день работать с людьми, объяснять, спорить, находить точки соприкосновения.

КвХ. И помогать их создавать.

НА. Альтернатива – это диалог, полноценный диалог между людьми и властью, между разными частями общества, между разными странами, разными силами.

Скажи, что бы ты хотела пожелать нам всем – американцам, русским, интеллектуалам, журналистам?

КвХ. Понимание того, что война – это не выход, новые войны это не выход, что нам нужен диалог, обмен опытом и мнениями – только это может дать нашим странам новую надежду. Я надеюсь на появление подлинно демократического СМИ. Я надеюсь, что наша книга-диалог положит начало более масштабным диалогам и приведет к улучшению отношений между двумя нашими странами, которые знали как плохие, так и хорошие времена. И я думаю, что это так трагично, и токсично, и нездорово, и вообще неправильно, что мы оказались там, где сейчас находимся.

НА. Я желаю того же: чтобы мы жили достаточно долго, чтобы увидеть изменения к лучшему, найденные новые пути, возобновление диалогов между русскими и американцами – простыми людьми, политиками и экспертами.

КвХ. Я надеюсь, что мой новорожденный внук Вэн будет играть с твоими внуками Ильей и Мишей, потому что считаю, что у детей, которые растут сейчас, есть два возможных будущих на выбор – у них есть шанс быть друзьями, сидеть и разговаривать за одним столом, а не взирать друг на друга с гневом и претензиями, мешающими диалогу.

Мы – за свет в конце тоннеля

Мы, неравнодушные женщины Соединенных Штатов и России, с надеждой смотрим на предстоящую встречу президентов Байдена и Путина, ожидая, что она станет лучом света в решении проблем национальной и гуманитарной безопасности. Мы вынуждены жить в мире, который у нас есть, а мечтаем – в том, в котором отсутствие войны было бы не только нормой жизни, но и одной из свобод и даже правом граждан.

В тот момент, когда у нас, по словам бывшего американского министра обороны Уильяма Перри и многих экспертов по проблемам безопасности, риск ядерной катастрофы выше, чем был в годы холодной войны, мы приветствуем решение наших президентов как лидеров двух стран, в чьем распоряжении до сих пор находятся свыше 90 % всех мировых ядерных вооружений, снова вступить в диалог.

В 2020 году совокупные расходы США и России на военные нужды составили, по некоторым оценкам, 839,7 мил-

лиарда долларов, в том числе 45,4 миллиарда – на ядерное оружие.

Эти миллиарды – драгоценный ресурс, который мы могли бы использовать прямо сейчас, чтобы перестроить две наши страны и удовлетворить нужды и чаяния, которые нас объединяют: рабочие места, достойные пенсии, равный доступ к услугам качественного здравоохранения, к справедливости и новому чувству безопасности у поколений постковидной эпохи.

Мы хотим, чтобы на взаимной основе был запущен процесс творческого переосмысления понятия безопасности. Военная мощь не делает наш мир безопаснее. Многие так думают, но история говорит обратное. Насилие, в том числе насилие против женщин, порождает новое насилие, а вовсе не безопасность. Понятие сильного лидерства тоже нуждается в пересмотре. Новое мышление, а не новые вооружения – вот лучшее мерило ценности лидера в наше время.

Мы мечтаем о смене тематики в СМИ наших стран. Сегодня они слишком часто пишут о военных конфликтах и насилии, и это лишь усиливает вражеские стереотипы, которые используются, чтобы оправдать рост военных расходов и неизбежное приближение к немыслимой войне. О влиянии такого подхода говорят данные соцопросов, показывающие, что негативное отношение американцев к русским выросло с 72 % в 2020 году до 77 % в 2021 году. В России процент граждан, негативно настроенных к американцам, уменьшился с 46 % до 43 %, но до 5 % возросло число неопределившихся, тех, кто затруднился с ответом. Очень важно держать публичное пространство и пути коммуникации открытыми для независимых голосов.

Мы ясно видим, что отношения между нашими странами сегодня ухудшились настолько, что первым шагом к их улучшению должно стать возвращение наших посольств к нормальной работе: нужно позволить амери-

канцам нанимать российских граждан для визовой службы и выполнения других технических работ, не связанных с безопасностью, и позволить русским увеличить штат сотрудников их посольства в Вашингтоне. Затем должно последовать взаимное открытие консульств. Эти конкретные шаги остро необходимы для облегчения диалога, а также для обмена учеными и студентами, врачами и исследователями в области медицины, писателями, художниками и артистами и теми, кто занимается важными экологическими проблемами – например, изменение климата – и восстановления народной дипломатии, которая помогала снижать напряженность во время холодной войны.

Несколько лет назад один мудрый русский человек сказал: «Мы не должны бояться друг друга; мы должны вместе бояться одного и того же».

Сегодня страхом, который разделяют более 50 % жителей обеих наших стран, является мировая война. Мы призываем наших лидеров к диалогу, целью которого будет уничтожение этого общего страха, чтобы мы могли сконцентрироваться на других, также требующих внимания проблемах: климатические изменения, пандемия, вопиющее неравенство и бедность.

В это время рисков и возможностей пора решительно пересмотреть взгляд на безопасность в XXI веке.

Представьте себе, что американцы и русские объединились в какой-то невероятный момент и высадили миллиард деревьев, что, по мнению климатологов, сократило бы на 25 % выбросы углекислого газа и коренным образом повлияло на климат. Представьте себе, что к ним присоединились люди всего мира, продемонстрировав, что мы можем сделать что-то сообща во благо Земли и человечества. Именно такого рода жизнеутверждающая коллективная безопасность нам нужна, чтобы сохранить надежду на будущее для наших детей и последующих поколений.

В 1985 году на историческом саммите в Женеве президенты Рейган и Горбачёв согласились, что «ядерная война недопустима», потому что «в ней не может быть победителей». Мы призываем президентов Байдена и Путина сделать свой Женевский саммит таким же историческим, подтвердив это заявление 16 июня. В условиях холодной войны было крайне важно заверить народы наших стран и всего мира, что при всех разногласиях между нами мы привержены идее о недопустимости ядерной войны. Не менее важно это будет и сегодня.

Катрина ванден Хювел, издатель журнала «The Nation», член правления Американского комитета согласия России и США

Синтия Лазарофф, член Американского комитета согласия России и США

Надежда Ажгихина, журналистка, член правления «Артикль 19»

Аида Аким-Эскрива, координатор программ Глобального женского фонда

Мелинда Давис, координатор Комиссии Ковид-19

Елена Черненко, журналист, член правления Совета по международной и оборонной политике

Эмма Клер Фоли, «Глобал Зеро»

Сара Линлеманн-Комарова, писательница и активистка

Ева Меркачева, журналистка, член Совета по правам человека РФ

Любовь Штылева, основательница Конгресса женщин Кольского полуострова

Колеетт Шульман, член Совета по международным делам США

Джессика Слейт

Светлана Свистунова, журналистка, кинодокументалист

Ольга Здравомыслова, социолог, вице-президент Клуба Раисы Максимовны – Горбачёв-Фонд

Наталья Журина, исследовательница, Агентство по запрету ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе

Опубликовано: Новая газета. № 64. 16 июня 2021 г.

Независимые американские и российские женщины призывают к миру

Мы, женщины из США и России, глубоко встревожены риском возможной войны между нашими странами, которые обладают 90 % мирового запаса ядерного оружия.

Мы матери, дочери, бабушки, и мы сестры друг другу.

Сегодня мы стоим рядом с нашими сестрами из Украины, ее Востока и Запада, чьи семьи и чья страна страдает, уже погибли более 14 000 человек.

Мы выступаем все вместе за мир и дипломатию, с уважением ко всем.

Нас объединяет вера в то, что дипломатия, диалог, взаимное участие в решении вопросов и обмен прежде всего необходимы для того, чтобы положить конец возникшему кризису и предотвратить катастрофический военный конфликт, который может выйти из-под контроля – и поставить мир на грань ядерной пропасти.

Для США и России единственный здравомыслящий и гуманный путь – это принципиальная приверженность ясной, созидательной и непрерывной дипломатии – никак не военные действия.

В этот опасный момент, вместо того, чтобы обмениваться обвинениями, мы должны искать альтернативы XXI века – альтернативы бессмысленным военным кон-

фликтам и безрассудным тратам на войны. Настало время заново переосмыслить безопасность, чтобы женщины, семьи и наши дети могли жить в мире.

Сейчас, когда мы находимся, быть может, в самом опасном моменте со времен Карибского кризиса, мы призываем СМИ в наших обеих странах прекратить раздувать пламя войны. Мы призываем СМИ следовать своей моральной ответственности, призываем журналистов напоминать о цене войны, о кровопролитии и потерянных жизнях, призываем требовать подтверждения тем заявлениям, которые обостряют напряженность, и иметь мужество бить тревогу о риске обострения для возникновения ядерной войны, которая, как мы знаем, означает конец всего.

В то время, когда бедность нарастет в США, Украине, России, когда весь мир стоит перед экзистенциальной угрозой изменения климата, пандемии, которая уже унесла 5,8 миллиона жизней и продолжает уносить новые, уменьшает продолжительность жизни и увеличивает неравенство повсюду, не пора ли взглянуть на все по-новому?

Как было бы важно найти время и изложить видение XXI века – не только в плане продвижения мира и безопасности, но и в плане того, как объединить мир – по существу, представить новый реализм? Какой могла бы выглядеть созидательная, гуманная дипломатия? Если подойти в этому вдумчиво, она могла бы сделать намного больше, чем преодолеть украинский тупик, – она могла бы проложить путь к широкому сотрудничеству США, России и Европы и так далее в области климата, разоружения и многого другого. Она могла бы заронить семена новой, демилитаризованной и основанной на общей безопасности архитектуры.

Мы, независимые женщины, стремящиеся к миру и безопасности, понимаем важность участия ума и сердца в этом процессе. Мы призываем разделить наш призыв к миру и побуждать правительства продолжать разговор,

продолжать ясную, творческую и непрерывную дипломатическую работу.

Мы переживаем время страха, но также – время надежды и возможностей. Мир находится в движении, будущее еще не написано. Как американки и русские, мы понимаем важность снижения напряжения между нашими странами. Мы предлагаем более реалистичский и более мудрый подход, нежели подготовка к вооруженному конфликту, который может повлечь неопишемую ядерную войну.

Мы стоим вместе и призываем к миру. Становитесь рядом с нами.

Обращение написано американскими и российскими женщинами – участницами диалога и новой инициативы по построению мира, основанной в 2021 году организацией «Женщины, меняющие наше ядерное наследие» и Американским комитетом американско-российского согласия.

Джеки Абрамян, писатель

Надежда Ажгихина, журналист

- Сьюзен Аллен*, доктор, директор центра построения и практики мира, школа Картера по построению мира и разрешению конфликтов, Университет Джорджа Мейсона
- Наталья Биттен*, журналист, феминистка
- Елизавета Ведина*, художник-иллюстратор
- Наталья Журина*, сотрудник по исследовательским и образовательным программам, Организация по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне
- Паола Карб*, Центр построения и практики мира, Университет Джорджа Мейсона
- Сандра Клинтон*, член правления Эмерита Фонда биосферы, основатель и редактор издания «Танец духа», писатель
- Дулсе Кугелман*, Центр гражданского построения мира
- Синтия Лазарофф*, основатель инициатив «Женщины, меняющие наше ядерное наследие» и «Ядерный призыв проснуться», член правления инициативы «Планета», член правления Американского комитета «За американско-российское согласие»
- Сара Линдерман-Комарова*, писатель, исследователь и активист
- Ольга Малютина*, художник
- Ева Меркачева*, журналист, член Совета по правам человека РФ
- Галина Михалева*, председатель гендерной фракции партии «Яблоко»
- Лариса Михайлова*, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ, научный секретарь Российского общества по изучению американской культуры
- Галя Морелл*, полярный исследователь и художник, соучредитель инициативы народной дипломатии «Арктика без границ»
- Марина Писклакова-Паркер*, доктор социологии, исследователь, основатель и руководитель правления центра профилактики насилия «Анна»

Джоан Портер, активист

Энн Райт, полковник американской армии, дипломат в отставке, член правления организации «Ветераны за мир»

Карен Сперлинг, автор и издатель

Светлана Свистунова, журналист, документалист

Анн Финч, доктор, профессор Университета Висконсина, руководитель рабочей группы «За мир и просвещение в области ядерных вооружений» Ротари клуба, «Чемпион мира» Ротари-клуба 2017 года

Катрина ванден Хювел, председатель редакционного совета и издатель журнала «The Nation», член правления Американского комитета «За американско-российское согласие»

Любовь Штылева, основательница Конгресса женщин Кольского полуострова

Опубликовано: Новые Известия, 16 февраля 2022 г.

Григорий Явлинский

Прекратите!

Когда уже абсолютно очевидно надвигались масштабные боевые действия России в Украине, то, что теперь сам Путин назвал войной, очень многие в российских элитах и оппозиционно настроенных СМИ долго в реальную возможность этого не верили. В 2021 году, когда все было вроде бы ясно, – не верили. В июле Путин написал статью, в которой открыто и подробно рассказал о своих целях и намерениях, – не верили. И когда в сентябре на выборы в Думу «Единая Россия» пошла во главе с министром обороны – не верили. Не верили, даже когда в конце года Кремль выдвинул ультиматум США и НАТО...

Григорий Явлинский, основатель партии «Яблоко». Фото Евгении Новожиной (Гетти)

А 24 февраля, когда все это началось, удивились – «кто же мог подумать?!». Убедились, что правда, испугались, разбежались, попрятались...

«Спецоперация» в Украине продолжается почти год. За это время с обеих сторон погибли тысячи людей, разрушены целые города, миллионы людей стали беженцами.

Но сейчас, на наших глазах, полным ходом идет подготовка к еще более масштабным военным действиям. При

этом все ключевые участники – Москва, Киев, Вашингтон, Брюссель, НАТО, а вместе с ними и толпы милитаризованных болельщиков, сидящих в кафе и ресторанах, гостиницах и уютных квартирах, как и многочисленные интернет-СМИ, – все требуют продолжения боевых действий, фантазируют о каких-то победах, захватах и переломах, агитируют за новые наступления.

«Мыслители»-мечтатели из пока безопасного далека призывают непременно продолжать военные действия до победного конца, рассказывают на страницах известных журналов о «прекрасной парламентской России будущего» и «показательных судебных процессах». «Аналитики» умно и холодно уточняют, что на мир пока запроса нет...

И снова, как год назад, почти никто не понимает – или боится произнести вслух, – что опасности очень серьезно нарастают и что у происходящего, то есть у продолжения военных действий, в принципе нет положительной перспективы. Никакой!

Если все это продолжать:

будут новые тысячи погибших;

разрушения станут критическими: экономика в зоне активных боевых действий и на прилегающей большой площади будет в решающей степени необратимо уничтожена;

поток кажущейся сейчас безграничной иностранной помощи Украине с ростом масштаба разрушений будет неизбежно ослабевать;

экономические проблемы, порожденные боевыми действиями, окажутся гораздо более трудными, чем даже военные, а многие – неразрешимыми;

произойдет критическое разрушение человеческого потенциала, что станет главным непоправимым последствием эскалации;

риски превращения разрастающегося конфликта в мировую войну станут (и уже становятся) запредельно высокими.

Важно понимать, что в XXI веке положение и благополучие государства и его граждан больше зависит не от территорий и даже не от природных ресурсов, а от того, какое место занимает страна в мире. Мы живем в эпоху, когда ключевую роль играет человеческий капитал. От людей, их свободы, их творчества и образования зависит будущее нации.

И не стоит проводить параллели между происходящим в Украине сейчас и событиями Второй мировой войны.

Никогда в прошлом ядерная держава не была участником крупного военного столкновения, в котором затрагиваются ее жизненные интересы и перспективы. Это реальная угроза.

Путин и раньше, и совсем недавно не раз прямо говорил о готовности применить ядерное оружие. Не стоит загонять ситуацию в угол. Надо прекращать.

Известно, что многие территориальные конфликты не имеют конца. Есть только один успешный пример территориального мира – это Евросоюз. Объединение европейских государств сделало политически безразличным, на чьей территории теперь находится Эльзас и Лотарингия, за право обладания территорией которых сложили жизни многие тысячи французов и немцев. Принятая всеми участниками Евросоюза идея, согласно которой жизнь человека, его достоинство и его права ценятся выше, чем любые национальные границы, стала залогом мира в Европе.

Именно в этом заключается смысл современной жизни. К этому рано или поздно придут и Россия, и Украина, и Беларусь – к мирному сосуществованию друг с другом и с другими европейскими странами. Это безальтернативный путь к миру. Но путь этот сложный и долгий.

Что делать сейчас? Прекратить! Все остальное – глупые и очень опасные иллюзии.

Заключить соглашение о прекращении огня. Перестать убивать людей!

Заключение соглашения о прекращении огня – это не про договор, не про мир и даже не про перемирие или масштабный диалог. Это политическое требование, направленное на сбережение жизней. Это сегодня главное.

Соглашение о прекращении огня – самый предварительный, самый первый шаг к любому началу урегулирования. Пока идут боевые действия и гибнут люди, никакие попытки обсуждений или переговоров не имеют смысла. Поэтому в сложившихся обстоятельствах соглашение о прекращении огня является неизбежно первым шагом для любого хоть какого-то позитивного развития событий.

Соглашение о прекращении огня – это политическое требование, реализация которого целиком и полностью зависит от желания и понимания людей, принимающих решения. На практике его можно реализовать лишь в том случае, если как минимум Путин, Зеленский, Байден и руководство ЕС и НАТО захотят это сделать. Но проблема в том, что никто из них сейчас такого желания не проявляет. На сегодняшний день все стороны намерены продолжать широкомасштабные боевые действия, ошибочно рассчитывая на военную победу, которая в современных условиях недостижима ни для кого. Поэтому надо настаивать: необходимо прекращение огня! Если этого не произойдет, последствия будут катастрофическими и, скорее всего, как уже было сказано, необратимо разрушительными.

И главное – ежечасно погибающих в этой катастрофе людей не вернуть уже никогда: ни полутородаводалого Макара и 15-летней Ани из Днепра, ни 5-летней Миланы из Донецка, ни 9-летнего Ивана и 8-летней Нины из Ейска.

Продолжение военных действий в любой форме – наступательной или позиционной – не сулит никакого положительного развития событий ни для России, ни для Украины, ни для западных стран. Продолжение – это не-

скончаемая и непоправимая трагедия. Закончить конфликт «на поле боя», как некоторые мечтают, не получится. Государство Путина не остановится ни перед чем. Россия не станет бессильной в результате этой <...>. Она останется одной из двух крупнейших ядерных держав мира.

А вот лишить перспективы Украину, которая за последний год, по мнению всех мировых экспертов, «впервые в современной истории стала крупным государством в Центральной Европе», поставив под сомнение возможность восстановления ее экономики вследствие боевых действий, – вполне возможно. Не надо до этого доводить.

Сегодня совершенно очевидно, что нужно все это прекратить. Всем. И уже после этого пытаться разговаривать. Главное, что в это время не будут убивать людей.

Только так можно обсуждать территориальные вопросы, границы, перемещение войск... Потом понадобится и дипломатия – жесткая, трудная, с провалами и ограничениями. Мы все оказались в ситуации, в которой у нас остались только либо плохие варианты, либо еще более худшие. Хороших вариантов теперь уже нет.

Однако все еще есть вариант, когда можно обойтись без новых колоссальных жертв – это немедленно прекратить боевые действия. И требование использовать этот вариант должен сейчас предъявлять каждый, кто не хочет убивать ни в чем не повинных людей и не желает, чтобы это делали от его имени. Доносить свою позицию всеми пока доступными средствами.

Кричать на каждом углу: одумайтесь! Прекратите!

Опубликовано: The Nation, сентябрь 2023 г.

Надежда Ажгихина

Диалог граждан – лучшее лекарство против ненависти, недоверия и милитаризма

Российские и американские студенты, участники конференции «Второго трека» в Санкт-Петербурге, не доверяют СМИ и политикам, но верят в окончание холодной войны.

Кому мы доверяем?» – так называлась только что прошедшая в Санкт-Петербурге конференция, которую организовал Институт гражданской дипломатии «Второй трек» вместе с Санкт-Петербургским педагогическим университетом имени А.И. Герцена, собравшая экспертов и студентов из двух стран.

В первые же минуты работы конференции в памяти возникли сюжеты самых первых встреч советских и американских студентов и аспирантов в Москве в разгар перестройки, в которых мне самой довелось участвовать. Тогда и мы, и наши новые собеседники (некоторые из которых стали впоследствии друзьями на жизнь) были уверены, что совсем скоро, мы разрушим не только «железный занавес», но и железобетонную стену недоверия, предрассудков и непонимания между учеными и простыми людьми наших стран, гонка вооружений и угроза страшной войны навсегда уйдут в прошлое, и мы вместе будем строить прекрасный новый мир. До сих пор многих из нас мучает вопрос: почему не получилось? Что сделали не так, не сумели? Почему снова на повестке дня – новая холодная война, риторика вражды и ненависти? Как победить их сегодня?

Участники встречи – студенты американских и питерских вузов, очень напоминали нас тогдашних, они так же

жадно стремились обсудить все темы, узнать друг друга, наговориться всласть. Практически все русские студенты прекрасно владели английским, значительно лучше, чем мы 25 лет назад, многие учились или проходили стажировку к США и Великобритании, американские – они приехали в Россию по обучающим программам – также знали Россию значительно полнее, чем их сверстники раньше. Совершенно очевидно, что годы, прошедшие с первых встреч, произвели реальные перемены в образовании, в исследованиях России и Америки.

В этом в том числе и заслуга инициатив Института гражданской дипломатии «Второй трек», чья деятельность началась еще до перестройки. Среди этих инициатив – диалог в области освоения космоса, философии и психологии, встреча Американского ПЕНа с Союзом писателей СССР, проведение первых телемостов между Россией и США с участием широкой аудитории. События, которые произвели прорыв, открыв дорогу будущему сотрудничеству и множеству совместных проектов в самых различных областях. «Второй трек» собрал не просто виднейших экспертов – политиков, исследователей, переводчиков, он стал жизненным проектом для его организаторов, убежденных в том, что человеческие отношения и профессиональный диалог способны противостоять милитаризму, пропаганде и предрассудкам. Президент Института гражданской дипломатии Далси Мерфи, культуртрегер Николай Ильин, переводчица Нина Буис, славист Питер Кауфман, и другие – сохранили эту уверенность по сей день и предоставили площадку молодым. Основные темы обсуждений и работы в группах – значение СМИ в конфронтации, дезинформация, создание образа внутреннего и внешнего врага и его деконструкция.

Оказалось, двадцатилетние из обеих стран смотрят на мир удивительно похоже. Они не доверяют телевидению, будь то «Первый канал» Российского ТВ или ТВ «Фокс»,

Телемост Ленинград – Бостон. 1986 г. <https://inosmi.ru/20190708/25433225.html>

предпочитают обращаться к не зависимым от государства и бизнес-империй источникам, они, вопреки сложившемуся мнению, читают серьезные газеты и журналы – «Ведомости», «Новую газету», «Нейшн», «Гардиан» и «Нью-Йорк Таймс», активно следят за новыми ресурсами в интернете и полагаются на круг близких друзей и их мнение больше, чем популярные СМИ. В числе авторитетных источников знаний о России у молодых американцев работы Стива Коэна и Джека Мэтлока. Причиной нового витка холодной войны и американцы, и русские назвали ангажированность многих СМИ и политиков. Всех отличает критические отношение к информации. «I am skeptical» – эти слова Ника, студента из Майами, стали мемом конференции. Так же, как и слова Сойлера из Колорадо, адресованные всем американским студенам – «Приезжайте в Россию, тут совсем не страшно, и вы узнаете много ново-

го». К сожалению, студенческие поездки становятся все менее доступными – русским трудно получить визу, американцам – финансирование, об этом также шла речь. Среди глобальных вызовов многие молодые видели не только ядерную угрозу, но изменение климата, развитие биотехнологий. И все без исключения верят в то, что контакты и совместные проекты изменят ситуацию в обществе и в политике.

Как деконструировать образ врага? В своем видеообращении российский ведущий первых совместных телемостов Владимир Познер говорил с горечью о том, что образ врага укоренился в сознании в обеих странах, что в сегодняшнем мире разорванных смыслов агрессия заняла более глубокое место в умах и душах, чем в период старой холодной войны. Его выступление как будто перекликалось с только что вышедшей новой книгой Махиала Горбачёва «В меняющемся мире», где он писал о том, что «холодная война никуда не уходила, менялся лишь ее накал». Как будто отвечая Познеру, главный редактор и издатель «The Nation» Катрина ванден Хювел в своем видеообращении говорила о важности солидарности в противостоянии агрессии и популизму, о солидарности журналистов и аудиторию, об ответственности.

Молодые участники встречи, судя по всему, как раз те люди, которые не боятся брать на себя ответственность за принятие будущих решений и деятельное участие в политических и общественных процессах. Многие из них, как русские, так и американцы, сказали, что хотели бы стать политиками и дипломатами. И в этом – несомненно, знак надежды.

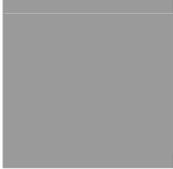
На завершающей сессии обсуждали родившиеся в Петербурге предложения новых совместных проектов, среди которых исследования, встречи, регулярный обмен информацией и вовлечение в разговор большего числа участников из двух стран. Встреча «Второго трека» – это

реальный пример того, как гражданская дипломатия преодолевает несовершенство «Первого трека» и подсказывает возможности развития.

«Второй трек» – незаменимая возможность улучшения отношений дипломатических, подготовка общественной атмосферы, необходимой для перехода российско-американских отношений в новое качество, – сказала заведующая кафедрой РГГУ профессор Виктория Журавлева. – Сегодня значение «Второго трека» трудно переоценить. Но важен и «Третий трек» – это контакты обычных людей, не экспертов, которые также важны для будущего».

Конференция в Петербурге – шаг к развитию этого будущего, оно, по сути, уже рождается сегодня. И это – самое важное.

Опубликовано: The Nation. 25 сентября 2018 г.

Постскрипtum

КвХ. Эта книга – наш небольшой вклад в перезагрузку и, надеемся, улучшение российско-американских отношений. В момент, когда мы заканчиваем свою работу, диалог между нашими странами сведен к историческому минимуму, какого не было даже в годы холодной войны. Как редактор «The Nation», старейшего американского журнала, непрерывно издающегося с 1865 года, я твердо верю в действенность независимых СМИ. И Надя с ее журналистским и активистским опытом разделяет это убеждение.

НА. За долгие годы работы в журналистике и в гуманитарных организациях я убедилась в том, что свобода слова, несмотря на все вызовы и испытания последних лет, остается важнейшим основанием демократического развития. Свободная и ответственная журналистика – это благо для всех.

КвХ. Мы обе твердо верим в необходимость говорить правду в лицо власти – при том, что ее представители зачастую и сами знают эту правду, но стремятся скрыть ее от людей. Мы верим в то, что гражданское общество, дискуссия, диалог жизненно важны для устойчивого социального и политического развития. И мы верим в то, что перемены возможны, хотя время, в которое мы живем, не располагает к оптимизму.

НА. Я уверена, что конструктивный диалог – внутри общества и между странами – является жизненной необ-

ходимостью. Я хорошо помню окончание холодной войны, когда вдруг закончились годы взаимного недоверия и враждебности, и наша надежда на перемены обрела реальные черты. Это было время активных диалогов и встреч – между политиками, экспертами, профессионалами в разных областях, и также между обычными людьми. И люди не только поддерживали изменения в политике, но и искали новые пути принятия важных решений.

КвХ. Сейчас, когда я это пишу, Соединенные Штаты готовятся отметить первые 100 дней президентства Трампа. Оппозиция Трампу, которую я всецело поддерживаю, не должна превращаться в оппозицию здравому смыслу. Соединенным Штатам и России нужны здоровые рабочие отношения – не надуманный триумфализм и не деланая дружба, – которые отвечали бы взаимным интересам двух стран, таким как окончание беспощадной украинской войны, сокращение и запрет ядерных вооружений, решение проблемы климата, создание зеленой инфраструктуры в сфере занятости и инвестиции в гуманитарные нужды (здравоохранение, жилье). Только так можно добиться подлинной безопасности.

НА. Без мира невозможно будущее развитие.

КвХ. Мой отец, умерший в 2020 году, в прошлом был дипломатом. Свой последний год жизни он посвятил делу мира, и мне грустно, оттого что сегодня слово «мир» во многих случаях стало крамольным словом. Но он был человеком, преданным идее ООН и той роли, которую эта организация сыграла в прекращении «бедствий войны». Мы продолжаем его дело. Мы с Надей также продолжаем дело Стивена Коэна и Юрия Щекочихина.

НА. Историю создают не только лидеры, но и обычные люди, поэтому так важен диалог между людьми, поиск

возможностей для совместной работы. В течение многих лет множество людей с той и другой стороны работали, чтобы сделать диалог возможным. Они верили в него, в его перспективы. И в какие-то моменты достигали значимых результатов. В своей книге мы хотели вспомнить таких людей и их достижения. Опыт создания альтернативы эскалации и недоверию очень важен для будущего.

КвХ. Хорошо, если наш диалог положит начало каким-то идеям или проектам. Почему бы не возобновить студенческие обмены? Или обмены будущими лидерами и учеными? А может, это будут совместные научные изыскания или освоение Арктики?

НА. Я верю в людей, в их интерес к диалогу, к совместному поиску ответов на волнующие нас важнейшие вопросы.

КвХ. А главное, мы должны сохранять, поддерживать в людях обоснованную надежду.

НА. Надежда умирает последней.

Издания АИРО-XXI

В 2012–2025 гг.

2018

- 100 лет Красной Армии. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 192 с.
- Аймермахер, Карл.* Воззрения и понимания. Попытки понять аспекты русской культуры умом. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 308 с. : ил.
- Бириштейн В.Я.* СМЕРШ, секретное оружие Сталина / Послеслов. Б.В. Соколова; авториз. пер. с англ. С.С. Гитмана. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 832 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России»).
- ВАДА Харуки.* Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 592 с. : ил.
- Волженина Е.В.* Жизнетворчество грубых гуннов, или Модернизм – массам / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 208 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).
- Выдрин, Дмитрий.* «Золотая игла», или Восьмой дан Владимира Путина / Под ред. Дмитрия Андреева. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с. : ил.
- Дедков Н.И., Бордюгов Г.А., Щербакова Е.И. и др.* История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / Под общей редакцией А.Д. Некипелова и С.Н. Катырина. Том второй. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 1056 с.
- Егорова, Екатерина.* «Метрополь» – столица Москвы. 2-е, расширенное и дополненное издание. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 448 с.
- Ежегодник Японии. 2018. Т. 47. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 432 с. : ил.
- Кирьянов И.А., Золотухин Н.В.* Поветлужье в 1918 году. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с.
- Коэн, Стивен.* Избранное. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 800 с. : ил.
- Кравчук Н.В.* Русь расколота (XIII–XV вв.). – М.: АИРО-XXI, 2018. – 304 с.
- Малькевич В.Л., Митрофанов И.Л.* Россия – 2018: от стагнации к прорыву / Предисловие академика РАН А.Д. Некипелова. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 608 с.

- Международный научно-экспертный форум «Примаковские чтения». Мир в 2035 году. 29–30 июня 2017 г. Сборник материалов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 128 с.
- Моммзен, Ганс.* Нацистский режим и уничтожение евреев в Европе / Предисловие Карла Аймермахера – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с. – (Серия «АИРО – первая публикация в России»).
- Некрасов М.А.* Савва Мамонтов. Молодые годы. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 272 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Некрасов М.А., Маношкина Г.И.* Сапожниковы. Московские фабриканты. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 424 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Посадский А.В.* Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод гражданской войны – М.: АИРО-XXI. 2018. – 520 с.
- Рябцев В.Н.* Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки) / Предисл А.А. Вартумяна. – М.: АИРО-XXI. 2018 г. – 720 с.
- Смирнов С.Н.* Советская эпоха в переписке историков. Конец 1940-х – конец 1980-х годов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 368 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2018. – 320 с. : ил.
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 1. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г. А. Бордюгов, А. Г. Макаров, Б. В. Соколов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 544 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 2. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г. А. Бордюгов, А. Г. Макаров, Б. В. Соколов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 560 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г. А. Бордюгов, А. Г. Макаров, Б. В. Соколов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 560 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Яхонтов С.Д.* Воспоминания 1853–1917. Том 1. – М., 2017. – 984 с.

Яхонтов С.Д. Воспоминания 1917–1942. Том 2. – М., 2017. – 836 с.
Russian Japanology Review. Vol. 1 / Ed. by D. Streltsov, S. Grishachev.
Moscow: AIRO-XXI, 2018, 168 p.

2019

- Андреев Д.А., Бордюгов Г.А., Рыбаков А.М. Евгений Максимович Примаков: судьба и эпоха / Предисловие Владислава Малькевича. – М.: Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2019. – 216 с.
- Бордюгов Г.А. Пространства российской истории XX–XXI веков / Составление и предисловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 352 с.
- Бордюгов, Геннадий. Сталин: культ юбилеев в пространствах памяти и власти. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 192 с.
- Булгаков А.О. Балашов в кольце фронтов. 1917–1921 / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2019. – 272 с.
- Выжutowич, Валерий. Между тем / Предисловие Дмитрия Быкова. М.: АИРО-XXI, 2019.
- Дубровина О.В. В отражении врага... Представления о Советской России в Италии в межвоенный период. 2-е издание исправленное и дополненное. – М.: АИРО-XXI. 2019. – 408 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Ежегодник Япония – 2019. Т. 48. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 464 с. : ил. Историография новой и новейшей истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2019. – 272 с.
- Кривошеев В.Д. Жизнь и приключения в эпоху перемен. До и после Перестройки. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 584 с.
- Куренков Г.А. Защита военной и государственной тайны. Главлит во время Великой Отечественной войны. – М.: АИРО-XXI. 2019. – 240 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Малькевич В.Л. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 1. Революция 1917 года: взгляд спустя столетие / Предисловие академика РАН Александра Дынкина. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 472 с. : ил.
- Малькевич В.Л. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 2. Гражданская война в России (часть 1) / Предисловие профессора Андрея Венкова. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 512 с. : ил.

- Малькевич В.Л. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 2. Гражданская война в России (часть 2). – М.: АИРО-XXI, 2019. – 672 с. : ил.
- На ветрах Гражданской войны. Воронежская деревня в 1917–1922 гг. / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 464 с. : ил.
- Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х годов. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 560 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга вторая. Обеды и ужины в узком кругу («симпозионы»). – М.: АИРО-XXI, 2019. – 528 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Некрасов Михаил, Дубинина Людмила. Мария Фёдоровна Якунчинова. Жизнь и деятельность. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 496 с.
- Некрасов, Михаил. Храм над Окой. Архитектурный проект Василия Поленова. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 144 с.
- Примаков, Евгений. Я исповедую оптимизм. Сборник стихов и размышлений. Составители Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков. – М.: ТПП РФ; ЦМТ; АИРО-XXI, 2019. – 112 с. : ил.
- Рифф, Гизела. Линогравюры и тексты Карла Аймермахера / Перевод Д.Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 192 с.
- Советская внешняя политика и дипломатия 1939–1941 гг.: нетривиальный взгляд на события. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 192 с.
- Торгово-промышленная палата СССР в 1946–1991 гг. / Под ред. Президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2019. – 320 с. : ил.
- Фирсов, Фридрих. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 672 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Хрущёва, Нина. Пропавший сын Хрущёва, или когда ГУЛАГ в головах. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 208 с. : ил. – (Серия «АИРО – первая публикация в России»).
- Цыганок А.Д. Армия России: угрозы и вызовы. Войны XXI века и основные тенденции развития российской армии и обороной сферы: русский взгляд – М.: АИРО – XXI, 2019. – 624 с.
- Шталь Е.Н. Венедикт Ерофеев: писатель и его окружение. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 240 с. : ил.
- Malkevich V.L. Russia and the United States: Fated to be Together? – Moscow: AIRO-XXI, 2019. – 408 p. : il.

2020

- Ажгихина, Надежда.* Письма из Москвы. Устная речь. Междометия. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 280 с. : ил.
- Актуальные проблемы истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 208 с.
- Белозерцев Е.П.* Моя образовательная лестница. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 512 с. : ил.
- Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. С Приложением С.П. Щербины. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 632 с.
- Бурнашева Н.И.* Власть и управление национальной окраиной: экономика Якутии в XIX – первой трети XX века. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 320 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Катасонова Е.Л.* Новое японское кино: в споре с классикой экрана. Очерки современной японской массовой культуры / Ин-т востоковедения РАН. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 336 с.
- Кравчук Н.В.* Московское Чудо и Русская Реконкиста. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 448 с.
- Кривошеев В.Д.* Легендарный театр. МХАТ им. М. Горького. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 180 с.
- Крюков, Федор.* Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 432 с.
- Крюков, Федор.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 336 с.
- Крюков, Федор.* На Дону. В родных местах. М.: АИРО–XXI, 2020. – 384 с.
- Крюков, Федор.* Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 416 с.
- Крюков, Федор.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 352 с.
- Крюков, Федор.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО–XXI, 2020 – 368 с.
- Ленин и его время. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 256 с.
- Ли, Ларс.* ЛЕНИН / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 200 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России»).

- Максименков, Леонид. «Курильский» саммит. Визит премьер-министра Японии К. Танаки в СССР (7–10 октября 1973 года). Документы и записи переговоров. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 176 с. : ил.
- Малькевич В.Л. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 3. Победы и поражения в строительстве новой жизни (1920-е годы). Часть 1. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 640 с. : ил.
- Малькевич В.Л. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 3. Победы и поражения в строительстве новой жизни (1920-е годы). Часть 2. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 736 с. : ил.
- Материалы Международного общественного форума «Сохранение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах». Севастополь, 14 – 16 мая 2019 года / Под ред. Геннадия Бордюгова и Валерия Рузина. М.: Ассамблея народов России; АИРО-XXI; Евразийская академия ТВ и Радио, 2020. – 64 с.
- Международный общественный форум «Сохранение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах». Баку, 1–3 октября 2019 года. Материалы / Под ред. Геннадия Бордюгова и Валерия Рузина. – М.: Ассамблея народов Евразии; АИРО-XXI; Евразийская академия Телевидения и Радио. 2020. – 56 с.
- Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга третья. Дипломатические приемы 1939–1945 гг. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 768 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Ничто не проходит бесследно. К юбилею Л.Н. Королёвой. Сост.: Геннадий Бордюгов, Анатолий Ложкин, Татьяна Щеглова. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 200 с. : ил.
- Новосадюк, Владимир. Она и он в тени Алоиза. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 160 с.
- Победа-75: реконструкция юбилея / Под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 800 с. : ил.
- Фирсов, Фридрих. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. – 2-е изд., исправл. и дополн. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 672 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Фоменко, Игорь. «Страна чудес». Россия на старинных картах (XIII–XIX вв.). – М.: АИРО-XXI, 2020, – 464 с.
- Четырина Н.А. Сергиевский посад – город с именем Преподобного (конец XVIII – начало XIX в.). – М.: АИРО-XXI, 2020. – 392 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Япония в эпоху великих трансформаций / Под ред. профессора Д.В. Стрельцова – М., АИРО-XXI. 2020–320 с.

2021

- Ажгихина, Надежда.* Девочка с птицами. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.
- Ажгихина, Надежда.* Письма из Москвы. Устная речь. Междометия. Изд. второе, расширенное. – АИРО-XXI, 2021. – 304 с. : ил.
- Акульшин П.В., Князева И.С.* Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.) : моногр. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.
- Бозиев С.Н.* «Тихий Дон» в сравнениях. А.С. Серафимович, Ф.Д. Крюков, М.А. Шолохов... – М.: АИРО-XXI, 2021. – 376 с.
- Владислав Леонидович Малькевич:* на службе Отечеству и людям. Воспоминания и свидетельства коллег и близких. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 216 с.
- Войтиков, Сергей.* Ленин, Свердлов и Троцкий. партия, власть и террор. Очерки советской политической истории эпохи Гражданской войны. – М.: АИРО-XXI. 2021 г. – 240 с.
- Гребенкин И.Н., Романика А.С.* Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Гросул-Войцеховская Н.В.* Архитектор В.А. Войцеховский: замыслы и воплощения. 1909–1977. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 96 с.
- ЕГО ПУТЬ.* Вспоминая Стивена Коэна / Сост. Катрина ван ден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 404 с.
- Коротко о важном / Фред Фирсов (составитель).* М.: АИРО-XXI, 2021 – 416 с.
- Крюков, Федор.* Накануне. В час предрассветный. Статьи и очерки. М.: АИРО-XXI, 2021. – 368 с.
- Крюков, Федор.* Старое поле. В начале пути. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 320 с.
- Куреньшев А.А.* Жизнь как роман, роман – как жизнь. За что боролся и погиб Б.В. Савинков. Штрихи политического портрета. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 230 с.
- Малых Владимир, Носков Евгений.* Пеленг Огненных шаров. Гибель туристов группы Дятлова. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 88 с.

- Медведев Рой, Андреев Николай. Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.
- Медведев Р., Андреев Н. Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с.
- Мурашкин И.А. Усть-Медведицкая колыбель «Тихого Дона». (Серия «АИРО – исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”») – М.: АИРО-XXI; ЦНИ «Актуальная история». 2021 г. – 240 с.
- Неймарк, Норман. Геноцид: всемирная история / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 256 с. – (Серия «АИРО – первая публикация в России»).
- Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. 2-е изд. перераб. и доп. (Электронная версия). – М.: АИРО-XXI, 2021. – 408 с. : ил.
- «Тихий Дон». Кто автор? Из архива исследователей / под ред. А.Г. Макарова. (Серия «АИРО – Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”»). – М.: Актуальная история, 2021. – 272 с.
- Томилин В.Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 448 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Торгово-промышленная палата Российской Федерации в 1991–2020 гг. / Под ред. президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; ЦНИ «Актуальная история», 2021. – 464 с. : ил.
- Феномен красной конницы в Гражданской войне / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2021. – 336 с.
- Фирсов, Фридрих. Опыт семейной археологии. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 400 с. – (Серия АИРО – первая публикация).
- Черёмушкин П. Ярузельский: испытание Россией. Изд. 2-е, расшир. и дополн. М.: АИРО-XXI, 2021. – 394 с.
- Черёмушкин, Пётр. Александр Ведерников, главный дирижер. – М.: АИРО-XXI, 2021, – 184 с.
- Barabash V., Bordyugov G., Devyatov S., Kotelenets E. History issues of Russian 20th century / Translation editor M. Kupriyanova. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.
- HIS WAY. Remembering Stephen Cohen. Editors Katrina vanden Heuvel and Gennady Bordyugov. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 404 с.

2022

- Ажгихина Надежда.* Сны. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 222 с.
- Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).
- Бордюгов Г.А.* СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.
- Выжutowич В.В.* Ни слова о болезни: Беседы с доктором Бузиашвили. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 144 с.
- Духовно-нравственное становление человека: беседы с преподавателями и студентами / Под общей ред. Е.П. Белозерцева, Г.В. Заридзе.* – М.: АИРО-XXI, 2022. – 504 с.
- Клименко А.Ю.* Историко-архивный: Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. 1940–1990-е годы. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 336 с. : ил.
- Коэн, Стивен.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Третье издание. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с.
- Крюков, Федор.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 336 с.
- Крюков, Федор.* На Дону. В родных местах. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.
- Крюков, Федор.* Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 416 с.
- Ложкин, Анатолий.* От вятских увалов до столицы России. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 364 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Перед лицом своих товарищей...: сборник / Сост. и ред.: Т.В. Трухачева, А.Г. Кирпичник.* – М.: АИРО-XXI, 2021. – 296 с.; Электронное иллюстрированное издание. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 510 с.
- Проблемы новой и новейшей истории России: сборник / сост. В.Я. Гросул.* М.: АИРО-XXI, 2022. – 328 с.
- Старикова, Светлана.* Мне хочется мечтать. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 200 с. : ил.
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 1. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 544 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 2. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.

2023

Афанасьева М.Б. История Николаевского кавалерийского училища (1823–1917 гг.) – М.: Пробел 2000, 2023. – 272 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).

Бордюгов Г.А. СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. Изд. 2-е, расширенное и дополненное. – М.: Пробел 2000, 2023. – 412 с.

Коэн Стивен. Война с Россией? – М.: «Пробел 2000», 2023. – 268 с.

Лаврентьева М.Ю. Слово против слова: информационно-психологические войны. XX век. – М.: Пробел-2000; АИРО-XXI, 2023. – 288 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).

Петришина И.Д. Крестьянское хозяйство Черноземного центра в годы новой экономической политики: 1921–1929 гг. – 288 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).

РУССКАЯ СУДЬБА : Воспоминания, которые я никогда не напишу. Из архива Стивена Коэна / Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: Пробел-2000, 2023. – 388 с. : ил. – (Серия «АИРО-XXI – Первая публикация»).

СССР-100: реконструкция истории и юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 544 с. : ил.

Тартаковский А.Б. Семейный архив / Предисловие С. Смирнова. – М.: Пробел-2000, 2023. – 252 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).

Щербина С.П. Мемология российской истории XX века. Рождение и эволюция исторических образов. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 552 с.

2024

Ажгихина Надежда. Детский сад. – М. : АИРО-XXI ; Пробел-2000, 2024. – 200 с.

- Алмазов М.Г. Московская власть в борьбе с революцией накануне и во время Декабрьского вооруженного восстания (октябрь–декабрь 1905 г.) / Послесловие Дмитрия Андреева. – М. : Пробел-2000, 2024. – 624 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю. Гибридные и информационные войны. Учебное пособие. – М.: Пробел-2000, 2024. – 312 с.
- Бордюгов Г.А. История как конъюнктура. – М.: Пробел-2000, 2024. – 268 с.
- Бордюгов, Геннадий Аркадьевич. Библиография-70 / Сост. О. Пруцкова, С. Щербина ; Предисл. Дм. Андреева. — Изд. 2-е, расшир. и доп. – Москва : Пробел-2000, 2024. – 232 с. : ил.
- Владимир Вениаминович АГЕНОСОВ. Учитель. Ученый. Человек. Сост.: Г.А. Бордюгов, И. Ли. – Москва : Пробел-2000, 2024. – 300 с. : ил.
- Вадим Сидур: «Мир без человека мне не интересен». В 2-х частях. Часть I. Эдуард Гладков «В памяти и на фотопленке». Альбом фотографий. – М.: АИРО-XXI, 2024.
- Вадим Сидур: «Мир без человека мне не интересен». В 2-х частях. Часть II. «Однажды они спустились в подвал». Друзья, почитатели вспоминают... – М.: АИРО-XXI, 2024.
- Выжutowич В.В. Ни слова о болезни: Беседы с доктором Бузиашвили. -2-е издание. – Москва : Пробел-2000, 2024. – 144 с.
- Захарова Э.О. Чиновник особых поручений Андрей Заблоцкий-Десятовский. – М. : Пробел 2000, 2024. – 296 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).
- Нельская-Сидур Юлия. «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Воловникова. Изд. 3-е, исправленное. – М.: АИРО-XXI, 2024. – 1080 с.
- Носков В.Ю. Великая Отечественная: военное детство в советской пропаганде и памяти поколения (на материалах Донбасса). – М.: Пробел 2000, 2024. – 240 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).
- Опережающий время: Вячеслав КОНОВАЛОВ. – М.: Пробел-2000, 2024. – 200 с.
- Четырина Н.А. Реестр записей частных условий и контрактов ратуши Сергиевского посада (1790–1864 гг.). – М.: Пробел-2000, 2024. – 340 с.

2025

- Выжутович В.В.* Ни слова о болезни : Беседы с доктором Бузиашвили. -3-е издание. - Москва : Пробел-2000, 2025. - 144 с.
- Нина Гросул-Войцеховская. ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА. - М. : Пробел-2000, 2025. - 148 с. : ил.
- Норенкова И.Д.* Культурное пограничье: финляндцы в восприятии петербургского общества на рубеже XIX–XX веков / Послесловие А.П. Шевырева. - М. : Пробел 2000, 2025. - 248 с. - (Серия «АИРО – первая монография»).
- Победа-80: реконструкция юбилея / Под ред. Дмитрия Андреева и Геннадия Бордюгова. - М.: Серебряные нити, 2025. - 642 с.
- Феномен Нагавкина / Сост. Г.А. Бордюгов, Е.Е. Голубева. Электронная версия. - М.–СПб., 2025. - 152 с. : ил.
- Холматов, Темурмалик Комилджонович.* Степан Борисович Веселовский: опыт интеллектуальной биографии / Послесловие М.Ф. Румянцевой. - М. : Пробел 2000, 2025. - 392 с. - (Серия «АИРО – первая монография»).

Надежда Ажгихина и Катрина ванден Хювел
МЫ ВСЕ-ТАКИ ВЕРИМ...

Nadezda Azhgikhina and Katrina vanden Heuvel
HOPE SPRINGS ETERNAL

ISBN 978-5-89163-401-5

9 785891 634015

www.airo-xxi.ru
E-mail: sp@scherbina.net

Подписано в печать с оригинал-макета 14.08.2025
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 36,0

Типография «Лайдер Принт»
142100, г. Подольск, ул. Комсомольская, д. 1, пом. 1.

HOPE

Springs Eternal

Nadezda
Azhgikhina

Katrina
vanden Heuvel

